МД 1 4/34

Фон-Чишвиц

ЗАХВАТ БАЛТИЙСКИХ ОСТРОВОВ ГЕРМАНИЕЙ В 1917 г.

ВОЕНИЗДАТ · 1937

ВОЕНИЗДАТ

ARMEE UND MARINE BEI DER EROBERUNG DER BALTISCHEN INSELN IM OCTOBER 1917

ERFAHRUNGEN UND BETRACHTUNGEN
VON GENERAL DER INFANTERIE
A. D. VON TSCHISCHWITZ
S. ZT. CHEF DES GENERALSTABES
LANDUNGSKORPS

VERLAG R. EISENSCHMIDT, BERLIN N 3 W 7
1931

4
МД / 34

ФОН ЧИШВИЦ

ЗАХВАТ БАЛТИЙСКИХ ОСТРОВОВ ГЕРМАНИЕЙ

в 1917 г.

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
А. В. ГЕРБЕРТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
Москва—1937

Ч—72

Фон Чишвиц. *Захват Балтийских островов Германией в 1917 году.* Перевод с немецкого А. В. Герберта.

Наряду с обстоятельным изложением подготовки и развития предпринятой немцами в 1917 году операции «Альбион», известной у нас под названием «Моонзундской» операции, германский автор, бывший начальник штаба десантного отряда, на основе этого «первого» для немцев опыта совместных действий сухопутных сил и флота делает ряд ценных практических выводов относительно организации и проведения подобного рода операций. В заключение автор высказывает надежду, что опыт Моонзундской операции будет использован немцами при будущем овладении ими «близлежащей немецкой восточной провинцией», т. е. прибалтийскими государствами — Эстонией, Латвией и Литвой.

Книга заслуживает серьезного внимания и изучения со стороны нашего комсостава.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 285182
«_____» 193 г.

Предисловие автора

23-й рез. корпус, начальником штаба которого я был в продолжение нескольких лет, почти всю войну действовал на самых ответственных участках на западном фронте. Летом 1917 г. штабу корпуса посчастливилось быть переброшенным на восточный фронт, где он и принимал участие в трех наступательных операциях: в Галиции при форсировании р. Зап. Двина под Ригой и при захвате Балтийских островов. Это были интересные и совершенно различные по своему характеру операции. Но наиболее интересной за все время войны для штаба корпуса была операция «Эзель».

Она представляет интерес не только как пример взаимодействия армии и флота, но является поучительной в оперативном, тактическом и навигационном отношении. Она дает материал для решения ряда вопросов в области техники вооружения и судостроения. Она может послужить основанием для разработки целого ряда вопросов, связанных с дальнейшей эволюцией организации армии, вооружения и тактики. Операция в целом, так же как и ее отдельные этапы, содержит богатый материал для разработки оперативных проблем и для изучения различных тактических положений, до самых мелких сухопутных и морских подразделений включительно.

Однако, если эта операция и была выполнена почти в полном соответствии с разработанным планом и увенчалась полнейшим успехом, превзошедшим все ожидания, все же ее не следует рассматривать как образец для подобных же операций в будущем. Необходимо принять во внимание тот фактор, что русские и на суше и на море не представляли собой полноценного противника; поэтому против них можно было дерзать на такие действия, которые против равноценного противника были бы недопустимы. И несмотря на это, а, быть может, именно поэтому в процессе операции имели место и кризисные моменты, и ошибки, и неудачи, особенно на море. Они-то и заслуживают, главным образом, внимания и изучения.

К великому сожалению, для беспристрастного исследования фактов в их взаимной связи не имеется официальных отчетов противной стороны. Лишь немногие высказывания отдельных рус-

ских офицеров бросают некоторый свет на непонятные подчас действия этого, ранее столь храброго, противника. Поэтому при оценке их приходится быть особенно сдержанным.

Я не смог ограничиться голым изложением хода этой интересной и законченной операции. Изучая документы, невольно даешь им критическую оценку. И если я, принадлежа к составу сухопутной армии, все же осмеливаюсь подвергать разбору действия флота на море, то делаю это из тех соображений, что, несмотря на некоторые различия, основные принципы боевых действий на суше и на море во многом сходны.

Недавно подполковник в отставке фон Шефер в своем очень интересном труде «Генеральный штаб и морской штаб, взаимодействие армии и флота» подверг разбору те упреки, которые делались выдающимися морскими офицерами, не исключая и адм. фон Тирпица, по адресу генерального штаба и армейского командования. Шефер приходит к выводу, что эти «жалобы ограничиваются в основном 1914 годом, так как в последующее время едва ли можно сделать упрек относительно отсутствия взаимодействия».

Лично я, в роли бывшего начальника штаба десантного корпуса в период операции против Балтийских островов, могу лишь подтвердить справедливость этого утверждения.

Берлин
Август 1931 г.

I. Предшествовавшая обстановка на восточном фронте

В начале 1917 г. Германия продолжала оставаться в положении «осажденной крепости».

После того как противники и в 1916 г. не достигли цели своими разрозненными наступлениями, приходилось считаться с тем, что в 1917 г. они предпримут одновременное наступление на различных фронтах. Для отпора им необходимо было иметь очень сильные резервы. Но после их создания уже нехватало войск для крупного решительного наступления.

Фельдмаршал фон Гинденбург справедливо характеризует принятые мероприятия как

> «*стратегическую группировку* большого масштаба, которой мы временно давали преимущество противнику, но из которой могли в любой момент предпринять наступление против слабых участков неприятельских фронтов».

Однако, нужно было выждать. Обстановка должна была подсказать, когда и где можно будет взять инициативу в свои руки.

Против ожидания, армии Антанты не предприняли одновременного наступления.

Весной на западном фронте потерпели неудачу сильные атаки англичан у Арраса и французов на р. Эн. 31 июля началось сражение во Фландрии.

На востоке, благодаря русской февральской революции, обстановка сложилась так, что германская ставка не имела возможности решиться на наступление. Ставка тщетно ожидала заключения сепаратного мира до тех пор, пока русские, несмотря на революцию, сами не перешли в наступление.

Начатое в июле наступление Керенского по обоим берегам р. Днестр имело успех и даже создало кризисное положение на австрийском фронте. Благодаря вводу в дело германских войск, наступление было остановлено. Мы перешли в контрнаступление, продвинулись на 150 *км* вперед и за 13 дней очистили от противника почти всю Галицию и большую часть Буковины.

Теперь предстояло дальнейшими ударами окончательно разгромить русский фронт.

Для нанесения удара было выбрано северное крыло, где 12-я русская армия продолжала занимать 8 дивизиями в районе Риги

предмостную позицию на западном берегу р. Зап. Двина. Такое выдвинутое расположение русских само по себе уже представляло в течение двух лет постоянную угрозу нашему северному крылу. Поэтому необходимо было захватить предмостную позицию.

Схема 1. Общая схема

Одного фронтального удара было недостаточно, а потому было принято смелое решение: переправившись через р. Зап. Двина выше Риги, где река имела ширину до 400—500 *м*, очистить город

от русских и по возможности отрезать гарнизон предмостной позиции, развив удар в северо-восточном направлении. 1 сентября германские войска успешно форсировали р. Зап. Двина. Древний германский ганзейский город Рига был занят. Однако, отрезать 12-ю русскую армию на предмостной позиции не удалось. Русские заметили подготовку германского удара и своевременно очистили позиции западнее р. Зап. Двина. В течение немногих дней наше северное крыло продвинулось до р. Аа Лифляндская.

Таким образом, на суше угроза для нашего северного крыла, примыкавшего к Рижскому заливу, была ликвидирована. Но она продолжала существовать со стороны моря. Для ее ликвидации здесь необходимо было добиться господства в Рижском заливе.

II. Стратегическое значение Балтийских островов

Рижский залив имеет два входа: Ирбенский пролив, шириной около 15 морских миль (28 *км*), между южной оконечностью о. Эзель и материком (тогдашним побережьем Курляндии), и Большой Зунд, или Моон-Зунд, шириной около 4 морских миль (7 *км*), между островом Моон и эстляндским берегом. Оба входа простреливались огнем береговых батарей и были прегражденны минными заграждениями. Малый Зунд, между островами Эзель и Моон, не имел значения ввиду того, что оба эти острова были соединены каменной дамбой.

Таким образом, находившийся в Рижском заливе русский флот, хотя и не был в безопасности от угрозы воздушного нападения противника и его подводных лодок, но был надежно обеспечен от какого-либо воздействия надводных морских сил. Русский флот был в состоянии обстреливать огнем своих дальнобойных орудий наше северное крыло, не подвергаясь риску обстрела с нашей стороны. Кроме того, он имел возможность высаживать десанты в тылу нашего северного крыла, создавая тем самым угрозу нашей фланговой группе.

Уязвимость открытого фланга сухопутного фронта, примыкавшего к морю, где господство было не в наших руках, существовала также и на западе. Там были приняты весьма серьезные меры для обеспечения фланга германского западного фронта во Фландрии. Но на имевшем значительное протяжение побережье Рижского залива подобные меры обеспечения были бы неэффективны.

Если угроза северному крылу восточного фронта давала себя сильно чувствовать в течение двух лет, то она отнюдь не уменьшилась после того, как фронт выдвинулся к р. Аа Лифляндская, в связи с чем прибрежный участок удлинился еще больше. Кроме того, было признано целесообразным использовать для подвоза снабжения морем Усть-Двинск, оказавшийся теперь в тылу северного крыла фронта.

Итак, для ликвидации угрозы с моря со стороны русских нашему северному флангу необходимо было вторгнуться морскими силами в Рижский залив и вытеснить оттуда русский флот. Но, чтобы прочно закрыть доступ русским в оба пролива и, что еще

важнее, обеспечить через Ирбенский пролив вполне надежную связь с базой флота, необходимо было прочно владеть входами в Рижский залив. Для той же цели нужно было овладеть островами Эзель и Моон.

Таким образом, господствовать в Рижском заливе мог только тот, кто владел островами Эзель и Моон.

В этом-то и состояло *стратегическое значение* островов для сухопутного фронта, примыкавшего одним флангом к Рижскому заливу.

Успехи, одержанные под Ригой в начале сентября, позволили — правда, временно — выделить необходимые силы для захвата Балтийских островов.

19 сентября последовал приказ кайзера:

> «Для господства в Рижском заливе и обеспечения фланга восточного фронта надлежит совместным ударом сухопутных и морских сил овладеть островами Эзель и Моон и запереть для неприятельских морских сил Большой Зунд».

Руководство операцией было возложено на командующего 8-й армией ген.-от-инф. Гутье.

Шифр для операции был дан «Альбион».

III. Действия на море

Ввиду тех опасностей, которые угрожают транспортам с войсками во время их перехода к месту высадки, и трудностей, связанных с высадкой десанта в виду противника, действия на море в десантной операции всегда считались рискованными и обычно кончались неудачей.

Сухопутные войска во время их нахождения на транспортах, подвергшись нападению противника, обычно оказываются беззащитными, поскольку они не в состоянии использовать свои боевые средства. К дальнобойным орудиям неприятельского морского флота в современных условиях прибавились подводные лодки и бомбардировочная авиация; если еще добавить к этому минные заграждения, то станет понятным, насколько возросли опасности для плавания транспортного флота. Последний рискует понести столь значительные потери, что это может совершенно сорвать всю десантную операцию.

В качестве обязательного условия для успешного выполнения десантных операций до сих пор являлось абсолютное господство на море. Транспортный флот обеспечивался от огня неприятельской судовой артиллерии превосходными морскими силами. Однако, подводные лодки, бомбардировочная авиация и мины могут в современных условиях очень быстро свести на-нет господство на море. Поэтому-то перевозка войск морем, предпринятая даже стороной, обладающей значительным превосходством на море, продолжает и теперь оставаться весьма рискованной.

Мировая война в этом отношении изобилует убедительнейшими примерами.

Не меньшие трудности представляет самая высадка сухопутных войск в виду противника.

Присущая вообще обороне сила огня еще более повышается против десанта. Обороняющийся имеет преимущество в береговой артиллерии. Кроме того, самая высадка десанта связана с большими затруднениями. Расположенные на закрытых позициях береговые батареи представляют для судовой артиллерии крохотные, почти необнаруживаемые и трудно уязвимые цели. Так как огонь береговых батарей направляется не по отдельным башням судовой артиллерии, а по всему корпусу корабля, то последний представляет собою крупную мишень и, следовательно, значительно более легко поражаемую цель. К этому нужно добавить более сложные условия наблюдения и более трудные условия самой техники стрельбы судовой артиллерии по сравнению с неподвижными береговыми батареями. Этим-то и объясняется общепризнанная значительно более высокая действительность огня орудия на берегу по сравнению с орудием судовой артиллерии. Сказанное особенно характерно для навесного огня, вести который орудия судовой артиллерии не в состоянии, между тем как палуба любого военного корабля является наиболее уязвимой для этого вида огня.

Приведенные соображения особенно подтвердились на примере устарелых турецких орудий и 150-*мм* гаубиц во время Дарданельской операции, а также на примере неудачных действий тяжелых английских мониторов против береговых батарей во Фландрии.

Без уничтожения береговых батарей или, хотя бы, без подавления их огня любая высадка десанта заранее обречена на неудачу.

Самый процесс высадки десанта с судов является весьма трудной операцией ввиду чрезвычайно возросшей действительности пулеметного огня и вследствие более выгодных условий использования пулеметов обороняющимся. В этом отношении высаживающийся оказывается в более неблагоприятном положении, чем, например, при форсировании реки. В последнем случае наступающий имеет возможность полностью использовать свои пулеметы, ведя огонь по обороняющемуся через реку. При высадке морского десанта возможность такого огня чрезвычайно ограничена, хотя бы только в силу чисто технических условий. Насколько нам известно, случаев использования пулеметов высаживающимися войсками почти не было.

Ввиду того, что во время переправы находящиеся в понтонах бойцы представляют собою прекрасную цель для пулеметного огня противника, при форсировании рек стремятся по возможности уменьшать размеры переправочных средств. Но при высадке на морском берегу это невыполнимо. Действительно, если принять во внимание хотя бы только одни условия плавания по морю, то для десанта приходится иметь более крупные суда. Таким образом, положение высаживающейся пехоты уподобляется, до известной степени, положению пехоты на транспортных пароходах во время их перехода к месту десанта, т. е. пехота представляет собою беззащитную цель.

К сказанному следует добавить, что десантным судам приходится совершать значительно более длинный путь по сравнению с понтонами и прочими мелкими переправочными средствами, применяемыми при форсировании реки, поскольку в последнем случае расстояния значительно короче.

Переправа через р. Зап. Двина, имевшую ширину около 400—500 *м*, представляла собой уже нечто необычное. Но на столь близкое расстояние могут подходить к морскому берегу только очень небольшие пароходы и миноносцы, и то лишь в самых редких случаях.

Если принять, наконец, во внимание, что в случае неблагоприятной погоды высадка вообще может сделаться невозможной, то мы получим представление о тех трудностях, которые приходится преодолевать войскам при высадке, особенно на открытом берегу и, вдобавок, при отсутствии оборудованных набережных.

При высадке 88-й английской бригады на Галлипольском полуострове 25 апреля 1915 г. транспорту «Ривер Клайд» удалось подойти в бухте, расположенной немного западнее Сэдд-эль-Бара, на расстояние нескольких метров от берега. Было предположено с помощью 2 лихтеров (грузовых судов) навести мост. Несмотря на благоприятную обстановку, высадка после многократных тщетных попыток, несомненно, потерпела бы полную неудачу в результате пулеметного и ружейного огня турок, если бы не удалось подавить огонь противника пулеметным огнем бронеавтомобиля, находившегося на носу парохода.

Скученной на моторных и гребных судах пехоте приходится совершенно открыто под самым действительным пулеметным и ружейным огнем противника подходить к самому берегу, не будучи в состоянии со своей стороны использовать превосходство огня, или же на очень близком расстоянии от берега пересаживаться с пароходов и миноносцев на мелкие суда, или переправляться на сушу по мостам, — это резко противоречит всем современным понятиям о применении оружия и вообще современной тактике. Подобного рода высадка обречена на безусловную неудачу. Кроме того, не было случаев, чтобы даже самая сильная судовая артиллерия смогла во время высадки эффективно действовать против пехотной обороны противника и подавлять его ружейный и пулеметный огонь, подобно тому как этого не в состоянии сделать сухопутная артиллерия в тот момент, когда атакующая пехота подойдет вплотную к неприятельской позиции.

В этот период решающим огневым средством остается пехотное оружие, которое наступающий может использовать лишь в самом ограниченном масштабе и к тому же в самых неблагоприятных для него условиях, тогда как обороняющийся, наоборот, в состоянии широко использовать все свои огневые средства. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы хотя до известной степени компенсировать во время высадки присущее обороняющемуся преимущество в силе огня.

Для этой цели, кроме артиллерии мелких военных судов (миноносцев и т. п.), могут быть применены только пулеметы. Спосо-

бы их хотя бы ограниченного использования могут быть весьма разнообразны и должны быть разработаны. Между прочим, моторные и весельные лодки для этой цели непригодны, прочие же более крупные суда (например миноносцы, лихтеры, паромы, транспорты) могут быть вполне использованы, но при условии, что волнение не слишком сильно. Задача техники — установить, не потребуется ли для этого специальное оборудование в виде, например, карданного подвеса и т. п.

Для облегчения положения десанта в критический момент высадки рекомендуется применять дымовую завесу и искусственный туман, невзирая на ряд связанных с этим неудобств. Вполне понятно, что эффективность этих средств существенно зависит от состояния погоды.

Наконец, при высадке на укрепленном и обороняемом побережье остается еще одно средство, а именно *внезапность*. Раз внезапность является непременным условием для успешного форсирования реки, то тем более она необходима в более трудных условиях морского десанта.

Но именно внезапность, несмотря на возросшую, по сравнению с прошлым, скорость хода не только военного, но и транспортного морского флота, чрезвычайно трудно осуществима вследствие сильно развитой службы связи. Весьма трудно скрыть сосредоточение крупных транспортных средств. Не менее трудно укрыться от наблюдения с воздуха как в непосредственной близости от места будущего десанта, так и в море, во время плавания крупных морских сил. Поэтому для обеспечения внезапности необходимо стремиться к тому, чтобы ввести противника в заблуждение относительно действительного пункта высадки десанта; оперативно этого можно достигнуть на более дальнем расстоянии, тактически — на более близком. Нужно стремиться к одновременной высадке в нескольких пунктах, — конечно, при том условии, что будут обеспечены последующие совместные действия высаживаемых раздельно войск. Тотчас же после того, как первым высадившимся пехотным подразделениям удастся закрепиться на берегу, их ближайшей задачей явится создание своего рода предмостного укрепления для обеспечения последующих высадок. По мере высадки последующих частей этот плацдарм должен быть выдвинут дальше вперед и расширен. Между прочим, необходимо иметь в виду, что высадившиеся части довольно долгое время будут лишены не только поддержки полевой артиллерии, но даже и пулеметов.

Таким критическим положением десанта не преминет, конечно, воспользоваться обороняющийся, во всяком случае в первый момент после высадки, чтобы атаковать высадившиеся части противника и сбросить их в море. Подобный случай, например, имел место с французами в 1915 г. на азиатском берегу Дарданелл.

Короче говоря, десантная операция всегда связана с риском, почему для ее успешного завершения требуются основательная подготовка, твердое и искусное руководство, наличие превосходных сил и... военное счастье.

IV. Острова и омывающие их воды

Эзель, Моон, Абро, Руно и прочие мелкие острова образовали Эзельский уезд б. Лифляндской губернии.

Острова Даго и Вормс входили в состав б. Эстляндской губернии.

Балтийские острова некогда принадлежали германскому рыцарскому ордену и в последующие столетия служили объектом борьбы русских, поляков, шведов и датчан. Военные бури, разразившиеся над этими островами, принесли много разрушений, но все же там уцелели остатки германской культуры. Черты характера, нравы и обычаи сохранились до самой мировой войны, тем более, что, кроме коренного эстонского населения, там жили немцы. Несмотря на то, что последние в общем представляли лишь незначительное меньшинство, им удалось сохранить в своих руках влияние на остальное население. К немцам принадлежали протестантское духовенство, дворяне-землевладельцы и торговая буржуазия. Эти группы играли значительную роль в жизни населения, что и послужило одной из причин выселения в период войны с островов многих немцев.

Остров Эзель, имевший 60 000 жителей и по площади в 3 раза превосходящий о. Рюген, со своими полуостровами, мысами и бухтами имеет весьма развитую береговую линию.

В юго-западной его части расположен самый большой из полуостровов — Свербе. На его восточной стороне проходит кряж, имеющий высоту до 27 *м*, круто спадающий на восток к заливу; западные его склоны пологие, и только местами имеются крутые участки.

В северо-западной части острова особенно выделяется полуостров Хундсорт, восточный берег которого, хотя и не носит скалистого характера, но круто обрывается к бухте Тагалахт.

Крутые скалистые берега имеются только в Мустельском заливе, восточнее бухты Тагалахт, и еще в немногих пунктах.

В общем же берега пологие, на мысах песчаные с галькой, а в бухтах большею частью представляют собою мокрый луг.

Внутренность острова представляет постепенно возвышающуюся с юга на север, слегка пересеченную низменность с небольшими холмами, высотой до 50 *м*.

Речки небольшие и большею частью проходимые вброд, мосты каменные, но их очень мало. Большие озера, расположенные в окрестностях уездного города Аренсбурга, представляют для него естественную защиту с запада. Болот много; во время решительных боев в восточной части острова они сыграли свою роль. На картах, большею частью устарелых, показано слишком много покрытых лесом пространств. Но нужно заметить, что сосновые и можжевеловые поросли сильно стесняли обзор. Большая часть лугов также была покрыта можжевельником, достигавшим высоты человеческого роста. Поверхностный слой земли тонок, подпочва — известняк, что затрудняло окопные работы. Имевшиеся в большом количестве камни использовались населением для устройства

Схема 2. Острова Эзель и Моон, оборонительные сооружения, план операции

оград. Эти ограды, высотой свыше 1 *м*, окружали селения, хутора, луга и поля.

Селения насчитывали в среднем по 20—40 дворов. Кроме того, имелось значительное количество хуторов, расположенных разбросанно.

Однообразный ландшафт оживлялся красивым внешним видом немногочисленных помещичьих усадеб.

Исключение представлял Аренсбург, уездный и единственный город на острове. В то время он насчитывал 5 000 жителей. Это был чистенький маленький городок с хорошими домами и красивыми садами; летом Аренсбург представлял собою усиленно посещаемый курорт. Над небольшими домами возвышался епископский замок. Двести лет тому назад он был разрушен русскими, а затем вновь восстановлен по старым планам местным дворянством. Перед мировой войной в нем помещалось дворянское собрание; в старинном рыцарском зале на стенах были развешаны гербы древних дворянских германских родов. Прилегающая к самому городу старая гавань занесена песком; в 3 *км* от города, около Ромассар, имелся мол для причала судов с осадкой не свыше 3 *м*.

Несмотря на большие запасы камня, хороших дорог на острове было мало.

Всего имелось 5 шоссе, соединявших Аренсбург с о. Моон, с северной оконечностью острова (Памерорт), с Киельконд на северо-западном берегу и со Сворбе на южной оконечности острова. Рокадных путей не было; не было также железных, хотя бы узкоколейных, дорог.

Остров Эзель соединен с о. Моон каменной дамбой в 3,5 *км* длиной и 4—5 *м* шириной; при обороне обоих островов дамба сыграла значительную роль. Почтовый тракт Аренсбург, Орриcар имеет продолжение и на о. Моон до Куйваст, расположенного на его восточном берегу. Куйваст был связан с о. Вердер пароходным сообщением через Моон-Зунд, шириной в 4 морские мили (7 *км*), с фарватером, углубленным до 10—20 *м;* о. Вердер был соединен мостом с материком.

Острова Моон и Даго имеют тот же характер, что и о. Эзель, только о. Даго гораздо лесистее и почти сплошь покрыт болотами, вследствие чего селения расположены почти исключительно по берегам.

Население островов занимается земледелием, животноводством, рыбной ловлей, судоходством и торговлей. В 1915 г. до $^2/_3$ скота и запасов фуража были увезены, и поскольку жители сами терпели в них недостаток, довольствовать крупные войсковые части за счет местных средств было нельзя.

Условия плавания в омывающем острова море были не особенно благоприятны. Очертание берегов, недостаточное количество ориентиров, небольшие островки, окружавшие острова, и незначительные глубины не благоприятствовали плаванию. Особенно большая осмотрительность требовалась в ненастную погоду. При выполнении десантной операции исключительное значение приобретали трудные условия плавания в бассейне между островами

Эзель, Моон и Даго, на Кассарском плесе и в Малом и Большом (Моон) Зундах.

Максимальная глубина Кассарского плеса немного больше 8 *м*. Благодаря небольшим глубинам вдоль юго-восточного берега о. Даго и в восточной части Моон-Зунда, часть залива, пригодная для плавания миноносцев, весьма невелика. По форме эта площадь представляет собою треугольник. Ограничивающая его линия шестиметровых глубин проходит на юге непосредственно вдоль о. Эзель, на востоке — приблизительно по меридиану 23°, т. е. от входа в Малый Зунд и далее на юго-восточную оконечность о. Даго, а затем вдоль берега последнего; в направлении с северо-востока на юго-запад граница проходит южнее о. Кассар, т. е. вдали от берега. Пролив между островами Эзель и Даго, так называемый Соэлозунд, имеющий на своей западной стороне выход в открытое море, имеет весьма незначительную глубину. Благодаря изобилующему мелями узкому и изломанному фарватеру, в нем могли плавать только миноносцы и вообще суда с мелкой осадкой. На востоке Кассарский плес отделен от Моон-Зунда банкой, шириной до 5 морских миль.

Довольно глубокий фарватер проходит только вблизи северо-восточного берега о. Моон по направлению к Моон-Зунду, через так называемый «чулок». Плавание в нем возможно только по вехам или по створам, имеющимся на берегу. Но и те и другие, видимо, были сняты русскими.

Малый Зунд севернее каменной дамбы имеет всего лишь 3 *м* глубины, а южнее дамбы и того меньше. Таким образом, он доступен для плавания только севернее дамбы и притом лишь для небольших миноносцев с мелкой осадкой.

В Моон-Зунде фарватер тоже очень узкий. Однако, в северной его части русские углубили канал, имевший ширину 70 *м* и глубину 7,5 *м*. Этим были созданы благоприятные условия для плавания. Пользуясь каналом, русские могли проводить из Финского залива в Рижский крейсеры и даже линейные корабли устарелого типа; последние, правда, лишь после снятия с них боеприпасов и положенного запаса угля.

V. Противник и его оборонительные мероприятия

Русские вполне сознавали всю важность владения Балтийскими островами, запиравшими вход в Рижский залив. Они уже давно предвидели возможность операции по захвату островов германцами, особенно после падения Риги. Для обороны островов ими было сделано много. Агентурные донесения и результаты воздушной разведки дали достаточно полную и достоверную картину мероприятий, предпринятых русскими. Было установлено, что за последние месяцы на островах широко развернулись оборонительные работы.

Особенно сильно были укреплены берега полуострова Сворбе. На его южной оконечности находились 3 тяжелые береговые батареи. Одна из них (305-*мм* с круговым обстрелом) закрывала вход

БИБЛИОТЕКА Государ. Историч. музея № «» 193 г.

в Ирбенский пролив; она была расположена на южной оконечности полуострова, на мысе Церель. С севера полуостров прикрывался укрепленной позицией в районе Анзекюль. Таким образом, полуостров был превращен в своего рода крепость. Во главе его стоял специально назначенный комендант.

В северной части острова были укреплены оба берега бухты Тагалахт, вход в которую находился под перекрестным обстрелом двух тяжелых береговых батарей калибром в 120 и 150 *мм*. Одна из них была расположена на западном берегу бухты, на мысе Ундва, другая — на восточном берегу, на мысе Нинаст. У Кильконд и на восточном берегу бухты, в 600 *м* юго-восточнее Каласма, были обнаружены неприятельские полевые батареи. Проход через пролив Соэлозунд, между островами Эзель и Даго, находился под обстрелом батареи, расположенной на южной оконечности о. Даго у Тоффри, и, повидимому, еще одной батареи, которая находилась предположительно у Памерорт.

Узкая полоска суши к западу от Аренсбурга, между озерами и берегом моря, прикрывалась укрепленной позицией.

Подступы к каменной дамбе, соединявшей острова Эзель и Моон, были прикрыты своего рода предмостной позицией. На с. Эзель, кроме небольшого предмостного укрепления у Оррисар, построенного впереди самой дамбы, имелась еще укрепленная позиция в 6—7 *км* от головы дамбы. Таким образом, эта позиция представляла собою уже как бы вторую предмостную позицию.

Моон-Зунд находился под обстрелом 2 тяжелых береговых батарей калибром в 150 и 250 *мм*, расположенных около Вой, на юго-восточной оконечности о. Моон, и одной тяжелой батареи на о. Вердер. Последний был соединен с материком мостом и сильно укреплен.

Все батареи, а также гидроавиастанции в Аренсбурге и Папенсхольме, на западном берегу (около Кильконд), и у Лебара, на полуострове Сворбе, были прикрыты от налетов воздушного противника несколькими зенитными батареями.

Гарнизон о. Эзель состоял, повидимому, из одной дивизии, причем на полуострове Сворбе, в бухте Тагалахт и у Аренсбурга (резерв) было расположено по одному полку с артиллерией.

Таким образом, русские, видимо, считались с вероятностью высадки противника на полуострове Сворбе и в бухте Тагалахт. Что же касается других, более мелких бухт на побережье Рижского залива, то высадка десанта им не угрожала до тех пор, пока Ирбенский пролив был закрыт Церельской тяжелой батареей.

Оборона островов имела сильную поддержку в лице Балтийского флота, который предпринял ряд мер оборонительного порядка на море. Ядро русского флота (4 линейных корабля новой постройки) находилось предположительно в Гельсингфорсе. В Моон-Зунде имелись значительные силы, а именно: 2 линейных корабля устарелого типа, бронированные крейсеры, легкие крейсеры, канонерки, эск. миноносцы и миноносцы; часть этих кораблей была нового типа. Кроме того, имелись подводные лодки, в том числе английские, представлявшие весьма серьезную опасность для транспортного

флота. Фактически в Ганге находилось 8 английских подводных лодок с английскими экипажами; из русских на этих лодках имелось только по одному штурману. Английские лодки постоянно находились в состоянии полной готовности к плаванию, действовали совершенно самостоятельно и, по понятным причинам, не имели никакой связи с экипажами русских кораблей.

Каковы были условия плавания в проливах Соэлозунд и Моон-Зунд, точных данных не имелось. Однако, было известно, что благодаря дноуглубительным работам Моон-Зунд доступен также и для линейных кораблей. В результате разведывательной деятельности авиации и подводных лодок, а также других данных разведывательного характера удалось постепенно получить в общем довольно достоверное представление о противнике и о его оборонительных мероприятиях.

Особенно сильно была организована морская минная оборона, которой русские славились издавна и которую они успешно применяли еще в русско-японскую войну. Постепенно были созданы минные заграждения на очень большом протяжении. На наиболее ответственных участках, особенно на морских подступах к Рижскому заливу и в самом заливе, было поставлено несколько тысяч мин.

Прежде всего предстояло очистить фарватер от минных заграждений как своих, так и противника. Эта работа, особенно в ненастную погоду, предъявляла чрезвычайно высокие требования к личному составу флотилий искателей мин и тральщиков, от которого в этой работе требовалось проявление высокого мужества и самопожертвования.

Для иллюстрации приведем некоторые данные.

Мины имеют форму шара или груши и снаряжены 200 *кг* взрывчатого вещества; устанавливаются они на якоре. Якорный трос при развертывании защемляется автоматически с таким расчетом, чтобы мины устанавливались на 2—5 *м* ниже поверхности воды. Устройство ударного приспособления мины таково, что при прикосновении к ней судна происходит взрыв. Взрыв мины может иметь чрезвычайно разрушительные последствия, что, однако, далеко не всегда грозит гибелью судну, если только оно имеет отсеки и если взрыв не придется вблизи расположения боевых погребов.

Мины устанавливаются на дистанциях от 40 до 50 *м*, обычно в два и более рядов.

Для траления мин вначале применялись суда с самой малой осадкой, например миноносцы устарелого типа водоизмещением около 150 *т*, или рыбачьи суда; затем были созданы специальные искатели мин водоизмещением 500 *т*.

Флотилии искателей мин работают группами по 4—5 тральщиков. Между двумя тральщиками натянут стальной трос (трал), идущий на 2—6 *м* ниже поверхности воды; захватив минреп, трал начинает травиться, причем минреп перебивается подрывным патроном; мина всплывает на поверхность воды и выстрелом из винтовки или орудия топится или взрывается.

Для траления обнаруженных минных заграждений, а также для их обнаружения при мелкой воде применялись дивизионы тральщиков. В их состав входили небольшие моторные катера водоизмещением около 15 *т* с осадкой всего лишь в 1 *м*. Эти суда перевозились на специальной матке тральщиков и спускались на воду на самом месте работы. Само собой понятно, что при сильном волнении эти мелкие суда работать не могли.

Тралить мины при сильном волнении затруднительно, так же как и при мелком фарватере (мели, рифы и т. д.). Тралы в этих случаях часто вытравливаются, причем не всегда удается сразу обнаружить причину. Повторный проход таких подозрительных мест связан с новой работой и потерей времени. Кроме того, постоянную опасность представляет возможность наткнуться на мину, а также преждевременный взрыв мины в трале.

И без того трудная работа по тралению мин осложнялась еще тем, что русские все время совершенствовали свои мины и меняли способы их постановки, например устанавливали их на различных глубинах. Русские применяли также малые мины, так называемые «рыбки», с зарядом всего лишь в 20 *кг;* ставились они на глубину 0,5—1 *м* от поверхности воды. Эти мины представляли особенную опасность для судов с небольшой осадкой, например для тральщиков и миноносцев, которые часто несли от них потери.

Немалую опасность представляли также дрейфующие мины; они срывались с якоря при большом течении или волнении и уходили в неопределенном направлении. Принадлежавшим к составу сухопутных войск и не имевшим дела с дрейфующими минами трудно себе представить всю сумму опасностей, которую они представляют. После занятия о. Эзель в Аренсбурге ежедневно были слышны многочисленные взрывы; это взрывались дрейфующие мины, прибитые к берегу южным ветром[1].

Для обеспечения от мин особенно ценных кораблей (например линейных кораблей, транспортов) впереди них пускают, кроме тральщиков, так называемых «прорывателей заграждений» (Sperrbrecher). Они представляют собою пароходы, груженые деревом или другими легко всплывающими материалами. Идя, примерно, по курсу еще уцелевших мин, эти суда, наталкиваясь на мины, взрывают их, сами же не тонут, почему они и представляют наилучшую защиту для следующих за ними кораблей.

Война требует крупных и разнообразных жертв. Несмотря на все ужасы, война представляет собою нечто возвышенное и величественное, но минная война и на море и на суше таит в себе что-то жуткое и коварное.

---

1 Когда мы по окончании операции вместе с командующим десантным корпусом приезжали с прощальным визитом в штаб флота, нам пришлось ввиду сильного волнения итти на миноносце, чтобы попасть на флагманский корабль, стоявший на внешнем рейде. На обратном пути весь мол был занят пароходами, так что пришвартоваться было негде. Миноносец пришвартовался к одному из пароходов. Мы только что собрались сойти с миноносца, как раздался сильный взрыв, после чего пароход начал тонуть. Дрейфующая малая мина попала между молом и бортом парохода.

* * *

Вскоре после падения Риги русская ставка возвестила:

«Наши военные корабли защищают Рижский залив и к бою готовы».

Спустя 2 дня главный комитет Балтийского флота объявил, что:

«Русские моряки скорее погибнут, чем отступят перед германскими кораблями».

В сентябре Керенский обратился со следующей телеграммой к главнокомандующему северного фронта:

«Передайте Балтийскому флоту, что наступил грозный час испытания. Для своего избавления Россия ждет геройских поступков от морского флота, и я как верховный главнокомандующий требую от бойцов и командования, чтобы они принесли жертву... Пускай же флот под руководством своих офицеров, патриотизм которых общеизвестен, отбросит противника».

Затем приходилось считаться с боевым духом эзельского гарнизона; ведь в июле русская армия, в период наступления Керенского, действовала храбро и имела значительные успехи.

Было, кроме того, известно, что англичане с начала 1917 г. вели на полуострове Сворбе геодезические работы; предполагалось отчуждение англичанами всего полуострова Сворбе. Кроме того, гидроавиабаза в Папенсхольме на западном берегу находилась, видимо, в руках англичан.

Наконец, как уже говорилось, в составе русского Балтийского флота имелось несколько английских подводных лодок.

Все вместе взятое давало все основания предполагать, что Англия в то время придавала серьезное значение боевым действиям в Балтийском море. И не будет ошибкой сказать, что Англия была намерена использовать создавшееся в связи с войной положение, для того чтобы утвердиться на Балтийском море.

Если бы это случилось, то можно было предвидеть, что англичане поднимут боевой дух русских, обороноспособность которых тогда заметно возрастет.

Таким образом, следовало ожидать, что готовый к борьбе и численно сильный противник использует все свои мощные активные и пассивные оборонительные средства для защиты Балтийских островов.

Однако, наши военно-морские офицерские круги считались только с теми опасностями, которые представляли минные заграждения и английские подводные лодки.

В общем боеспособность и активность противника расценивались не особенно высоко.

Для успешного проведения операции необходимо было иметь соответственно сильными и десантный корпус и морские силы.

VI. План операции

Основой для операций флота и десантного корпуса послужил приказ командующего 8-й армией от 24 сентября 1917 г.

Командарм 8
Ia 3258/17 оп.
Сов. секретно.

Штаб армии 24.9.1917.

ПРИКАЗ АРМИИ

1. Для господства в Рижском заливе и обеспечения фланга восточного фронта занять совместным ударом сухопутных и морских сил острова Эзель и Моон и закрыть Большой Зунд для плавания военно-морских сил противника.

2. Для этой цели выделить:

а) командованию 8-й армии — десантный корпус (боевой состав в приложении I) под командованием командира 23-го рез. корпуса, которому во время плавания находиться со штабом на флагманском корабле командующего морскими силами;

б) флоту — конвой и транспортный флот (боевой состав в приложении II).

3. Руководство перевозкой десантного корпуса морем и обеспечение перевозки возлагается на командующего морскими силами. Ему подчиняются на время плавания и до завершения высадки находящиеся на транспортах части сухопутной армии.

По окончании высадки командующему морскими силами выполнять всеми имеющимися в его распоряжении средствами распоряжения командования 8-й армии, а также командира десантного корпуса.

4. Острова Эзель и Моон включаются в район действий 8-й армии. Руководство боевыми действиями на островах возлагается на командира десантного корпуса; в дальнейшем он ответствен также за их оборону.

5. Базой и гаванью для посадки десантного корпуса на суда назначается Либава. Детали сосредоточения и посадки десантного корпуса командованию 23-го рез. корпуса согласовать с командующим морскими силами. Все спорные вопросы будут разрешаться командованием 8-й армии.

6. О времени посадки и отплытия из Либавы последует особый приказ.

7. Высадку произвести в бухте Тагалахт.

8. Организация и обеспечение плавания транспортного флота и высадки от воздушных и подводных сил противника, а также уничтожение батарей, прикрывающих вход в бухту Тагалахт, возлагаются на командующего морскими силами.

Поддержку высаживающихся частей судовой артиллерией организовать по согласованию с командиром 23-го рез. корпуса.

9. Для организации демонстративной высадки в другом пункте выделить заблаговременно небольшие морские силы против полуострова Сворбе; на эти же силы возлагается борьба с расположенными там батареями.

10. Впредь до сосредоточения на берегу достаточных сил 23-му рез. корпусу ограничиваться обеспечением высадки. Необходим быстрейший захват батарей, расположенных на м. Хундсорт и м. Нинаст. Необходимо также овладеть Кильконд и авиабазой в Папенхольм.

11. Дальнейшая оперативная задача — занятие Аренсбурга, который должен быть превращен в базу для флота, и овладение укрепленным полуостровом Сворбе с севера. Ввиду этого требуется возможно более скорое выдвижение в этом направлении.

Чтобы отрезать силы противника, расположенные у Аренсбурга и западнее, и для создания выигрышного исходного положения для последующего наступления необходимо раньше всего начать наступление по дорогам, отходящим от Аренсбурга в северо-восточном направлении.

Желательно, чтобы атака сухопутных войск на Аренсбург была поддержана с моря морскими силами, освободившимися после выполнения задачи по прикрытию плавания транспортного флота.

Для этой цели необходимо, чтобы морские силы заблаговременно прорвались в Рижский залив.

Поэтому плавание транспортов должно быть начато не ранее завершения тральных работ при входе в Рижский залив, что является обязательным условием для содействия морскими силами дальнейшему наступлению десантного корпуса.

12. Выделенным против Сворбе сухопутным силам (предпочтительно самокатные части) надлежит овладеть укрепленным перешейком у Велья, захватив предварительно укрепленные позиции и батареи противника, расположенные предположительно у Тиримец, имея дальнейшей задачей продвижение в южном направлении для очистки от противника всего полуострова и захвата расположенных на его южной оконечности батарей.

Эти батареи, имеющие круговой обстрел и могущие вести огонь по перешейку во время наступления сухопутных войск на Сворбе, должны быть подавлены огнем судовой артиллерии.

13. По захвате Аренсбурга необходимо возможно быстрее организовать туда плавание судов и подвоз снабжения.

14. Следующей оперативной задачей, которая должна быть также выполнена возможно быстрее, является овладение укрепленной позицией у Оррисар в восточной части острова, затем прорыв на о. Моон и овладение последним.

15. Обеспечение правого фланга войск, наступающих от Аренсбурга на Оррисар, находящегося под угрозой морских сил противника, возлагается на морские силы.

16. Переход через Малый Зунд должен быть поддержан специально для этого заранее назначенной судовой артиллерией. Одновременно должно быть прекращено плавание судов в Большом Зунде.

17. Переправа частей десантного корпуса на о. Моон также должна быть поддержана морскими силами путем предоставления им необходимых транспортных средств и подавления неприятельских батарей на о. Моон огнем судовой артиллерии.

18. Обмен распоряжениями и донесениями между штабом армии и морским флотом, между штабами армии и 23-го рез. корпуса и между морским флотом и штабом 23-го рез. корпуса организовать по радио средствами флота особым приказом, по согласованию со штабом 23-го рез. корпуса.

19. Офицерами связи от армии назначаются: при командующем морскими силами — майор фон Раух, при штабе 23-го рез. корпуса — ротмистр фон Валленберг.

20. Руководящие приказы и распоряжения командования 23-го рез. корпуса и командующего морскими силами представлять в трех экземплярах в штаб армии.

Командующий армией *фон Гутьэ*, ген-от-инф.

Указания, отданные в приказе по армии, претерпели в длительный период подготовки ряд дополнений, разъяснений и уточнений, вытекавших из совместной работы штабов армии и флота, а также в связи с прибытием пехотной бригады самокатчиков.

База, т. е. гавань для посадки десанта на транспорты, должна была быть выбрана с таким расчетом, чтобы возможно более сократить путь плавания десанта до места высадки. В то же время соображения скрытности не позволяли вести подготовку слишком близко к району действий противника.

Этим условиям удовлетворяла Либава, расположенная в 90 *км* севернее Мемеля (схема 1); она была выбрана в качестве гавани для посадки десантного корпуса. Состояние гавани давало возможность сосредоточить в ней не только транспортный флот, но и многочисленные искатели мин и флотилии тральщиков, некоторые другие соединения и часть легких морских сил. Гавань была обеспечена от ударов противника, а имевшиеся в ней пристани благоприятствовали быстрой погрузке.

Базой и местом погрузки угля для флагманского корабля, крейсера «Мольтке» и обеих эскадр линейных кораблей (см. приложение II) служил Пуцигер Вик в Данцигской бухте, прикрытый полуостровом Гела и сетевым заграждением.

Высадка на о. Эзель, как уже упоминалось выше, должна была быть основана на внезапности, так как только при этом условии обеспечивался успех и можно было избежать напрасных потерь.

Первоначально предполагалось использовать для высадки мол около Аренсбурга (схема 2). Но затем было решено отказаться от внезапности, так как для прохода через Ирбенский пролив необходимо было первоначально уничтожить батареи на Сворбе. Благодаря этому русские выигрывали время для контрмероприятий и на суше и на море.

Из многочисленных бухт на западном и северном берегах о. Эзель для высадки была пригодна лишь бухта Тагалахт. Только она была довольно велика для расположения в ней транспортного флота, обеспечивая одновременно последнему достаточную защиту от ударов противника и от господствующих осенью западных ветров. Хотя западный берег бухты и был крут, но он не был скалист. От Либавы до него было 160 морских миль (300 *км*), т. е. на 32 морских мили (60 *км*) дальше, чем до Аренсбурга, и на 64 морских мили (120 *км*) дальше, чем до южной оконечности о. Эзель. Этот путь пересекал, между прочим, германское минное поле. Но, повидимому, здесь было меньше русских мин. То обстоятельство, что именно бухта Тагалахт была особенно защищена укреплениями и батареями против германского удара, было, конечно, невыгодно, но это не должно было служить решающим фактором.

Флоту предстояло уничтожить обе батареи при входе в бухту и, кроме того, хотя бы подавить своим огнем противника на берегах бухты.

Таким образом, условия для высадки в бухте Тагалахт не были особенно благоприятны; несмотря на все меры предосторожности, было все же большой смелостью направить транспортный флот к

северному берегу о. Эзель по открытому морю и курсом, на котором имелись минные поля, вместо того чтобы воспользоваться направлением на Аренсбург, которое до самого Ирбенского пролива было свободно от мин и, проходя вблизи берега, было более надежным. Однако, считалось невероятным и даже невозможным выполнять тральные работы в Ирбенском проливе под огнем Церельской батареи. Последнюю было значительно проще, а, пожалуй, только и возможно, уничтожить со стороны суши.

Приведенные соображения и послужили основанием для производства высадки главных сил в бухте Тагалахт, а не у Аренсбурга.

Для облегчения высадки главных сил необходимо было *одновременно* произвести *демонстрацию* на западном берегу у Кильконд и на полуострове Сворбе.

Понятно, что флот, находившийся в бухте Тагалахт и перед нею, должен был быть обеспечен от угрозы его левому флангу со стороны морских сил противника, расположенных в Моон-Зунде. Это могло быть достигнуто лишь при условии закрытия Соэлозунда, причем целесообразнее всего было это сделать на самом фарватере пролива. Но этому препятствовали батареи, обнаруженные у Тоффри и, повидимому, у Памерорт. Следовательно, для надежного закрытия Соэлозунда необходимо было их уничтожить.

Таким образом, ближайшими задачами первого этапа серьезной операции, которую должен был выполнить флот, являлись:

1. Обеспечить морской переход десантного корпуса в бухту Тагалахт.

2. Подавить сопротивление противника в бухте Тагалахт и произвести высадку сухопутных частей.

3. Обеспечить бухту Тагалахт и прилегающий к ней морской район на все время высадки от ударов противника, в первую очередь от подводных лодок и мин.

К этому нужно добавить, как уже говорилось выше, выполнение демонстративной высадки у Памерорт, одновременно с главной высадкой.

Последовательность выполнения первой оперативной задачи, т. е. занятия о. Эзель, намечалась следующая:

1. Высадившиеся на берег части (головной отряд) должны были создать своего рода предмостную позицию для обеспечения последующей высадки; иными словами, они должны были закрепиться вокруг бухты, расположившись в виде полукруга, после чего постепенно продвинуться вперед до линии Кильконд, оз. Ярвемец, оз. Охтья, бухта Мустельгам, т. е., примерно, на расстояние 10 *км* от бухты.

2. После высадки достаточных сил их нужно было выдвинуть, минуя Аренсбург с севера, в *направлении обеих дорог, ведущих от Аренсбурга к о. Моон,* с тем чтобы отрезать русским отход на о. Моон. Самый Аренсбург тоже следовало занять возможно быстрее, так как его предполагалось превратить в базу для флота.

3. Одновременно более слабые силы должны были выдвинуться из бухты Тагалахт в южном направлении, *отрезать полуостров Сворбе* и, если обстановка потребует, двинуться еще дальше, имея

задачей уничтожить батареи на мысе Церель, в чем им должна была помочь судовая артиллерия.

Уничтожение этих батарей скорее достигалось ударом в южном направлении по полуострову, чем сомнительными действиями по ним судовой артиллерии.

Дальнейшей задачей флота приказ командования 8-й армии ставил:

— поддержку с моря атаки сухопутных войск на Аренсбург;

— обеспечение от действий неприятельских морских сил правого фланга сухопутных войск, наступающих из Аренсбурга на о. Моон;

— поддержку перехода на о. Моон, поскольку предвиделась вероятность взрыва каменной дамбы и потому невозможность ее использования.

Итак, приказ требовал прохода флота в Рижский залив, что могло быть выполнено лишь после уничтожения батарей на мысе Церель, командовавших над Ирбенским проливом, и протраления прохода через минные поля.

Ввиду значительной угрозы, которую представляли для флота находившиеся в Рижском заливе подводные лодки противника, туда следовало выделить лишь строго ограниченные силы. Для Моон-Зунда было достаточно 2—3 линейных кораблей, а для поддержки переправы армии на о. Моон всего лишь нескольких крейсеров.

До подхода линейных кораблей южный вход в Моон-Зунд должен был охраняться лишь 2 подводными лодками. Северный же вход был заперт 3 подводными лодками и минными заграждениями.

Объем требуемой сухопутным командованием поддержки флотом боевых действий на островах был установлен командующим «Особым отрядом», вице-адмиралом Эдгардом Шмидтом. Кстати, флот предполагал прикрыть также и левый фланг от удара противника, прежде всего со стороны Моон-Зунда, и одновременно оказать помощь сухопутным войскам с северного направления во время их переправы на о. Моон.

Затем необходимо было открыть проход через Соэлозунд; для этого предстояло уничтожить неприятельские батареи у Тоффри и Памерорт, запиравшие этот пролив.

Наконец, нужно было протралить минные поля в Ирбенском проливе.

Действия флота на этом направлении затруднялись, помимо прочего, неблагоприятными условиями фарватера: незначительной его глубиной и опасением, что русские убрали все навигационные знаки. Приходилось считаться в последнем случае с необходимостью производства заново промеров, установки баканов, устройства освещения.

Вообще плавание по этому фарватеру, имевшему всего лишь 70 *м* в ширину, было затруднительно и в мирное время, когда все навигационные знаки были в порядке.

Но, конечно, если бы удалось прорваться на Кассарский плес, хотя бы со строго ограниченными легкими морскими силами, то это позволило бы оказать действительную поддержку флота с се-

верного направления частям сухопутных войск, переправляющимся с о. Эзель на о. Моон.

Ввиду того, что батарею у Памерорт можно было быстрее и легче взять с суши, предполагалось высадить для этой цели у Покк (западнее Памерорт) 150 моряков и одну штурмовую роту. Эту батарею хотели захватить по возможности в неразрушенном состоянии, чтобы затем использовать ее для закрытия Соэлозунда и для обеспечения легких морских сил, прорвавшихся на Кассарский плес. Поэтому она должна была быть занята также моряками.

Кроме того, предполагалось установить возможно скорее 10-*см* батарею из состава десантного корпуса у Иоханис для борьбы с миноносцами противника на случай их появления из северной части Моон-Зунда. Для этой цели был произведен обмен офицерами связи между сухопутными силами и флотом.

Ненастная погода заставила долго ожидать начала погрузки десантного корпуса и прибытия бригады самокатчиков; за это время было решено расширить масштаб демонстративного десанта у Памерорт, поставив ему оперативную задачу.

Представилась возможность настолько усилить состав *флотилии искателей Розенберга* небольшими пароходами, что на них удалось погрузить: 300 моряков, 1 штурмовую роту, 2 самокатных батальона (1-й и 2-й), всего 1 315 самокатчиков, 1 взвод полевой артиллерии (2 орудия и 1 зарядный ящик).

После высадки этот подвижный отряд должен был кратчайшим путем достичь возможно быстрее дороги Аренсбург, Моон и предмостного укрепления у Оррисар, чтобы отрезать на этом главном направлении путь отхода русским по каменной дамбе на о. Моон. До Оррисар было 50 *км*. Этот намечаемый удар мог иметь решающие результаты.

После занятия о. Эзель должна была последовать переправа на о. Моон.

Для отвлечения сил противника и введения его в заблуждение было предположено:

1. Распространять слухи об операции на другом операционном направлении (Кронштадт).

2. Утром в день высадки произвести силами 8-й армии демонстрацию прорыва на Петроград, с целью введения противника в заблуждение.

3. Дирижабли должны были крейсеровать только *над* Рижским заливом и перед входом в Финский залив.

4. Самолеты должны были воздерживаться от полетов над бухтой Тагалахт и, наоборот, вести разведку над полуостровом Сворбе, между Аренсбургом и Оррисаром и в Моон-Зунде.

5. В подготовительный период дирижабли и самолеты должны были сбрасывать бомбы на батарею на мысе Церель и на восточном побережье Рижского залива у Пернова и Гайнаша.

6. Одновременно с высадкой было приказано произвести демонстративный обстрел Сворбе и гидроавиабазы у Папенсхольм (на западном берегу); этот обстрел давал, помимо прочего, возможность вывести из строя гидроавиабазу.

Таким образом, в основном ставились следующие задачи.

Флоту:

1. Переброска и высадка сухопутных войск в бухте Тагалахт или Памерорт.

2. Обеспечение с флангов войск, действующих на островах, от неприятельских морских сил.

3. Оказание поддержки армии при занятии Аренсбурга и во время переправы на о. Моон.

4. Закрытие Моон-Зунда.

Армии:

1. Наступление главными силами из бухты Тагалахт в направлении на дорогу Аренсбург, Оррисар и слабыми силами на Сворбе (Церель).

2. Наступление подвижного отряда из Памерорт прямо на Оррисар.

3. Переправа на о. Моон.

После вторжения наших морских сил в Рижский залив было предположено продолжать дальнейшую высадку войск (2-й эшелон транспортов) на молу у Аренсбурга.

Необходимость и возможность занятия о. Даго могли выявиться лишь позднее, в процессе развития боевых действий на о. Эзель.

Выполнение разобранного выше плана операции требовало захвата противника врасплох, быстроты, неудержимого продвижения вперед и на воде и на суше, тесного взаимодействия и взаимной поддержки всех частей армии и флота.

VII. Десантный корпус. Военно-морские силы. Транспортный флот. Порядок подчиненности

Десантный корпус

Командир: ген.-от-инф. фон Катен (командир 23-го рез. корпуса).

Боевой состав — см. приложение I.

Ядро десантного корпуса составляла 42-я пех. дивизия, полки которой были в основном укомплектованы из Эльзас-Лотарингии и с Рейна. Дивизия принимала участие в июльском наступлении в Галиции и при форсировании р. Зап. Двина у Риги. Поэтому дивизия могла правильно оценить силы противника.

Из прочих войск, предоставленных в распоряжение командования 42-й пех. дивизии, были заранее ей приданы:

255-й пех. рез. полк (полк. Берринг); 1-й батальон прибыл только во 2-м эшелоне;

2-я пех. самокатная бригада (ген.-майор Квадт), 1-й, 2-й, 4-й, 5-й и 6-й батальоны (31 рота);

203-я самокатная рота;

77-я рез. самокатная рота;

10-й штурм. батальон (майор Слуйтер), штаб и 1 рота;

18-я штурм. рота (кап. Винтерфельд);

3-й и 4-й эскадроны 2-го лейб-гусарского полка;

5 тяжелых батарей (одна 10-*см* пушечная, 3 полевые тяжелые гаубичные и 1 мортирная);
8 гидроаэропланов;
прочие мелкие подразделения.

Всего в двух эшелонах надо было переправить около:
24 600 офицеров и нижних чинов,
8 500 лошадей,
2 500 повозок,
40 орудий,
220 пулеметов,
80 минометов;
сверх того большое количество боеприпасов, инженерного имущества и запас продовольствия на 30 дней; только одно продовольствие весило 2 300 *т*.

Для переброски десантного корпуса необходимо было создать специальный транспортный флот.

Военно-морские силы (прикрытие)

Из состава морского флота был сформирован «Отряд для особых операций», коротко называвшийся «Особый отряд» (его боевой состав см. в приложении II). Командование отрядом было возложено на вице-адм. Шмидта, командовавшего 1-й эскадрой Флота открытого моря.

Ядро морских сил составляли 3-я и 4-я эскадры в составе 10 современных линейных кораблей типа «Кёниг» и «Кайзер». Основанием для включения их в состав «Особого отряда», помимо того соображения, что это были вообще сильные линейные корабли, послужила их относительная безопасность против мин, ввиду того, что эти корабли имели водонепроницаемые отсеки.

Хотя флот и был, пожалуй, даже несколько щедро обеспечен кораблями прочих классов и специальными судами, однако, тральных средств было все же недостаточно, что и дало себя почувствовать в период операции. Безусловно нужно было увеличить количество флотилий миноносцев и искателей мин. Но нельзя забывать, что общая обстановка требовала энергичного продолжения подводной войны, почему в Северном море нельзя было сократить количество этих флотилий ниже определенного минимума.

Всего, включая и транспорты, флот насчитывал в своем составе значительно более 300 судов.

Транспортный флот

В составе транспортного флота имелось 19 пароходов, вместимостью от 1 750 до 11 500 регистровых тонн каждый, в том числе несколько конфискованных английских и итальянских.

Выбор судов и сосредоточение транспортного флота в Гамбурге и Бремене были связаны с большими трудностями. Нужно принять во внимание, что с начала войны прошло уже 3 года, а создание столь значительного транспортного флота предъявляло, между тем, серьезные требования к ряду заводов и к верфям.

Большая часть этих пароходов уже не плавала, их пришлось вводить в доки для очистки днища; кроме того, части машин, сделанные из дефицитных материалов, были сняты и их пришлось ставить заново.

В целях обеспечения тайны экипажи для некоторых пароходов направлялись прямо в Либаву незадолго до намеченного дня выхода оттуда флота, вследствие чего они почти не были знакомы с устройством пароходов. Тем большей похвалы заслуживает работа личного состава как в период подготовки и плавания транспортов, так и при погрузке и высадке десанта.

Транспортному флоту была придана военная организация; командование им было возложено на капитана 2-го ранга фон Шлика. В составе морских сил транспортный флот представлял самостоятельное соединение.

В обязанность военно-морских сил входило обеспечение плавания транспортного флота через минные заграждения, а также прикрытие от нападений подводных и надводных морских сил противника и его авиации как во время плавания, так и при высадке [1].

Порядок подчиненности

Был установлен следующий порядок подчиненности: сухопутные войска в период погрузки и во все время их нахождения на судах должны были выполнять распоряжения морского командования.

Общее руководство совместными действиями сухопутных войск и флота находилось в руках командования 8-й армии в Риге.

Командующий армией: ген.-от-инф. фон Гутье.

Начальник штаба: полк. Фрочер.

Ген. Гутье принимал исключительное участие в операции против Балтийских островов. Он с живейшим интересом следил за ее подготовкой, оказывая поддержку всем требованиям, клонившимся к обеспечению успеха операции. Чтобы оказывать личное влияние на ход подготовки, он почти весь этот период пробыл в Либаве (с 30 сентября по 6 октября) — центре творческой мысли, где принимались серьезные решения. Командующий армией выказал свои недюжинные полководческие дарования в деле руководства совместной операцией армии и флота; он весьма удачно направлял их общие усилия к достижению единой цели.

VIII. Подготовка (с 21 сентября по 8 октября)

21 сентября в Либаве войска и флот начали подготовку к десантной операции.

Все части приступили к ней с большой охотой и воодушевлением. Флот, большие корабли которого так долго бездействовали, был счастлив, что получил вновь возможность действовать. Сухопутные войска были преисполнены энтузиазма ввиду своеобразия

[1] Ввиду того, что пароходы вовсе не имели отсеков, а те, которые их имели, далеко не обеспечивались от затопления вследствие взрыва мины или попадания торпеды, весь десантный корпус — точнее, каждый боец — должен был быть снабжен спасательной одеждой.

поставленной перед ними задачи, коренным образом отличавшейся от тех, которые им приходилось выполнять раньше. Они были рады встрече с моряками и предстоявшему морскому плаванию.

Чисто *техническая подготовка* судов для размещения на них людей и лошадей, материальной части, повозок и различных видов имущества была весьма разносторонней. Необходимо было иметь оборудование для быстрой посадки и высадки десанта, так как высаживаться предстояло прямо на берег, без каких-либо причальных сооружений. Состояние погоды имело не меньшее значение и для морского перехода. Как на иллюстрацию объема тех работ, которые приходилось выполнять по оборудованию пароходов, можно указать на пароход XII («Кассель» 7 600 регистровых тонн), т. е. пароход среднего тоннажа. Его нужно было оборудовать для размещения около 750 чел., 350 лошадей и 100 повозок. Фактически на него были погружены:

1 минометная рота,
1 полевая батарея,
1/2 телефонного отделения,
2 легкие муниционные колонны и прочие мелкие подразделения.

Кроме того, необходимо было создать специальные приспособления для высадки. Для выгрузки лошадей и повозок на берег на пароходы были погружены специальные конские баржи, представлявшие собой длинные плоскодонные суда, похожие на понтоны; их широкая задняя стенка откидывалась, и они превращались в мостки; эти плавучие средства оказались вполне пригодными.

Для сокращения времени погрузки тяжелые грузы и половина конского состава были погружены еще до назначенного срока. Ввиду того, что боксы для лошадей на транспортах были настолько тесны, что лошади не могли ложиться, лошадей можно было оставлять на транспорте не более 2—3 дней, после чего их приходилось менять. В дальнейшем эта предосторожность оказалась излишней, так как, например, лошади, находившиеся на транспорте 12 дней, свободно сделали после выгрузки два перехода по 40 *км*.

Непрерывно днем и ночью производились учения по погрузке и выгрузке с транспортов, в результате чего время погрузки было сокращено до 2 суток.

Пока в Либаве велась упомянутая чисто техническая подготовка, производились *разведка* противника и *тральные работы*.

Разведка гидросамолетами из Виндавы ежедневно дополняла имевшиеся ранее разведывательные данные и детализировала картину оборонительных мероприятий противника.

Для того чтобы противник не обнаружил наших намерений, было разрешено совершить только один полет над бухтой Тагалахт.

Одна подводная лодка незаметным образом обследовала бухту и донесла о царившем в ней спокойствии.

Чрезвычайно важно было создать перед началом операции проход для больших кораблей в Ирбенском проливе, сначала хотя бы до Гр.-Ирбен, т. е., примерно, до меридиана Церель. К этой работе следовало приступить немедленно, тем более, что минные загра-

ждения там оказались, сверх ожидания, значительно сильнее (см. схему 13).

Контр-адм. Гопман, на которого было возложено руководство тральными работами, отправился 5 октября из Либавы в Виндаву, чтобы личным присутствием повлиять на ход работ. Ввиду серьезной угрозы, которую представляли подводные лодки и мины противника, от личного состава кораблей требовалось соблюдение особых предосторожностей.

Плавание флота, который нужно было провести в безопасности через минные поля (часть последних была, между прочим, поставлена германцами), являлось чрезвычайно трудной и серьезной задачей. Чтобы не привлечь внимания противника, минные поля, находившиеся на курсе, приходилось тралить исключительно ночью.

Так как в целом ряду соединений приходилось действовать то в одном, то в другом месте, всем им нужно было придавать флотилии искателей мин и миноносцев; поэтому-то и миноносцам, и тральщикам, и искателям мин приходилось часто менять районы своих работ.

Для развития задуманной серьезной операции немыслимо было ограничиться для флота одной лишь отдачей приказа о сосредоточении и о переходе, а затем принимать решения по ходу операции.

Многочисленные примеры из практики мировой войны служили подтверждением того, что все операции, будь то на суше или на море, только в том случае могут быть успешны, если, во-первых, они достаточно подготовлены, а, во-вторых, если будет обеспечена внезапность. И то и другое играло особенную роль в разбираемой операции.

Масштаб операции довольно значительной продолжительности, действия отдельных частей флота в различных районах и необходимость взаимодействия флота и армии заставляли серьезно подумать о самой тщательной подготовке и об отдаче ясных, целеустремленных распоряжений до самых мелких подразделений включительно. Кроме того, необходимо было предусмотреть все те малейшие случайности, которые только возможно было предвидеть.

Для характеристики, насколько разнообразны были распоряжения, приведем лишь некоторые из них.

Так, флоту, между прочим, необходимо было дать указания для:

— обозначения курса на о. Эзель в темноте;
— очистки его от мин;
— обеспечения плавания;
— занятия исходного положения для производства высадки;
— способа действий авангардного соединения флота;
— высадки главных сил и демонстративной высадки;
— стоянки в бухте Тагалахт;
— обеспечения бухты Тагалахт и прилегающего района моря флотом;
— демонстративных действий на западном побережье;
— форсирования и обозначения прохода через Соэлозунд;
— форсирования Ирбенского пролива;

— последующей обстановки навигационными знаками Рижского залива;

— действий дирижаблей и авиации.

Таковы были распоряжения. В дальнейшем мы к ним еще частично вернемся.

Затем нужно было организовать снабжение столь мощного флота топливом. Для этой цели в Либаве находились наготове 6 угольщиков, и кроме того, 2 угольщика были взяты с собою в бухту Талахт. Линейные корабли и крейсера постоянно должны были быть готовы снабдить топливом миноносцы. А это, как показала операция, означало большое напряжение для крупных судов. В общем, отдельные соединения флота базировались на Либаву, а 3-я и 4-я эскадры — на Данциг. Командование флота требовало самой жесткой экономии топлива; разрешалось разводить лишь то количество котлов, которое обеспечивало бы максимально экономное расходование топлива; прочие котлы должны были быть так подготовлены, чтобы в них можно было поднять пары в 30 минут.

Предварительных распоряжений по армии было меньше и они были короче.

Необходимо было дать указания о действиях отдельных групп после высадки и для различного рода частных операций. Ввиду того, что нельзя было рассчитывать на поддержание связи по телефону и по радио с отдельными группами десантного корпуса, которые после высадки должны были действовать в различных направлениях, их нужно было обеспечить подробными указаниями (директивами), чтобы они могли содействовать общему успеху в рамках общей задачи, притом в обстановке отсутствия сведений от соседей и неполучения распоряжений от вышестоящих командных инстанций. И все же, несмотря на это, потребовалось значительное количество распоряжений по организации связи в соответствии с особенностями обстановки.

Ввиду устарелости карт приходилось обращать особенное внимание на рекогносцировку дорог, главным образом, в отношении использования их для передвижений тяжелой артиллерии, парков и грузовых автомобилей.

Нужно было также предусмотрительно организовать снабжение боеприпасами, прочими видами боевого снабжения и продовольствием.

Наиболее сложными и подробными были распоряжения тем органам, вместе с которыми приходилось работать и армии и флоту, особенно *по обеспечению связи между армией и флотом.*

Всего было сосредоточено до 75 самолетов (68 гидросамолетов и 7 сухопутных). Для общего успеха операции необходимо было извлечь из авиации максимальную пользу, что было совсем не так просто. Наличной сухопутной авиации далеко нехватало для обеспечения интересов десантного корпуса; требовалась помощь гидросамолетов, которым, таким образом, приходилось выполнять не свойственные им задачи. Затем нужно было организовать связь авиации с кораблями, сухопутными войсками и соответствующими

штабами, используя для этой цели радио и оптическую сигнализацию.

Для обеспечения работы связи в столь сложных условиях требовалась отдача самых подробных распоряжений. И действительно, на сравнительно небольшом пространстве было нагромождено весьма значительное количество радиостанций (корабельные, десантного корпуса, рации самолетов и дирижаблей). Переговоры с материком велись дирижаблями, разведывательными, артиллерийскими и пехотными самолетами. Принятые в армии и флоте способы передачи были совершенно различны. Затем приходилось устанавливать специальное время для переговоров с подводными лодками. Наконец, иногда требовалось полное прекращение работы радиостанций на определенный срок. Для связи между десантным корпусом и штабом флота было использовано несколько морских радиостанций специального десантного типа, и, кроме того, был произведен обмен офицерами-радистами. Взаимодействие между армией и флотом, а, значит, и успех всей операции в целом, зависели в немалой степени от той дисциплины, которая была обязательна при столь сложной организации.

Наконец, необходимо было разработать подробные мероприятия для установления взаимного опознавания частей и подразделений армии и флота и связи между ними (вымпелы и фонари на судах, ракеты, сигнальные лампы, семафор, вспышки при помощи огнеметов, сирены и т. п.).

Чем дольше затягивался подготовительный период, тем больше дополнялись и отделывались заранее разработанные распоряжения. Впоследствии эта работа окупилась сторицей. Каждый начальник знал, что ему предстоит делать, и поэтому мог быть убежден, что весь механизм в будущем будет работать еще отчетливее.

IX. Посадка на суда (9 и 10 октября)

Время *посадки* зависело от состояния погоды и от успеха тральных работ. Прогноз погоды должен был благоприятствовать плаванию и производству десанта. Но независимо от этого можно было отдать распоряжение о посадке лишь после обследования курса в бухту Тагалахт в отношении мин и основательной подготовки к форсированию минных заграждений в Ирбенском проливе. Однако, неблагоприятная погода, непрерывно продолжавшаяся в конце сентября и начале октября, вызвала весьма нежелательную задержку именно в выполнении этих работ.

К этому нужно добавить, что обеспеченность соединениями искателей мин была недостаточна. Дивизионы тральщиков были непригодны к морскому плаванию, почему и были вынуждены прекращать свои работы уже при небольшой волне. Только 2-я флотилия искателей мин (кап.-лейт. Дофлейн) удовлетворяла повышенным требованиям, но и она была сильно стеснена в своей работе. Она делала попытки вести работу с 25 по 30 сентября, но была вынуждена три раза возвращаться, ничего не сделав. В другие три дня она вообще не могла выйти из Виндавы.

Соединения искателей мин и тральщиков повторяли попытки возобновить свою тяжелую работу, несмотря на шторм и сильное волнение, но дело подвигалось медленно и притом с большими потерями.

Несмотря на то, что задержка начала операции была неприятна, она в то же время давала некоторые преимущества. Прежде всего выигрывалось время для учебных занятий по выгрузке, в результате чего, как уже упоминалось, удалось сократить время посадки до 2 суток. Затем представилось возможным включить в первый транспортный эшелон прибывшую только в октябре пехотную самокатную бригаду (31 рота). Использование такого подвижного войскового соединения в период операции на о. Эзель имело решающее значение.

Что касается внезапности, которая могла не осуществиться из-за продолжительного подготовительного периода и выжидания, то она от этого не пострадала. Согласно показаниям пленных, русским было известно о наших намерениях. Они ожидали высадки еще во второй половине сентября.

Когда 21 сентября штаб морских сил и штаб корпуса приступили к совместной предварительной разработке плана операции, то самым ранним сроком посадки было намечено 27 сентября. Однако, непрерывно свирепствовал шторм, причем ветер дул с севера и северо-запада; вследствие шторма тральные работы подвигались крайне медленно (всего лишь около ½ морской мили в сутки). В итоге прошла уже и первая неделя октября.

Временами казалось, что вообще нельзя будет выполнить задуманную операцию. Сосредоточенные уже в течение 2—3 недель в Либаве войска абсолютно бездействовали. Сражение во Фландрии продолжало поглощать бесчисленное количество дивизий. Вскоре предстояло наступление в Италии. Ставка потребовала начать операцию в Рижском заливе немедленно после того, как улучшится погода, невзирая на результаты тральных работ в Ирбенском проливе. Это требование ставки, поддержанное командованием Восточного фронта, послужило одной из причин, почему командованием флота было отдано распоряжение не прекращать работ по тралению Ирбенского пролива. Но результаты этих работ ни в какой мере не отвечали затраченным усилиям и количеству использованной материальной части. Кстати, командующий Флотом открытого моря имел желание вернуть обратно в Северное море флотилии миноносцев и тральщиков, выделенные для Эзельской операции, чтобы обеспечить там пути выхода подводным лодкам.

Руководящие инстанции, в лице армейского командования, командования корпуса и командующего «Особым отрядом», были поставлены перед дилеммой, и прошло некоторое время, прежде чем они окончательно договорились.

Можно было выбрать один из следующих вариантов: немедленно после окончания подготовки в Либаве высадить десант, отрезать Сворбе, а затем выжидать вторжения морского флота в Рижский залив и только после этого продолжать операцию на суше. Но до каких же пор пришлось бы в этом случае ждать?

Другой вариант — выждать открытия Ирбенского пролива и только после этого приступить к высадке десанта, обеспечив тем самым своевременную поддержку флотом наступательных действий сухопутных войск на о. Эзель. Второй вариант был связан с продолжительным ожиданием в Либаве и ставил под сомнение вопрос о внезапности.

Выбор решения был облегчен благодаря отказу командования корпуса от немедленной поддержки флота со стороны Рижского залива. Командование корпуса считало, что флот в состоянии оказать существенную поддержку сухопутным войскам со стороны Малого Зунда, в результате его проникновения на Кассарский плес.

На высадку десанта можно было отважиться немедленно после того, как наступит улучшение погоды.

Наконец, 7 октября погода улучшилась, тральные работы сразу же пошли более успешно. Метеорологические сводки содержали благоприятные прогнозы.

Итак, уже в ближайшие дни можно было приступить к выполнению операции. И действительно, в 20 часов 9 октября был, наконец, отдан приказ о начале погрузки.

Погрузка производилась планомерно в течение 9 и 10 октября. Вечером 10 октября транспортный флот был уже готов к отплытию из Либавского военного порта. На Либавском рейде находились в готовности: караван со снабженческими грузами, 2-я разведывательная группа (крейсера) и флотилии миноносцев.

На рассвете 11 октября перед Либавой появились прибывшие из Пуцига эскадра линейных кораблей и линейный крейсер «Мольтке». Таким образом, флот был сосредоточен и готов к отплытию. Адм. Гопман находился со своими силами в Виндаве («Кольберг», «Аугсбург», «Страсбург», 16-я и 20-я полуфлотилии миноносцев, 3-й и 4-й дивизионы тральщиков и 3-я полуфлотилия искателей мин).

X. Переход в бухту Тагалахт 11 октября

(1-й день операции)

На второй день операции, т. е. 12 октября, за 4 часа до рассвета (приблизительно в 2 часа ночи) флот должен был стать на якорь в 7 морских милях севернее бухты Тагалахт.

Последний участок фарватера проходил между германскими минными полями в расстоянии видимости с берега о. Эзель. До наступления темноты там не должно было находиться ни одного судна. В то же время флот после своего выхода из Либавы нигде не имел возможности проверить место своего нахождения. Поэтому вперед были высланы 2 подводные лодки с задачей, поднявшись на поверхность воды перед о. Эзель, точно определить свое место и ждать в назначенных пунктах прибытия флота. Опираясь на эти 2 пункта, выдвинутая вперед флотилия искателей должна была выслать 5 брандеров, с задачей указывать направление позади следовавшим соединениям при помощи огней, наглухо закрытых в сторону берега. Особенно это было важно для транспорт-

ных пароходов, имевших очень ограниченное количество навигационных приборов.

Одновременно флотилия искателей Розенберга и шедшая вслед за ней 2-я флотилия искателей мин получили приказ вновь проверить фарватер в отношении могущих там оказаться мин; кроме того, им было приказано протралить совершенно еще необследованный фарватер при входе в залив и район перед Соэлозундом.

Флотилия Розенберга, которая со своими бесчисленными рыбачьими судами не могла двигаться со скоростью выше 5 узлов, вышла из Либавы еще в полдень 10 октября.

Утром 11 октября, в момент прибытия эскадры линейных кораблей с Данцигского рейда к Либаве, прикрывающий флот отплыл в бухту Тагалахт. В полдень за ним последовал и транспортный флот.

Форма походного порядка вытекала из особенностей того прикрытия, которое нужно было обеспечить флоту, в особенности транспортному, а также из намеченной очередности высадки сухопутных частей на берег.

После прибытия из Виндавы 2-й флотилии искателей мин походный порядок был таков:

Флотилия искателей Розенберга	
Пароходы «Кастор», «Кобург», «Дунай»	Выслана вперед еще в полдень 10 октября.
Высылаемые вперед плавучие маяки	В движении из Виндавы; прибытие лишь после наступления темноты
2-я флотилия искателей мин	
2-я флотилия миноносцев	Авангард
тендер «Блиц»	
«Корсика», «Эквити» — транспортные пароходы	
«Аммон» (2-й дивизион тральщиков)	
3-я эскадра (5 линейных кораблей)	В охранении 6-й флотилия миноносцев и 15-я полуфлотилия миноносцев
«Мольтке» (линейный крейсер) флагманский корабль [1]	
«Эмден» (легкий крейсер)	
4-я эскадра (5 линейных кораблей)	

В значительном удалении следовал транспортный флот.

Транспортный флот	2-я группа прорывателей заграждений	В охранении 7-я и 19-я полуфлотилии миноносцев
	«Франкфурт» (легкий крейсер)	
	Отряд сетевых заградителей Балтийского моря	
	Пароход «Освальд» (инженерная база)	
	Пароход «Санта Елена» (авиаматка)	
	«Кенигсберг» (легкий крейсер)	
	4 транспорта	
	«Карлсруэ» (легкий крейсер)	
	3 транспорта	
	«Нюрнберг» (легкий крейсер)	
	4 транспорта	

[1] Кроме штаба флота, на борту «Мольтке» находились из состава штаба десантного корпуса: командир корпуса, начальник штаба корпуса и 3 офицера. Остальная часть штаба корпуса была распределена по 3 транспортным пароходам.

Караван снабженческих грузов был распределен по отдельным группам транспортного флота.

Жребий был брошен — отступления быть не могло. Не могло быть и отсрочки даже на сутки, иначе нехватило бы запасов топлива.

Флот шел в длинной кильватерной колонне; для свободы маневрирования между отдельными группами были установлены большие дистанции. Ввиду тихоходности пароходов, входивших в состав авангарда, и в целях экономии топлива конвой тоже был вынужден делать не более 11—12 узлов.

Для защиты от подводных лодок противника по обеим сторонам колонны шли зигзагообразным курсом миноносцы.

Особенно надежно, в пределах наличного ограниченного количества миноносцев, охранялся транспортный флот. Впереди 3—5 пароходов шли легкие крейсеры, перед ними двигались прорыватели заграждений, в хвосте каждой группы следовали госпитальные и спасательные суда. Воздушное охранение несли гидросамолеты и морской дирижабль.

Высланные далеко вперед подводные лодки находились в Рижском заливе: у южного и северного входов в Моон-Зунд и у северо-западной оконечности о. Даго.

На рассвете моросил дождь, но скоро прояснилось. Море было спокойно. Легкая зыбь не отражалась на самочувствии людей и лошадей.

К счастью, противник не показывался, не нападал на транспортный флот и не наблюдал даже за ним.

Плавание шло спокойно до самого вечера; сумерки — наиболее благоприятное время для нападения подводных лодок — также прошли благополучно. Предстоял трудный ночной переход, небо было покрыто тучами, моросил дождик, шли без огней. Флот держал курс по высланным вперед плавучим маякам. Прибывшая из Виндавы 2-я флотилия искателей мин Дофлейна, двигаясь вслед за флотилией искателей Розенберга, еще раз обследовала фарватер в полосе шириною в 1 200 *м*.

Успех высадки и всей операции в целом основывался на внезапности. Поэтому было решено высадить первые броски на берег 12 октября на рассвете под прикрытием судовой артиллерии.

В соответствии с этим флоту было приказано достигнуть условного пункта «Вейс», установленного, примерно, в расстоянии 7 морских миль севернее бухты Тагалахт. Положение этого пункта было накануне точно обозначено подводной лодкой с помощью засечки береговых ориентиров. Ночью этот пункт освещался огнем подводной лодки, всплывшей на поверхность воды.

Здесь флоту было приказано стать между 2 и 4 часами на якорь.

Еще перед наступлением темноты были высланы для обстрела Сворбе линейные корабли «Фридрих дер Гросе» и «Кёниг Альберт» под командой командующего 4-й эскадрой. Затем около полуночи были высланы 3 миноносца под командой командира 13-й полуфлотилии миноносцев для обстрела гидроавиабазы у Папенс-

хольм и Киельконд. Оба указанные отряда должны были итти вне поля зрения с берега.

До полуночи флот двигался беспрепятственно, но вдруг произошла задержка. Флот нагнал флотилию искателей Розенберга, шедшую впереди слишком тихим ходом. Пришлось соответственно уменьшить ход. Эта флотилия, состоявшая из 75 самых разнообразных судов, уже в течение нескольких часов шла ходом, не превышавшим 3 узлов, что было, повидимому, вызвано ненастной погодой и волнением.

Затягивавшаяся остановка грозила сорвать своевременное прибытие флота для производства высадки на рассвете. Уже был просрочен целый час. Приближался момент, когда адм. Шмидту нужно было решить, итти ли надежным курсом вслед за флотилией искателей или продолжать плавание без прикрытия, с тем чтобы прибыть своевременно ко входу в бухту Тагалахт. При первом варианте он рисковал опоздать и сорвать высадку, при втором — подвергал флот опасности наскочить на мины.

Адмирал остановился на более смелом решении и продолжал плавание без обеспечения себя впереди флотилиями искателей мин и тральщиков. Он отдал приказ:

«Немедленно освободить дорогу флоту, поднять тралы».

Его решение нужно признать правильным: флот благополучно прибыл, — правда, после 3 часов — к пункту «Вейс». Поэтому очень скоро пришлось вновь поднять якорь, чтобы приступить своевременно к высадке десанта.

XI. Высадка и боевые действия 12 октября

Авангард построил боевой порядок еще в темноте, и одновременно главные силы флота заняли боевое расположение для борьбы с русской береговой обороной:

I. 3 корабля 4-й эскадры стали перед мысом Хундсорт, а 3-я эскадра (без «Байерн») — перед мысом Нинаст для обстрела батарей, расположенных при входе в бухту Тагалахт. Под прикрытием упомянутых кораблей авангард должен был войти в бухту Тагалахт. Непосредственно вслед за авангардом, на случай непредвиденных обстоятельств и в качестве резерва, шел флагманский корабль «Мольтке».

II. Линейный корабль «Байерн» и легкий крейсер «Эмден» расположились перед Соэлозундом для обстрела батарей Тоффри (на о. Дагo) и у Памерорт. Под их прикрытием шла флотилия Розенберга, держа курс к месту высадки у Памерорт. Она имела задачей произвести там демонстративную высадку десанта.

III. 3 миноносца 13-й полуфлотилии миноносцев, во главе со своим командиром, стали западнее Киельконд для демонстративного обстрела Киельконд и Паденсхольм (гидроавиабаза и радиостанция).

IV. Линейные корабли «Фридрих дер Гросе» и «Кёниг Альберт», под командой командующего 4-й эскадрой, стали западнее полуострова Сворбе для демонстративного обстрела Церельской батареи и береговых укреплений.

Состав авангарда был следующий:

1-й батальон 131-го пех. полка
1-й батальон 138-го пех. полка (без 3-й роты)
10-я штурм. рота
} Всего 3 600 чел. (считая 75 самокатчиков); все части без пулеметных рот, конского состава и повозок

Подлежали высадке:

1-й батальон 131-го пех. полка на западном берегу, в районе «Белой горы»,

1-й батальон 138-го пех. полка на восточном берегу, против «Белой горы»,

½ штурм. роты на западном берегу, севернее места высадки батальона 131-го пех. полка у Тервассо,

½ штурм. роты на восточном берегу, севернее батальона 138-го пех. полка у Меррис.

Штурмовой роте была поставлена задача захватить с суши батареи на мысе Хундсорт и на мысе Нинаст.

Походный порядок авангарда, считая от хвоста, был следующий:

Авангард III:
- 2-й батальон 138-го пех. полка на пароходе «Корсика» (840 чел.)
- 2-й батальон 131-го пех. полка на пароходе «Эквити» (780 чел.)
- 1-й батальон 131-го пех. полка на тендере «Блиц» (530 чел.)

Авангард II:
- 10-я штурм. рота
- 1-й батальон 138-го пех. полка (без 1 роты)
- 3-й батальон 131-го пех. полка (без 1 роты)

} На 2-й флотилии миноносцев (1 030 чел.)

- 10 моторных катеров 2-го дивизиона тральщиков

Авангард I:
- 1-я рота 1-го батальона 138-го пех. полка
- 1-я рота 3-го батальона 131-го пех. полка

} На 10 моторно-весельных баркасах 3-й эскадры (420 чел.)

- 3 миноносца типа AII флотилии тральщиков

Авангардом командовал кап. 2-го ранга Гейнеке, командир 2-й флотилии миноносцев. На борту его миноносца находился штаб 65-й пех. бригады.

Противник почему-то не воспользовался рассветом[1] для организации нападения подводных лодок; видимо, он еще не заметил присутствия германского флота.

Легкий туман препятствовал дальнему наблюдению. Море было спокойно. До 5 ч. 30 м. было абсолютно тихо. Все напряженно ждали первого выстрела. Чем позднее был бы открыт огонь, тем это было лучше для успеха высадки.

При занятии позиции для ведения огня «Байерн» и вскоре после него «Гросер Курфюрст» наткнулись на мины и получили пробоины, что, однако, не помешало им продолжать выполнение своих задач. Одновременно несколько наблюдателей на борту «Байерн» заметили перископ неприятельской подводной лодки. Решив, что пробоина была получена от торпеды, корабли открыли огонь.

Артиллерийская стрельба в 5 ч. 30 м. была услышана на флагманском корабле. Считая, что «Байерн» и «Эмден» уже приступили к обстрелу батарей Тоффри и Памерорт, адмирал решил, что наступил момент для *открытия огня* всей эскадрой, и отдал по радио соответствующий приказ всему конвою, в том числе и выделенным судам.

[1] 12 октября у о. Эзель восход солнца был в 6 ч. 01 м.

Главный десант в бухте Тагалахт

Через несколько минут после того, как был отдан общий приказ об открытии огня, 4-я эскадра дала первый залп по батарее на мысе Хундсорт. Батарея сейчас же ответила на огонь, но не по 4-й эскадре, а по «Мольтке», находившемуся в хвосте авангарда. Видимо, русские считали «Мольтке» самой важной целью. Флагманский корабль уже на третьем залпе был взят в узкую вилку. Но прежде чем раздался четвертый залп, батарея на мысе Хундсорт была приведена к молчанию сосредоточенным огнем 4-й эскадры. За время получасового боя 4-я эскадра приблизилась к батарее с дистанции в 11 500 *м* до 8 000 *м*.

3-я эскадра бомбардировала батарею на мысе Нинаст, но батарея огня не открывала. Она была вооружена четырьмя 152-*мм* современными орудиями, установленными в казематах. В результате бомбардировки одно орудие и командный пункт были разбиты.

Еще перед началом отневого боя перед входом в бухту Тагалахт авангард вошел в бухту, не будучи обстрелян ни одной из двух упомянутых батарей.

Сохранить намеченный походный порядок не удалось. В результате происшедшей задержки во время плавания к условному пункту «Вейс» моторно-гребные баркасы с находившимися на них обеими ротами подошли к указанному пункту в 4 ч. 45 м. вместо 4 часов, а моторные катера 2-го дивизиона тральщиков в 4 ч. 46 м. вместо 4 ч. 30 м. Пункт «Вейс» находился в 9 морских милях от места высадки. Чтобы начать высадку своевременно, кап. 2-го ранга Гейнеке не следовало медлить, а продвинуться вперед хотя бы только со 2-й флотилией миноносцев. Но это было связано с большими неудобствами: авангард (3-й батальон 131-го пех. полка и 1-й батальон 138-го пех. полка) вызвал бы своей высадкой преждевременную тревогу в рядах противника и рисковал очутиться в течение продолжительного срока без поддержки трех прочих батальонов (III авангард).

Кап. Гейнеке двинулся около 4 ч. 40 м. от условного пункта «Вейс»; он пошел быстрым ходом только со 2-й флотилией миноносцев и 2 искателями мин, приказав баркасам и моторным катерам поспешно следовать за ним. И все же последние вошли в бухту с некоторым запозданием и участия в высадке не приняли. Правда, серьезных последствий это опоздание не имело. III авангард подошел довольно скоро.

Миноносцы подошли к намеченным пунктам высадки почти в тот момент, когда последовал общий приказ об открытии огня. Перед бухтой и в самой бухте царила полнейшая тишина.

Немедленно была начата высадка на катерах миноносцев. Некоторые подразделения пехоты, подчас по грудь в воде, достигли западного и восточного берегов бухты; противник огня не открывал. Германская пехота быстро вошла в лес, покрывавший почти целиком оба берега бухты. Внезапность увенчалась успехом.

Когда эскадра линейных кораблей открыла вскоре огонь по батареям на Хундсорт и Нинаст, в самой бухте у авангарда тоже

завязалась перестрелка. Несколько русских батарей, расположенных укрыто в лесу и не обнаруженных германскими самолетами, открыли беглый огонь по миноносцам. Одновременно с восточного берега велся огонь через бухту против места высадки 131-го пех. полка на западном берегу. Однако, он был безрезультатен и не смог помешать дальнейшей высадке.

Собравшиеся роты, поддерживаемые огнем с миноносцев, продвинулись вперед на обоих берегах бухты и закрепились для прикрытия последующей высадки. Русская пехота оказывала сначала слабое сопротивление. Уже к 7 часам каждый из обоих полков занял по 2 неприятельские береговые батареи, причем 138-й пех. полк овладел батареями после короткого боя. 131-й пех. полк застиг гарнизон одной батареи в землянках, другая же была покинута русскими.

Штурмовая рота была высажена 2 миноносцами несколько севернее, по-полуротно на обоих берегах бухты, причем на восточном берегу высадка производилась под огнем двух русских пулеметов. Обе полуроты поспешно двинулись к Нинаст и Хундсорт и овладели обеими, 120-*мм* и 152-*мм*, батареями; орудийные расчеты батарей были полностью захвачены в плен.

3 батальона, находившиеся на борту «Блиц», «Эквити» и «Корсика», также были высажены без задержки. Прибытие моторных катеров 2-го дивизиона тральщиков и баркасов 3-й эскадры позволило ускорить высадку, которая до тех пор шла медленно.

К 8 час., т. е. через 2 часа, высадка авангарда в общем была закончена; запоздал с высадкой только 2-й батальон 138-го полка.

«Корсика» при входе в бухту наткнулась на мину и, получив сильную бортовую пробоину, дала крен. Миноносцы, бывшие при «Мольтке», подошли к борту «Корсики» и сняли с нее батальон, боеприпасы и остальное боевое имущество, несмотря на опасное положение парохода и сильную свою перегрузку. Нужно отметить полнейший порядок и хладнокровие, проявленные при этом войсками. Впоследствии «Корсику» удалось вытащить на берег.

Высланная немедленно 2-я флотилия искателей мин поставила тотчас же мины и тем самым заградила вход в бухту. После этого она продолжала свои прежние работы.

Авангарду предстояла задача обеспечить высадку транспортным флотом десанта, для чего нужно было расположиться соответствующим образом вокруг бухты и создать своего рода плацдарм. С этой целью 131-й и 138-й пех. полки выдвинули свои высадившиеся батальоны в южном, юго-восточном и восточном направлениях.

В 10 ч. 30 м. в штабе ген. Эсторфа создалось впечатление, что неприятельское сопротивление в бухте Тагалахт окончательно сломлено.

В отданном тут же боевом приказе дивизии говорилось (схема 3):

— 131-му пех. полку наступать на Менуст;

— 255-му рез. полку с 5 батареями наступать по дороге Кергель, Иразе, Ладьяла;

— 65-й пех. бригаде (17-й и 138-й пех. полки) с 3 батареями наступать по дороге Саувере, Куми, Кармель;

— 4-му и 5-му рез. батальонам наступать через Лайсберг (на северном берегу) на соединение с отрядом Слуйтера, который должен был выдвинуться вперед на обе дороги, ведущие из Аренсбурга на о. Моон и к предмостному укреплению у Оррисар.

Схема 3. 12 октября

Кроме того, было приказано быстро достигнуть (схема 4):

— 138-му пех. полку — Ристикюль;

— 17-му пех. полку — Карро;

— 255-му рез. пех. полку — Ирру.

1-му батальону *131-го пех. полка* была поставлена задача достичь деревни Ляге и горы Венерт (в юго-западном углу бухты). 2-й батальон двигался вслед за ним через Кехила. 3-й батальон, высадившийся первым, прикрывал высадку 1-го и 2-го батальонов и теперь шел в резерве. Рота 2-го батальона двигалась в боковом отряде через Таммесе и Курефер. Благодаря слабому неприятельскому огню происходили лишь небольшие задержки.

Когда полк в 10 ч. 45 м. достиг Ляге, летчики донесли, что в Киельконд противника нет. Однако, по наступающим против это-

го населенного пункта подразделениям был открыт с близкой дистанции неприятельский артиллерийский огонь. В течение дня батальоны неоднократно обстреливались внезапным огнем разрозненных русских частей, закрепившихся на некоторых участках или делавших попытки пробиться в восточном направлении. После скоротечных боев в процессе наступления, которое по большей части носило охватывающий характер, сопротивление противника было сломлено, причем было взято много пленных.

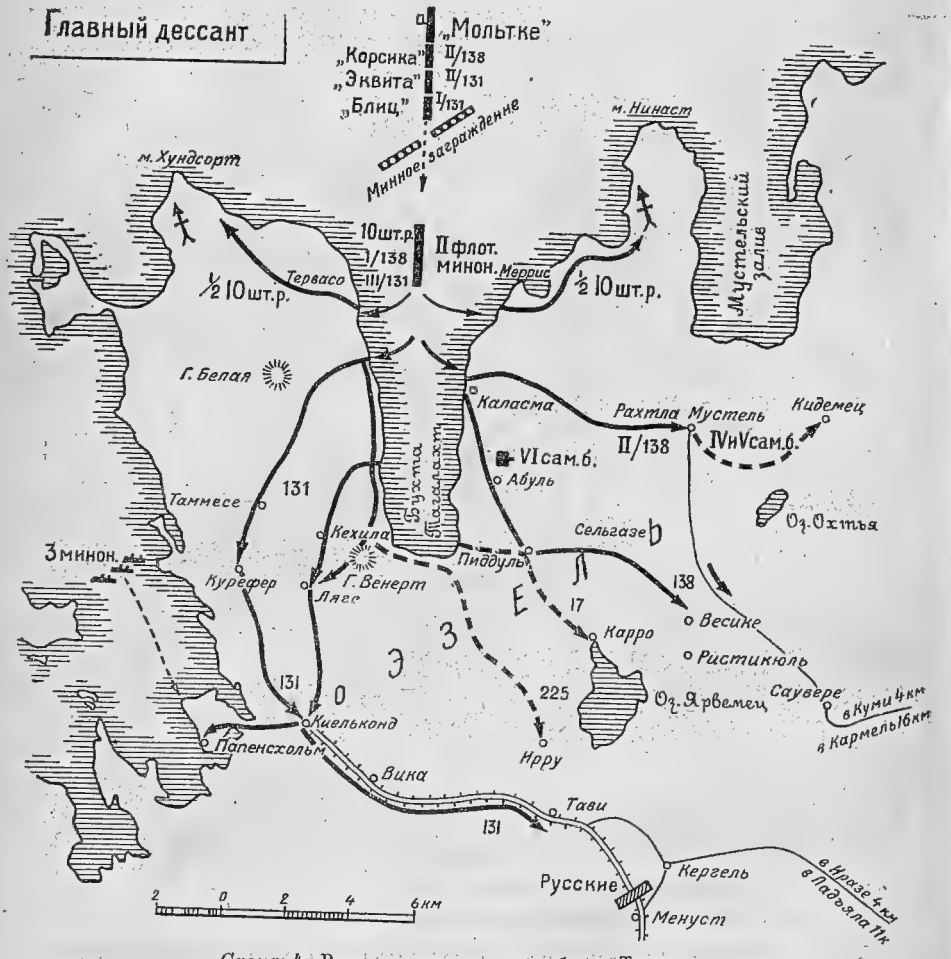

Схема 4. Высадка главных сил в бухте Тагалахт

В 14 час. был занят Киельконд, а в 15 ч. 20 м. — Папенсхольмская гидроавиабаза, расположенная на западном берегу; находившиеся там ангары, радиостанция и 5 самолетов оказались в исправном состоянии.

Последующие бои разыгрались на закрытой местности, и только через несколько часов удалось настолько выяснить обстанов-

ку, что полк смог в 17 час. продолжать свое наступление в юго-восточном направлении, через Вика и Менуст. У одной баррикады, в 2 *км* севернее Менуст, полк был остановлен сильным огнем противника. Командир полка воздержался от атаки; его храбрые бойцы перенесли морской переход, совершили 28-километровый марш при отвратительной погоде, в ветер и дождь, и участвовали в нескольких боях; стемнело, артиллерия еще не подошла. Полк расположился в Тави, что на шоссе, на ночлег в полной боевой готовности.

Действия 131-го пех. полка в этот день заслуживают высокой оценки. Целеустремленное руководство командира полка и энергично проведенное наступление, без сомнения, сильно поколебали стойкость гарнизона о. Эзель.

138-й пех. полк занял своим 1-м батальоном в 8 час. Абуль. Этот батальон высадился первым у Каласма и наступал широким фронтом в юго-восточном направлении. Затем, после короткого боя, был занят Пиддуль. 3-я рота двинулась в качестве бокового заслона через Рахтла. Наткнувшись у Мустель на сильное сопротивление противника, она не смогла продвинуться дальше вперед. Ввиду произошедшей задержки в высадке 2-го батальона, входившего в состав авангарда, командир полка потребовал немедленной высадки 3-го батальона, находившегося на борту транспортного флота. Задержка эта, как известно, произошла вследствие аварии с «Корсикой». Уже в 10 час. 2 роты этого батальона двинулись в Сельгасе, а через час за ними последовали остальные 2 роты.

2-й батальон был двинут на Мустель с задачей сломить там сопротивление противника.

Полученное в полдень радио из штаба 42-й пех. дивизии требовало, чтобы полк в тот же день достиг Ристикюль.

Мустель был занят только в 17 час., и лишь после этого можно было считать левый фланг обеспеченным. Кроме того, была свободна дорога для 4-го и 5-го самокатных батальонов, достигших Кидемет и наталкивавшихся пока только на рассеянных русских.

1-й и 3-й батальоны 138-го пех. полка расположились около полуночи биваком в лесу у Весике. 2-й батальон, оставаясь у Мустель и южнее, выдвинул 1-ю роту по дороге на Саувере, примерно, до Весике.

Несмотря на то, что лишь незадолго перед тем были начаты тральные работы перед бухтой, вице-адм. Шмидт отдал в 6 ч. 30 м. приказ транспортному флоту о входе в бухту. Головная группа пароходов, под командой командира 2-й разведывательной группы контр-адм. фон Ройтера, как раз достигла к этому времени условного пункта «Вейс». Она немедленно взяла курс на юг, предшествуемая 8-й флотилией искателей мин, и бросила в 8 час. якорь на указанном ей месте в бухте. Последняя группа, в состав которой входили «Нюрнберг» и тихоходные пароходы, бросила якорь в бухте в 14 час.

Таким образом, удалось без потерь и своевременно привести транспортный флот в указанное место. Хорошая погода благопри-

ятствовала плаванию. Было весьма нелегкой задачей провести столь большое количество весьма скудно оборудованных навигационными приборами пароходов с неподготовленными экипажами и притом в темную ночь через районы, опасные в смысле нахождения там неприятельских мин и подводных лодок. Все участники перехода имеют право гордиться своей работой. Тщательная подготовка, продолжавшаяся несколько недель, увенчалась успехом. Особенно следует отметить труды, положенные флагманским штурманом кап.-лейт. Кипом.

Находившиеся на транспортах офицеры и солдаты сухопутной армии не имели никакого представления о том, какие трудности пришлось преодолеть и какие опасности угрожали плаванию: они были преисполнены безграничного доверия к флоту, что нужно только приветствовать.

После завершения поставленных им задач военно-морские силы последовали за транспортным флотом и также бросили якорь в бухте.

Однако, еще предстояло принять специальные меры по обеспечению транспортного флота и находившихся в бухте кораблей прикрытия, всего свыше 100 судов.

Флотилия Розенберга выслала вперед дозоры, выставила сторожевое охранение из рыболовных пароходов и парусников, ночью вела патрулирование и прикрыла сетевыми заграждениями район юго-западнее Дагерорт (схема 8).

Отряд сетевых заградителей Балтийского моря (капитан 2-го ранга Каульхаузен) принял на себя заботу о заграждении бухты Тапалахт. Сетевое заграждение, обеспечивающее бухту, 12 октября было еще в один ряд, но к 15 октября оно было превращено в двухрядное неподвижное сетевое заграждение на буйках, длиной в 12 *км*, с двумя проходами по 225 *м* ширины каждый. Проход через них совершался с помощью лоцманских судов. Весь морской район от бухты севернее о. Эзель и западнее о. Даго был обеспечен против действий противника всеми имевшимися в распоряжении надводными и подводными средствами.

Район перед бухтой и сама бухта были протралены от мин. Кроме того, для обеспечения флангов стояли наготове вдоль обоих берегов эскадренные миноносцы и миноносцы меньшего тоннажа. Им было приказано открыть огонь в случае нападений противника с суши.

Уже в 10 час. высадка с транспортного флота шла полным ходом. Баркасы и катера тянули длинные ряды лодок, наполненных солдатами, и специальные боты с погруженными на них лошадьми и повозками к берегу, где десантная саперная рота и 9-й саперный эрзац-батальон приготовили сходни и мостки.

Были высажены следующие части:

— 255-й рез. пех. полк — в юго-западном углу;

— 17-й пех. полк — в юго-восточном углу;

— 3-й батальон 138-го пех. полка и 4-й, 5-й и 6-й самокатные батальоны — в восточной части бухты.

Перечисленные части тотчас же после высадки двинулись вперед, не ожидая своих пулеметных рот, притом некоторые даже без верховых лошадей и без боевого обоза, и дошли почти до линии расположения обоих полков авангарда. Из трех высаженных полевых батарей в этот день только одна выдвинулась вперед. Таким образом, быстрая их высадка и придача по полубатарее 131-му и 138-му пех. полкам остались, к сожалению, только скромным пожеланием. Поставленные с запозданием задачи не могли быть выполнены.

Итак, к вечеру первого дня высадки 4 пехотных полка и 3 самокатных батальона, но только с одной батареей занимали вокруг бухты Тагалахт своего рода предмостную позицию на фронте Тави, оз. Ярвемец, оз. Охтья, Кидемец. Эта позиция была довольно сильна и, будучи выдвинута на значительное расстояние от бухты, могла в достаточной степени обеспечить дальнейшую высадку от ударов противника с суши.

В итоге высадка главных сил увенчалась успехом и сверх ожидания сопровождалась весьма незначительными потерями. Объясняется это тем, что противник был совершенно застигнут врасплох.

Высадка у Памерорт

На флотилию Розенберга были возложены самые разносторонние задачи (состав флотилии указан в приложении II). Находившиеся в составе обеих полуфлотилий искателей (1-й и 2-й) 6 миноносцев типа «А» представляли собою небольшие миноносцы с малой осадкой, главная же масса состояла из рыбачьих судов.

На судах находились:

I. *На плавучей мастерской «Донау»:* 415 чел. 2-го самокатного батальона и 1 легкая радиостанция на 2 повозках.

II. *На вспомогательном судне «Кобург»*: 650 чел. 1-го самокатного батальона, 30 лошадей, 2 орудия[1] 8-й батареи, 1 зарядный ящик 8-й батареи.

III. *На вспомогательном судне «Кастор»*: 250 чел. 18-й штурм. роты, 130 чел. десантного отряда флотилии, 40 чел. морских артиллеристов, 250 чел. 2-го самокатного батальона, 2 лошади, 1 полевая кухня.

IV. *На 2 тральщиках:* 200 чел. десантного отряда флотилии.

Перечисленным частям после их высадки были поставлены следующие задачи (схема 3):

1. Штурмовой ротой и десантным отрядом флотилии захватить упоминавшуюся выше неприятельскую батарею у Памерорт; обслуживание ее должно было быть возложено на морских артиллеристов; батарее была поставлена задача вести борьбу с неприятельской батареей у Тоффри, преградить плавание неприятельских судов в Соэлозунд и поддерживать своим огнем легкие силы, прорвавшиеся на Кассарский плес.

2. Аренсбургской группе (1-й самокатный батальон) выдвинуться на дорогу Аренсбург, Орриса, перервать телефонное сообщение и захватить

[1] Оба орудия были высажены только днем 14 октября и в бою за предмостную позицию у Орриса 13 и 14 октября не участвовали.

радиостанцию и штаб русской дивизии, расположенный в имении севернее Аренсбурга.

3. Оррисарской группе (2-й самокатный батальон и 18-я штурм. рота), под командой кап. фон Винтерфельда, дойти до укрепленной позиции у Оррисар.

Аренсбургская и Оррисарская группы, т. е. оба самокатных батальона и штурмовая рота, входили в подчинение командира 10-го штурм. батальона майора Слуйтера.

Флотилии Розенберга:

I. Произвести рекогносцировку прохода через Соэлозунд и обозначить его.

II. Произвести промеры Кассарского плеса.

III. Форсировать Малый Зунд, имея целью оказать поддержку артиллерийским огнем отряду Винтерфельда у Оррисар и обеспечить снабжение отряда подвозом морем.

IV. Оказать поддержку пехоте во время ее переправы на о. Моон как артиллерийским огнем, так и переправой пехоты на баркасах.

Пока обе эскадры линейных кораблей, стоявшие перед бухтой Тагалахт, а также «Байерн» и «Эмден», стоявшие перед Соэлозунд, ожидали на рассвете приказа об открытии огня, на «Байерн» около 5 ч. 30 м., как уже упоминалось выше, была поднята тревога ввиду появления неприятельской подводной лодки. Открытый с «Байерн» огонь по подводной лодке вызвал приказ об открытии огня всем флотом.

«Байерн» и «Эмден» не успели еще начать обстрел береговых батарей, как флотилия Розенберга быстро двинулась по направлению к упоминавшимся выше пунктам высадки у Памерорт.

В то время как несколько рыболовных судов устанавливали фарватер через Соэлозунд, флагманский миноносец «А-28» подошел в 6 час. на дистанцию 2 морских миль к батарее Тоффри, был ею опознан и после нескольких хорошо нацеленных залпов с батареи получил кормовую пробоину.

«Байерн» и «Эмден» немедленно открыли по батарее огонь и привели ее к молчанию.

Уже в 7 час. была начата высадка в двух пунктах юго-западнее Памерорт; противник не препятствовал. Первые высадившиеся на сушу подразделения были приняты местным населением за англичан. Отряд (моряки и штурмовая рота) поспешно двинулся в северном направлении, но указанной летчиками батареи не обнаружил. Фактически ее там и не было.

У Памерорт была устроена сигнальная станция, установившая связь с командующим морскими силами; на нее была возложена задача своевременно сообщать о появлении неприятельских сил из Моон-Зунда; аналогичная задача была возложена и на специально выделенные для этой цели самолеты.

1-й самокатный батальон. По окончании высадки у Тухкана 1-й самокатный батальон сразу же двинулся по трем дорогам в южном направлении, имея целью перехватить пути отступления противника на о. Моон, воспрепятствовать его отходу или по крайней мере затруднить отход и вызвать панику в тылах.

Несмотря на плохую погоду, роты быстро продвигались вперед, почти не встречая сопротивления противника, имевшего здесь по преимуществу сторожевое охранение, высланное конницей.

2-я рота, двигаясь по западной дороге через Пама, достигла Кармель.

1-я рота с пулеметным взводом имела на шоссе у Лайсберг и к югу от Тикк небольшие стычки с кавалерийскими подразделениями противника. Вечером она встретила более сильное сопротивление у Удувере, северо-восточнее Кармель.

4-я и 5-я роты с пулеметным взводом свернули южнее Лайсберг с шоссе на юго-восток и дошли до Кенно.

6-я и 3-я роты со взводом пулеметов находились в резерве на большаке у Тикк и севернее; при 3-й роте находился майор Слуйтер.

Таким образом, к вечеру 4 роты с 3 пулеметными взводами занимали северный путь отхода противника — Аренсбург, Тикк, Тагафер, Оррисар и прилегавший южнее район.

Теперь нужно было возможно скорее перехватить батальоном также и южный путь отхода противника — Аренсбург, Саикла, Оррисар.

Отряд Винтерфельда. 2-й самокатный батальон закончил высадку в 10 ч. 30 м. 18-я штурм. рота захватила в лежавших поблизости населенных пунктах столь большое количество лошадей и повозок, что половину роты можно было посадить на повозки.

Отряд Винтерфельда шел кратчайшим путем вдоль восточного берега к предмостной позиции у Оррисар, стремясь отрезать на самой каменной дамбе отступление русских на о. Моон.

Самокатчики и находившийся при них пулеметный взвод 18-й штурм. роты, двигаясь по плохим дорогам через Ст. Иоаханис, достигли, не встретив сопротивления противника, мызы Мазик (схема 5). Пулеметная рота самокатного батальона была занята реквизицией обывательских подвод, почему и присоединилась к батальону только 13 октября.

От мызы Мазик батальон еще вечером выдвинулся в направлении на Томель и занял 1-й ротой Саикла, 3-й ротой — Томель и 2-й ротой — Нейенгоф [1]. Во время своего продвижения на Томель батальон захватил несколько русских военных автомобилей, причем в одном из них находился денежный ящик с 200 000 рублей. Это была первая добыча.

4-я рота была выдвинута от мызы Мазик через Оррисар, где после короткой перестрелки было захвачено несколько пленных, в направлении к каменной дамбе, куда и прибыла в 21 час. Рота заняла предмостное укрепление и обеспечивала его со стороны о. Моон. Дозоры перешли дамбу и подошли на 30 шагов к укрепленной позиции противника на о. Моон, однако вынуждены были отойти под сильным огнем противника.

---

[1] Все пункты к юго-западу от Оррисар. — *Прим. перев.*

В Мазик и Томель были взяты в плен несколько офицеров и 150 солдат.

Кап. Винтерфельд отправил из Ст. Иоаханис повозки, доставившие полуроту штурмовой роты, обратно за второй полуротой, которая и прибыла после полуночи на мызу Мазик.

Около Майсберг 5-я и 6-я роты 2-го самокатного батальона были выделены в правую колонну. После короткой перестрелки с казаками колонна, двигаясь по болотистому пути, дошла только до Тагафер. Она вновь присоединилась к своему батальону у Томель только днем 13 октября.

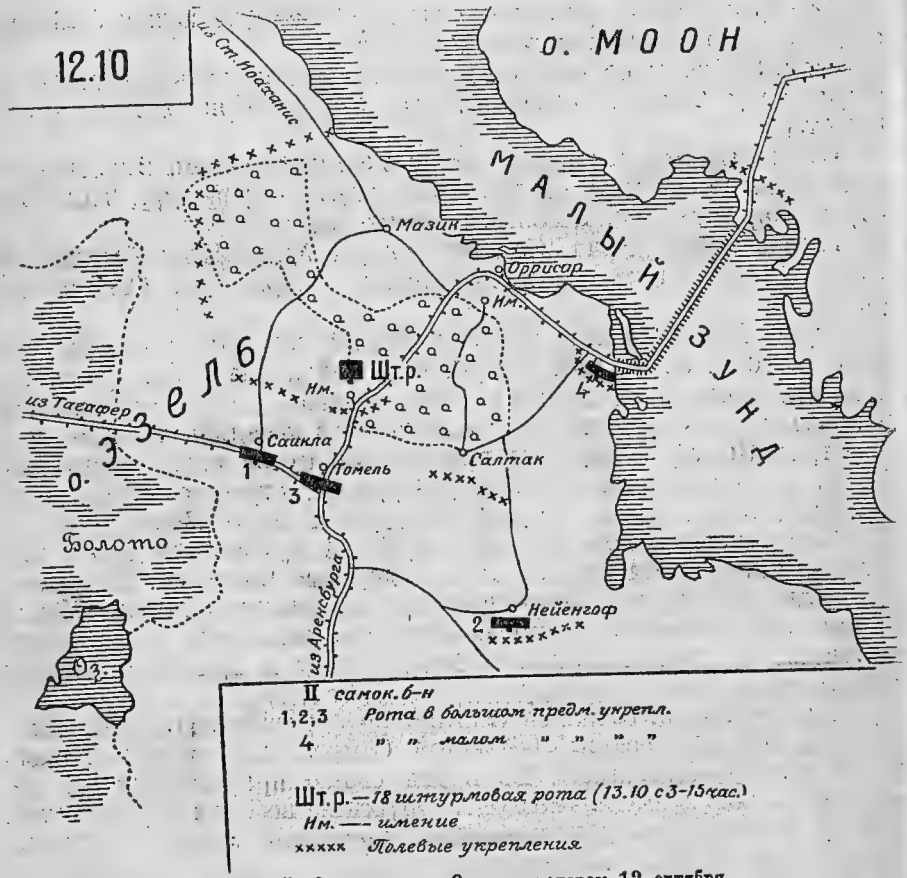

Схема 5. Обстановка у Оррисар вечером 12 октября

В связи с тем, что самокатный батальон не имел у Томель никакого резерва и ничего не было известно о местонахождении правой колонны (5-я и 6-я роты), кап. фон. Винтерфельд решил после прибытия второй полуроты 18-й штурм. роты перейти от мызы Мазик в Томель, куда и прибыл в 5 час. 13 октября.

Таким образом, отряд Винтерфельда удивительно быстро достиг в первый же день высадки важнейшего пункта на пути отступления противника. Это заслуживает тем большего внимания,

что отряд был невелик по составу, не имел артиллерии и был предоставлен самому себе. Крайне было важно, чтобы отряд удержался там. Помощь ему могла быть первоначально оказана только флотом.

Флот (схема 3). Флот усиленно стремился проложить себе дорогу в Малый Зунд.

Действиями флота в этом районе руководил командующий миноносцами коммодор[1] Гейнрих.

Промерные суда флотилии искателей, работавшие с самого утра в Соэлозунде, нашли к 6 ч. 20 м. подход к фарватеру этого пролива и определили глубину в 5,5 *м*. Для флотилии Розенберга, миноносцев и эскадренных миноносцев эта глубина была достаточна, для более же крупных кораблей она была мала. К удивлению, навигационные знаки сохранились; кроме того, на о. Даго имелись створные знаки.

Батарея Тоффри сделала еще одну попытку вытеснить из Соэлозунда работавшие там суда, но артиллерийским огнем с «Байерн» и «Эмден» она была приведена к молчанию, на этот раз окончательно.

Уже к 9 час. проход на Кассарский плес был обследован и признан пригодным. Сделано это было раньше, чем из Моон-Зунда появились русские морские силы. Но несмотря на то, что фарватер был в достаточной степени обозначен, плавание по нему все же было очень затруднительно. Самый фарватер был слишком узок, особенно на поворотах, и имелись подводные камни. Глубина изменялась в зависимости от направления ветра, причем направление образуемого последним течения было трудно установить заранее. Действительно, на следующий день несколько кораблей, в том числе и миноносцы, получили вследствие ударов о грунт столь значительные повреждения, что вышли временно из строя.

Мины обнаружены не были. Когда миноносец «Т-130» и 3 тральщика прошли на Кассарский плес, они встретились в 9 ч. 30 м. с 2 русскими эскадренными миноносцами, шедшими с востока. Будучи обстреляны, наши корабли отошли под прикрытием «Эмдена».

Этот эпизод послужил началом боя за Кассарский плес. Боевые действия продолжались несколько дней и велись с обеих сторон с большим ожесточением.

При прорыве на Кассарский плес германские флотилии были вынуждены считаться с возможностью встретить противника, превосходившего их по числу кораблей и в отношении артиллерии. Отступая в восточном направлении, противник получал при этом поддержку в лице своих главных сил, т. е. линейных кораблей, крейсеров и бронированных канонерок, тогда как германские легкие силы, по мере своего продвижения вперед, все более и более удалялись от «Эмдена» и «Байерн». Таким образом, и здесь, по аналогии с отрядом Винтерфельда у Оррисар, предстояла неравная борьба.

---

[1] Флотский офицер, командующий соединением кораблей.— *Ред.*

Флот должен был возможно скорее войти в Малый Зунд для поддержки сухопутных войск. Исходя из этой задачи, и действовал коммодор Гейнрих.

Оба русские эскадренные миноносца, оттеснившие германские слабые силы в Соэлозунд, остановились перед выходом из пролива. Чтобы вновь пройти на Кассарский плес, требовалось большое количество миноносцев, которые могли подойти только после полудня. Они должны были вытеснить русских заградителей и этим самым не дать им прежде всего возможности наблюдать за тем, что происходит в Соэлозунде и на южном берегу Кассарского плеса.

Утром с флотилии Розенберга был высажен еще один десантный отряд на о. Даго. Этот отряд взорвал четыре 120-*мм* орудия батареи Тоффри.

Прорыв на Кассарский плес был возложен на 13-ю полуфлотилию миноносцев (5 миноносцев), прибывшую днем после обстрела Папенсхольм. За ней было приказано следовать миноносцу «S-144» (флагманский миноносец Розенберга) с 6 миноносцами типа A-II, которые должны были под прикрытием упомянутой полуфлотилии форсировать Малый Зунд и поддержать своим артиллерийским огнем отряд Винтерфельда. Таким образом, рассчитывали, что упомянутые силы настолько быстро продвинутся вперед, что это даст возможность переправить в тот же день самокатчиков на о. Кейнаст, расположенный к северо-западу от о. Моон, совсем рядом с последним.

Когда обе упомянутые флотилии двинулись в 14 час. в пролив, они попали под действительный огонь 4 эск. миноносцев и 1 канонерки противника. Головные миноносцы поставили дымовую завесу. Остановив середину колонны и дав задний ход на миноносцах, шедших в хвосте, колонна быстро расчленилась в глубину. Пройдя узкий участок фарватера, миноносцы пошли, ведя огонь, навстречу противнику, тесня его постепенно в восточном направлении. В 15 час. в бою приняли участие еще 5 неприятельских эскадренных миноносцев и стоявший в Моон-Зунде крейсер «Адмирал Макаров» со своей тяжелой артиллерией. На него была возложена задача прикрыть отход эскадренных миноносцев и воспрепятствовать прорыву наших миноносцев в Моон-Зунд.

Капитан 2-го ранга фон Розенберг все время пытался войти в Малый Зунд, но из-за огня русских эскадренных миноносцев, а также ввиду позднего времени ему пришлось от этого отказаться. Обстрела берега не потребовалось, поскольку отряд Винтерфельда об этом не просил; в это время он продолжал свое движение на Оррисар, не имея еще впереди себя противника.

В 16 час. флотилия Розенберга повернула обратно в Соэлозунд.

Одновременно 13-я полуфлотилия миноносцев, оттеснив противника к Моон-Зунду, прервала бой из-за недостатка снарядов. Отход был выполнен без помехи со стороны противника.

Ввиду создавшейся обстановки было нецелесообразно оставлять на ночь обе флотилии на Кассарском плесе. Они были оттянуты

назад через Соэлозунд, который был заражден против проникновения туда подводных лодок противника. От охраны восточного выхода фарватера пришлось отказаться, поскольку противник имел еще возможность выдвинуть неожиданно из Моон-Зунда превосходные силы.

Задача, поставленная флоту на истекший день, была выполнена. Но для последующего успеха необходимо было сосредоточить на Кассарском плесе более крупные силы. Ввиду этого коммодор Гейнрих обратился к командующему «Особым отрядом» за подкреплением.

Итак, день 12 октября увенчался успехом, превзошедшим все ожидания, а именно:

— высадка главного и вспомогательного десантов удалась;

— не только пехота авангарда, но и пехота главных сил занимала большую дугу вокруг бухты Тагалахт, обеспечивая последующую высадку;

— занятие в первый же день высадки укрепленной позиции у Оррисар создавало предпосылки для дальнейшего крупного успеха десантного корпуса;

— флот приступил к энергичному выполнению задачи по оказанию поддержки сухопутным войскам в Малом Зунде.

Описанные выше успехи были достигнуты ценой весьма незначительных потерь в личном составе. Правда, кроме транспортного парохода «Корсика» на мины наткнулись еще линейные корабли «Байерн» и «Гросер Курфюрст», что, однако, не помешало выполнению возложенных на них в этот день задач. Оба корабля пришлось отправить в ремонт. «Байерн» получил носовую пробоину, которая оказалась серьезнее, чем предполагали раньше. Ему пришлось на обратном пути изменить курс на бухту Тагалахт, где и были приняты меры против дальнейшего проникновения воды в пробоину.

В итоге операций 12 октября командование всех степеней было преисполнено верой в дальнейший успех.

XII. Занятие о. Эзель и боевые действия на Кассарском плесе с 13 по 16 октября

13 октября

42-я пех. дивизия. Противник накануне был захвачен совершенно врасплох; теперь оставалось энергичным наступлением использовать последствия этого. Однако, предпринять дальнейшее наступление, не ожидая прибытия артиллерии и при отсутствии налаженного подвоза, пока пехота не получила еще своих пулеметов и боевого обоза, противоречило всем правилам тактики и являлось прямой дерзостью. Но воодушевлявшее всех желание действовать отвергало подобные сомнения.

Когда же вдобавок вечером 12 октября было получено донесение от авиации, что противник начал отступление на о. Моон, иными словами, видимо, не собирается дать бой у Аренсбурга,

командование 42-й пех. дивизии отдало в 23 ч. 55 м. боевой приказ на 13 октября о наступлении двумя колоннами, а именно (схема 6): 255-му рез. пех. полку на Ладьяла (*7 км* северо-восточнее Аренсбурга) и 65-й пех. бригаде (17-й и 138-й пех. полки) на Хазик (*20 км* северо-восточнее Аренсбурга).

Что касается 131-го пех. полка, то командование дивизии первоначально задержало его впредь до выяснения обстановки, а затем оставило его в своем распоряжении, приказав сосредоточиться у Менуст. Полку была придана 77-я самокатная рота, которая и была тотчас же выдвинута в направлении на полуостров Сворбе.

Схема 6. Положение 42-й пех. дивизии утром 13 октября

255-й пех. полк, имевший ночлег у Ирро, выступил в 5 ч. 30 м. и, двигаясь через Тави (на шоссе в Аренсбург), где он застал 131-й пех. полк, дошел до Пайекюль. Авиация подтвердила донесения 131-го пех. полка о противнике, который занимал укрепленную позицию у Менуст и Кергель и вел огонь легкой и тяжелой артиллерией. Довольно быстро было установлено, что северный фланг противника находится у церкви дер. Кергель. Полк. Берринг в 11 час. приказал 5-й роте атаковать противника, нанося ему удар в правый фланг. Атака была успешна: рота захватила 150 пленных и 5 пулеметов. Тот факт, что противник столь быстро прекратил сопротивление, можно, пожалуй, объяснить движением 65-й пех. бригады, которая в это время уже прошла Саувере, расположенный значительно севернее.

Таким образом, предположение о том, что противник стягивается к Аренсбургу, видимо, подтверждалось. Командир дивизии решил продолжать задуманное им параллельное преследование и отдал распоряжение 65-й пех. бригаде не дать себя сковать противнику у Аренсбурга.

Теперь уже можно было использовать *131-й пех. полк;* было ясно, что для дальнейшего продвижения в восточном направлении содействия 131-го полка не требуется. В полдень полку было приказано наступать в направлении на полуостров Сворбе.

В 13 ч. 30 м. полк двинулся в южном направлении. Задерживаемый многократно появлявшимися отрядами противника, полк достиг, как ему было приказано, 1-м и 2-м батальонами Тат-

терселя, а авангардом — Техомарди, на северной оконечности Свербе. Благодаря этому шоссе Церель—Аренсбург было перехвачено, и отступление гарнизону Свербе на север было отрезано (схема 8).

Для командира полка сыграло большую роль полученное им от одного немецкого торговца сообщение, что на Свербе находится целиком русский 425-й пех. полк.

Вечером к полку присоединился боевой обоз и прибыла 5-я батарея 8-го полевого артиллерийского полка.

255-й пех. рез. полк с приданной ему 78-й рез. саперной ротой продолжал после очищения противником Кертель свое наступление на Кармис. Приданной полку 80-й самокатной роте было приказано преследовать противника в направлении на Аренсбург и

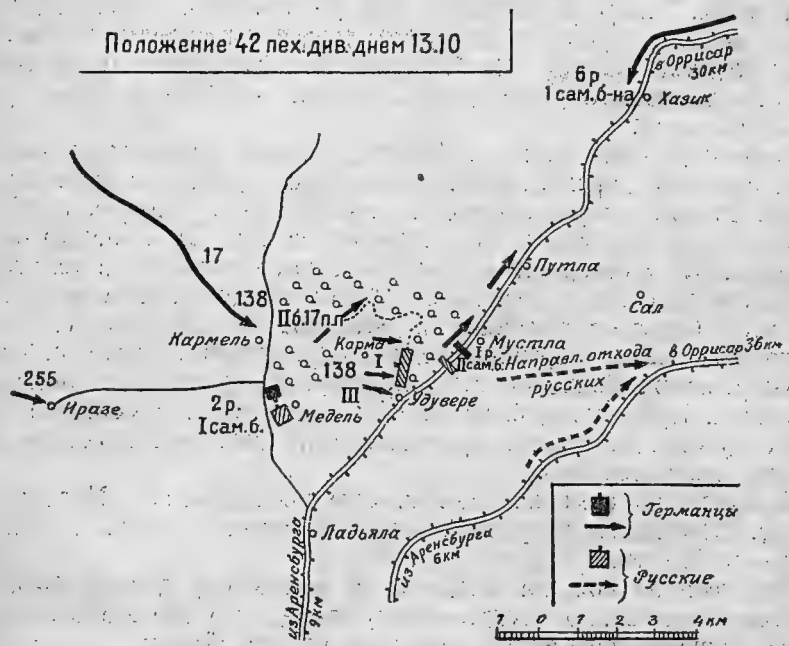

Схема 7. Положение 42-й пех. дивизии днем 13 октября

очистить брошенные русскими позиции от оставшихся там бойцов. Полк в очень утомленном состоянии дошел в 15 ч. 30 м. до Ираже и расположился там на отдых. Таким образом, он далеко не дошел до назначенного ему на этот день рубежа. Не успел полк расположиться на отдых, как русский кавалерийский полк, не ожидая темноты, сделал попытку прорваться в колонне по одному через это селение. Часть полка была расстреляна огнем, открытым из домов, остальные взяты в плен.

65-я пех. бригада в 9 ч. 30 м. сосредоточила у Саувере оба свои полка: 17-й пех. полк, прибывший из Карро, и 138-й пех. полк, прибывший из Вессике. Не встретив противника, бригада достигла своим авангардом (1-м и 3-м батальонами 138-го пех.

полка и 6-й батареей 8-го полевого артиллерийского полка), под командой майора Фалька, Кармель-зап.[1]. Здесь авангард расположился на отдых.

Тем временем были получены донесения, что 1-я рота 1-го самокатного батальона у Удувере, а 4-я и 5-я роты у Кельяла ведут бой с превосходными силами противника, пытающимися прорваться в северном направлении, и что Медель занят значительными силами.

Во время дальнейшего продвижения шедший впереди 3-й батальон 138-го пех. полка, подойдя к окраине Кармель-вост., был обстрелян очень сильным ружейным и пулеметным огнем с опушки, что севернее Удувере. Выброшенная на рысях 6-я батарея, понеся большие потери в конском составе, подошла на дистанцию в 800 *м* к противнику и сначала находилась одна под неприятельским огнем. Вскоре выяснилось, что фронтальная атака будет связана с весьма крупными потерями и едва ли будет успешна. Поэтому шедший позади 1-й батальон был развернут и направлен для охватывающего удара двумя ротами севернее и одной ротой южнее Кармель.

Командир бригады, полк. Маттиас, решил отбросить противника от северной дороги, проходившей через Хазик, на юг и восстановить связь с подразделениями самокатчиков, которые, предположительно, находились у Тикка (севернее Хазик). С целью обхода он выдвинул в северном направлении находившийся в голове колонны главных сил 2-й батальон 17-го пех. полка. Но еще раньше, чем этот батальон ввязался в бой, оба авангардные батальона 138-го пех. полка вторглись, ведя бой ручными гранатами, на позицию русских. Большая часть противника (1 000 чел.) была взята в плен. Кроме того, было захвачено 8 орудий и большое количество пулеметов. Остатки русского 426-го пех. полка отошли в восточном направлении.

Несмотря на сумерки, наступление продолжалось. Между 22 и 23 час. 138-й пех. полк расположился биваком у Путла, а 17-й пех. полк — у Мустла.

Невзирая на бой, на дождь и на размокшие дороги, 65-я пех. бригада значительно продвинулась вперед. Но все же она не достигла назначенного ей на этот день пункта Хазик.

К вечеру части попрежнему оставались почти без повозок, пулеметные роты тоже еще не подошли, реквизированных же обывательских подвод далеко не хватало.

1-й самокатный батальон (схемы 7 и 8), как уже говорилось, двинулся после высадки от Памерорт по трем дорогам в южном направлении. 2-я рота этого батальона имела южнее Кармель несколько стычек с конницей противника. Около полудня она вошла в связь с 138-м пех. полком, стоявшим на отдыхе у Кармель, и прикрыла его правый фланг со стороны Аренсбурга.

1-я рота батальона была неоднократно атакована в районе Удувере превосходными силами противника; хотя эти атаки и были

[1] Для отличия имеющихся на схеме 7 двух населенных пунктов, имеющих одно и то же наименование «Кармель», они обозначены «Кармель-зап.» и «Кармель-вост.».

безуспешны, но, будучи обстреляна артиллерийским огнем противника, рота все же была вынуждена отойти немного на север.

4-я и 5-я роты во время своего продвижения в южном направлении наткнулись на противника, отбросили его и захватили пленных и добычу. Они достигли в 13 час. у Кельяла южного шоссе Аренсбург, Оррисар и захватили там, между прочим, русскую батарею, отходившую на Оррисар. Однако, впоследствии они были вынуждены отойти на 2 *км* в северном направлении под давлением значительно превосходившего их в силах противника. Майор Слуйтер выдвинул 6-ю роту в Хазик, а 3-ю роту — в Тикка [1].

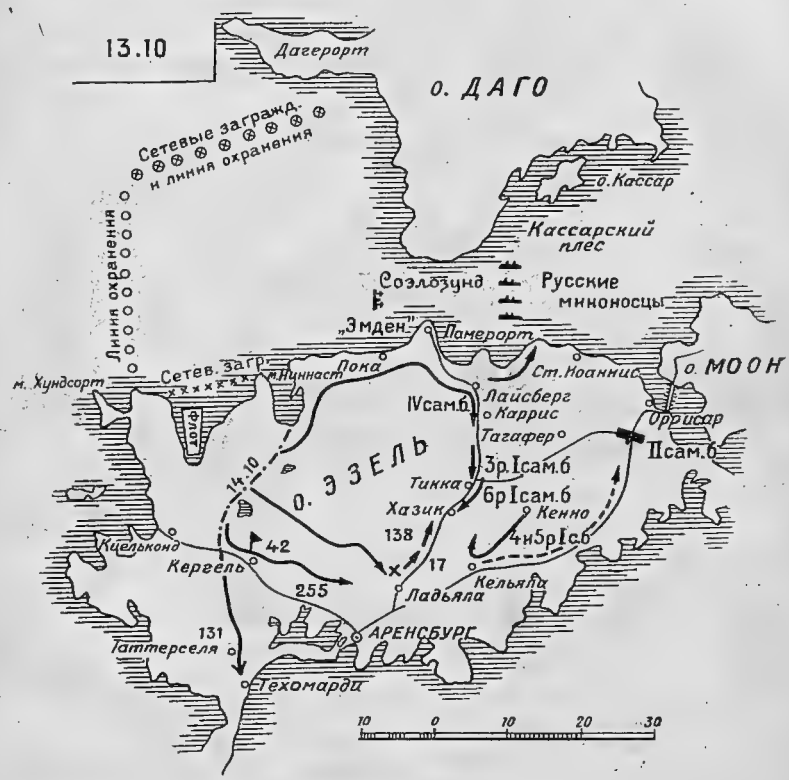

Схема 8. Обстановка 13 октября

Боевые действия, разыгравшиеся на широком фронте 1-го самокатного батальона, явно указывали на стремление русских прорваться в северном направлении, чтобы использовать для своего отхода также и северную дорогу, ведущую от Аренсбурга через Тикка и Тагафер на Оррисар.

Благодаря упорству некоторых самокатных рот и атаке 138-го пех. полка у Удувере попытка русских была ликвидирована.

4-й и 5-й самокатные батальоны двигались по проселочным дорогам в восточном направлении и, пройдя через Лайсберг,

[1] 7-я рота прибыла к батальону из бухты Тагалахт только 15 октября.

достигли: 4-й батальон — окрестностней Каррис (южнее Лайсберг), 5-й батальон, шедший вдоль берега,— середины дороги Лайсберг, Ст. Иоаханис; соприкосновения с противником они не имели.

Дождливая и ветреная погода причинила войскам 13 октября много неприятностей. По размокшим дорогам самокатные части передвигались с большим трудом; в результате большая часть самокатов пришла в негодность.

Отряд Винтерфельдта был расположен на восточном побережье острова, примыкая левым флангом к Малому Зунду, а правым —

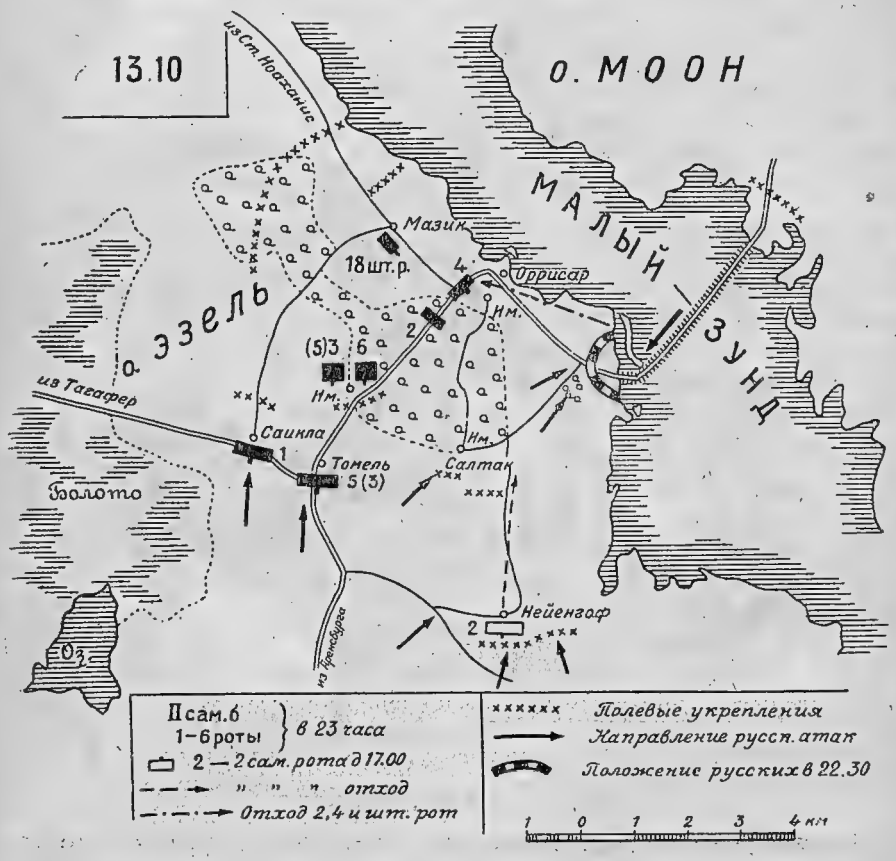

Схема 9. Обстановка у Оррисар 13 октября

к болоту, тянущемуся с севера на юг. Район его боевых действий, будучи ограничен с запада и востока, давал достаточно простора для развертывания в северном и южном направлениях. С востока и запада можно было подойти к этому району лишь в колоннах: с востока — через Малый Зунд по каменной дамбе, с запада — по шоссе Тагафер, Саикла, пролегавшему между болотами (схема 9).

Утром 13 октября дозоры, высланные вперед из отряда Винтерфельда, очень скоро были обстреляны неприятельским огнем.

Русские, начавшие отход 13 октября, наткнулись сначала на 3-ю роту 2-го батальона самокатчиков, занимавшую шоссе у Томель. Не подозревая, что предмостная позиция могла уже быть занята немцами, русские выслали вперед без всякого прикрытия хозяйственный обоз, санитарные учреждения, автомобили и т. п. Все это после короткой перестрелки было захвачено немцами. После этого отход русских тыловых учреждений прекратился, так как им, видимо, стало известно, что шоссе прегражден немцами. Зато перед тонким и длинным фронтом 2-го самокатного батальона появились пехотные подразделения противника различного состава. Часть из них южнее Томель сворачивала с шоссе на восток, двигаясь прямо к каменной дамбе. Около 11 час. по направлению к имению Салтак вели наступление уже более значительные силы русских. Но 3-я рота, поддержанная пулеметным взводом штурмовой роты, воспрепятствовала их прорыву, причем было захвачено 100 пленных. После этого на фронте 3-й роты и находившейся на правом фланге 1-й роты наступило затишье. До 14 час. было взято 500 пленных, которые так же, как и все то, что из захваченных трофеев могло самостоятельно передвигаться, постепенно направлялись на север, через Мазик и Ст. Иоаханис.

Несмотря на то, что около полудня подошли из Тагафер в Томель еще 5-я и 6-я роты, положение все же нельзя было считать упрочившимся, так как не представлялось возможным помешать прорыву мелких подразделений противника через длинный фронт со многими промежутками, вдобавок еще на закрытой местности.

Прорвавшиеся подразделения русских появлялись в тылу слабых подразделений самокатных частей, делая тем самым район к северу от линии Саикла, Томель, Нейенгоф небезопасным. Группы русских, силой до 30—50 чел., угрожали сообщению Томель, Оррисар, мыза Мазик и даже обстреливали с севера германские резервы, расположенные у имения Томель. Ввиду этого необходимо было очистить прилегавший район от противника, но необходимых для этого сил не было. Независимо от величины фронта — 4 роты занимали фронт протяжением в 7 *км*, — боевой состав частей, вследствие убыли отставших во время маршей, а также в связи с многосторонними задачами, сильно уменьшился.

Но, невзирая на все сказанное, кап. фон Винтерфельд решил выступить со своей штурмовой ротой в 15 час. от Томель на Оррисар для выяснения обстановки в районе предмостной позиции. С самого утра оттуда не поступало никаких донесений. Ему было только известно, что 4-я рота отбросила несколько слабых отрядов противника, подходивших с юга и севера, и что предмостная позиция обстреливается с о. Моон неприятельским артиллерийским огнем. Кап. Винтерфельд предполагал еще рано утром 14 октября переправиться на о. Моон. В 17 час. штурмовая рота сменила занимавшую предмостную позицию у дамбы 4-ю роту самокатчиков и выставила полевой караул у пересечения дорог в 200 *м*

западнее предмостной позиции. 4-я рота сосредоточилась в качестве резерва у восточного выхода из Оррисар.

В 19 час., когда только что закончилась смена, к предмостному укреплению подошли части 2-й роты. В 16 час. эта рота была атакована у Нейенгоф значительно превосходными силами противника с большим количеством пулеметов и артиллерией; рота не смогла удержаться; ведя арьергардные бои, она отошла через имение Салтак на предмостную позицию.

Кап. фон Винтерфельд тотчас оценил, какие может иметь последствия прорыв противника через имение Салтак. Это привело бы к обходу левого фланга 2-го самокатного батальона у Томель. Кроме того, гарнизон предмостной позиции казался бы отрезанным. Он приказал 2-й роте выдвинуться обратно к имению Салтак и там закрепиться. Едва лишь рота сошла с шоссе Оррисар, как по ней был открыт сильный ружейный и пулеметный огонь из перелесков, примыкающих с юга непосредственно к предмостной позиции. Кап. фон Винтерфельд выслал туда из резерва полуроту 4-й роты.

Таким образом, на этом самом ответственном участке завязался ожесточенный ночной бой, продолжавшийся несколько часов. Русские стремились во что бы то ни стало проложить себе дорогу через дамбу. Кап. фон Винтерфельд не хотел уступать. И без того тяжелое положение усложнялось еще больше по мере того, как противник подходил все ближе и ближе, ведя одновременно наступление с о. Моон через дамбу в тыл отряду Винтерфельда. Пуская в ход ручные гранаты, все же удавалось отбивать противника, правда, с самых близких дистанций. Бой продолжал развиваться, главным образом, в направлении на Оррисар. Создавалась угроза, что небольшому отряду будет отрезан путь наступления в северном направлении, и он окажется прижатым к Малому Зунду.

Когда еще в довершение всего начал чувствоваться недостаток в патронах, кап. фон Винтерфельд был вынужден принять тягостное решение очистить предмостную позицию. В 22 ч. 30 м. он, без давления со стороны противника, отошел по направлению к Оррисар. 4-я рота была им оставлена у перекрестка дорог Оррисар, мыза Мазик и Оррисар, Томель. 2-ю самокатную роту он выслал на 500 *м* вперед по шоссе в направлении на Томель для обеспечения связи с остальными подразделениями 2-го самокатного батальона. 18-я штурм. рота была оттянута в резерв на мызу Мазик.

После маршей и боев с раннего утра 12 октября, притом в ненастную погоду, было крайне необходимо дать бойцам продолжительный ночной отдых, тем более, что, по всей вероятности, на следующий день предстояли еще более тяжелые бои.

Флот (схема 8). Бой за предмостное укрепление разыгрался уже в темноте. Поэтому 13 октября флот не имел возможности оказать существенную поддержку, если не считать подвоза снабжения и т. п. Но все-таки флот прилагал все усилия, чтобы подойти к району боя в тот же день.

Русские сознавали значение Соэлозунда и Кассарского плеса для обороны островов. В случае прорыва германских кораблей

через пролив они могли бы огнем своих орудий воспрепятствовать сообщению по каменной дамбе. Однако, для этого годились только суда с небольшой осадкой.

В 7 ч. 28 м. летчики донесли: «8 эсминцев. Курс на запад. Полный ход». Вскоре появились неприятельские эсминцы, среди них «Гром» и «Новик». Они обстреляли суда флотилии Розенберга, тралившие мины в проливе Соэлозунд; последние были вынуждены отойти.

Находившиеся здесь под командой коммодора Гейнриха суда немедленно ответили на огонь. «Эмден» подошел, насколько смог, к проливу; однако, его огонь был безрезультатен, несмотря на то, что сигнальная станция у Памерорт хорошо вела свою наблюдательную работу. Русские преградили своим огнем узкий фарватер, не подвергаясь сами опасности обстрела с германских кораблей. Вследствие сильного тумана их вовсе не было видно. Предположение, что русские корабли вернутся обратно в Моон-Зунд, было совершенно невероятно. Наоборот, можно было ожидать, что они поставят мины на Кассарском плесе, тем более, что вслед за 5 стрелявшими эсминцами были обнаружены новые корабли и среди них минный заградитель. Ввиду сложившейся обстановки крайне важно было выйти вперед для разведки, но нужных для этого средств не имелось. Кроме того, приходилось считаться с возможностью появления русских канонерок; последние могли быть вооружены сильной артиллерией и, благодаря малой осадке, были в состоянии дойти до Соэлозунда. Коммодор Гейнрих потребовал еще накануне вечером высылки остальных флотилий миноносцев. Чтобы оттеснить суда противника, в том числе и его минные заградители, и открыть проход, была нужна дальнобойная тяжелая артиллерия, артиллерии же «Эмдена» справиться с такой задачей было не под силу.

Поэтому-то коммодор Гейнрих и просил о высылке линейного корабля, так как «Байерн» после полученной им весьма серьезной минной пробоины должен был войти для ремонта в бухту Таталахт.

Итак, утром 13 октября разыгрался безрезультатный огневой бой, прерванный к полудню из-за тумана.

На море создалась мало благоприятная обстановка, изменить которую командующий морскими силами был не в силах. Он не имел возможности ни воспрепятствовать противнику выставить мины на Кассарском плесе, ни помешать ему снять вехи и навигационные знаки на берегу, ни тем более оказать поддержку войскам в Малом Зунде, если бы те к нему обратились за помощью.

После прибытия полуфлотилии миноносцев днем было предположено предпринять вторичную попытку прорваться в Малый Зунд. Однако, подготовка сильно затянулась, и выполнение этой задачи, ввиду сложности обстановки, запоздало. Вечером у Покка сосредоточились 16 миноносцев.

Фарватер был трудный, хороших карт не было; кроме того, в этом районе имелось довольно много мелей, которые в большей или меньшей степени стесняли плавание.

Несмотря на то, что прорваться на Кассарский плес и оттеснить русских в Моон-Зунд в этот день не удалось, русские морские силы все же не осмелились войти в Малый Зунд. Если бы им это удалось, то они имели бы возможность, обстреляв судовой артиллерией правый фланг и тыл отряда Винтерфельда и поставив его тем самым в еще более тяжелое положение, открыть путь отхода для Эзельского гарнизона.

Итак, в результате действий флота 13 октября, на 14 октября были созданы благоприятные предпосылки для прорыва более крупными силами на Кассарский плес и для оказания флотилией Розенберга поддержки отряду Винтерфельда.

Ирбенский пролив для флота все еще не был открыт.

На суше 131-й пех. полк отрезал полуостров Сворбе.

Главные силы 42-й пех. дивизии, в составе трех пехотных полков, достигли района севернее и северо-восточнее Аренсбурга. На предмостной позиции у Оррисар положение после упорных боев сильно обострилось.

14 октября

Флот. Русские упустили возможность заградить еще до высадки германского десанта проход через Соэлозунд на Кассарский плес. Сделать это можно было посредством потопления судов и постановки мин. Теперь они решили выполнить это в ночь с 13 на 14 октября. Однако, ввиду отказа матросов приказ не был приведен в исполнение.

С целью воспрепятствовать и 14 октября прорыву германских кораблей на Кассарский плес, после рассвета перед Соэлозундом появились 4 русских эсминца, в числе них «Гром». Позже к ним присоединилась канонерская лодка «Храбрый». Она ходила взад и вперед по курсу NS, сознательно держась, однако, вне досягаемости артиллерии «Эмдена». До полудня велась подготовка к прорыву на Кассарский плес. Эта операция была настоятельно необходима ввиду получения следующей радиограммы из штаба 42-й пех. дивизии:

> «Див. придает серьезное значение, чтобы Слуйтер[1], желательно через Розенберга, узнал о наступлении 65-й бриг. на Оррисар»[2].

Необходимо было обследовать, промерить и обозначить фарватер для прибывающего из бухты Тагалахт линейного корабля «Кайзер». Последний в сопровождении 2 миноносцев типа «Т» вышел рано утром из бухты Тагалахт, появился неожиданно в 11 ч. 30 м. на обрекогносцированной позиции и немедленно открыл огонь по русским эск. миноносцам, стоявшим на якоре перед Соэлозундом. Произошло это как раз в тот момент, когда канонерка «Храбрый» собиралась прорваться в Малый Зунд к Оррисар. Рус-

[1] Майор Слуйтер командовал всеми частями, высадившимися у Памерорт, Аренсбургской группой (1-й самокатный батальон) и Оррисарской группой (Винтерфельд со 2-м самокатным батальоном и 18-й штурм. ротой).

[2] Радиограмма приведена дословно. — *Прим. перев.*

ские эсминцы поспешно отошли обратно в восточном направлении, очистив тем самым проход Соэлозунд, а канонерка «Храбрый» отказалась от своего намерения пробиться к Оррисар; появление же ее там, повторяем, могло оказать весьма неблагоприятное влияние на положение отряда Винтерфельда.

Коммодор Гейнрих получил от командующего морскими силами приказ очистить от противника Кассарский плес и держаться по возможности восточнее.

Миноносцы (2-я флотилия и 13-я полуфлотилия), под общим командованием коммодора Гейнриха, державшего свой флаг на миноносце «V 100», двинулись под прикрытием огня с «Кайзера» через пролив. Миноносец «G 101» сел на мель в узком фарватере, и еще 3 миноносца вышли из строя, в результате осталось всего лишь 13 миноносцев. От предварительного траления фарватера отказались, так как это было бы связано со значительной потерей времени. Флотилии шли со скоростью 17 узлов; итти более быстрым ходом было нельзя из-за небольшой глубины фарватера. Миноносцы шли на дистанциях в 300 *м* друг от друга. Не успел еще хвост длинной кильватерной колонны выйти из рукава, как показались русские эсминцы. Несмотря на дистанцию в 65 кабельтовых, они вели очень действительный огонь, так как имели возможность точно определить положение германских миноносцев, находившихся еще на фарватере. Давала себя чувствовать недостаточная дальнобойность артиллерии германских миноносцев, которая на 16—22 кабельтовых была меньше, чем у противника. Миноносцы расчленились и прикрылись дымовой завесой. Едва последние миноносцы миновали, около 13 ч. 20 м., узкую часть фарватера, флотилии двинулись быстрым ходом навстречу противнику. 3-я полуфлотилия развернулась вправо, 4-я и 13-я полуфлотилии — влево. Разыгрался быстротечный бой, в котором приняли участие свежие силы противника, но, несмотря на это, он все же отошел в восточном направлении.

Бой продолжался до 15 час.

«Гром» получил большую пробоину от попавшего в него снаряда с «Кайзера»; на нем возник пожар, он получил крен. Канонерка «Храбрый» поспешила ему на помощь и, после того как атака 2-й флотилии миноносцев прекратилась, взяла его на буксир. Однако, буксирный канат лопнул, и «Храбрый» вынужден был отойти, обстреливаемый нашими миноносцами, приняв предварительно на борт команду «Грома». Под сильным неприятельским огнем миноносец «В 98» подошел к борту «Грома». Офицер с 5 матросами взошли на борт, захватили эсминец и подняли на нем германский флаг и вымпел.

Миноносец «В 98», прикрываясь дымовой завесой от огня отряда миноносцев противника, взял «Гром» на буксир. Однако, пожар и продолжавшиеся взрывы вынудили бросить русский эсминец.

Германский военный флаг был спущен. Вскоре «Гром», один из лучших, новейших и быстрейших миноносцев Балтийского флота, затонул. Было чрезвычайно важно, что на борту «Гро-

ма» оказалась морская карта с нанесенными на нее в районе островов всеми необходимыми данными. Не менее ценно было узнать, что на Кассарском плесе до сих пор мины не были поставлены. Тем временем появилась канонерка «Хивинец» в сопровождении 7 эсминцев с «Новиком» во главе. Они пытались отогнать наши миноносцы от «Грома». Коммодор Гейнрих силами своих флотилий вынудил русские морские силы к отступлению с Кассарского плеса. К 15 час. его силы находились у восточного выхода последнего; они обстреливали крейсер «Макаров», стоявший в северной части Моон-Зунда.

Несмотря на огонь противника, флотилии продержались до ночи, прикрывая флотилию Розенберга. Кап. фон Розенберг, державший свой флаг на миноносце «S 144», вошел со своими 6 миноносцами типа «А» вслед за флотилиями миноносцев на Кассарский плес и взял курс на Малый Зунд, чтобы войти, наконец, в связь с отрядом Винтерфельда. Уже в 14 ч. 20 м. он подошел у Оррисар к берегу до того места, где глубина воды была 3 *м*. Поднятые сигналы остались, однако, без ответа. Где находится пехота (самокатчики) отряда Винтерфельда, выяснить не удалось, точно так же, как и то, кто же совершает усиленное движение по каменной дамбе: русские или немцы? Правда, по последним сообщениям, обе предмостные позиции на о. Эзель и каменная дамба находились еще в германских руках. Но вель обстановка могла измениться, что фактически и случилось. Кап. фон Розенберг, желая подойти ближе к берегу, перешел, ввиду небольшой глубины, на миноносец «А 32» и высадил офицера на берег, поручив ему установить связь с пехотой. Пока обстановка продолжала оставаться невыясненной, в 16 час. был поднят сигнал: «Внимание. Неприятельские силы».

Кап. фон Розенберг поспешно сосредоточил свои миноносцы типа «А» к оставленному значительно севернее флагманскому миноносцу «S 144». Однако, противник из Моон-Зунда и с Кассарского плеса не появлялся.

Высланному офицеру связи только в 16 час. удалось установить связь с пехотой у Оррисар и сообщить ей о наступлении 65-й пех. бригады.

Кап. Винтерфельд попросил, чтобы флотилия Розенберга немедленно обстреляла каменную дамбу и обе предмостные позиции. Кроме того, он сделал заявку на подвоз патронов. Кап. Винтерфельд особенно настаивал на обстреле дамбы, ввиду появления неприятельских броневых автомобилей.

На предмостной позиции создавалось критическое положение.

В отряде Винтерфельда к 14 октября была произведена частичная перегруппировка.

В 8 час. 14 октября находились:

1-я самокатная рота — у Саикла;
5-я самокатная рота и $^1/_3$ пулеметной роты — у Томель;
$^2/_3$ пулеметной роты, 3-я самокатная рота } в резерве немного южнее имения Томель;

6-я самокатная рота
18-я штурмовая рота с пулеметным взводом } у перекрестка дорог, западнее Оррисар.
2-я и 4-я самокатные роты — в резерве у Мазик.

Кап. фон Винтерфельд приказал 2-му самокатному батальону выдвинуться на фронт Кагутс, Левала, имение Салтак.

В 7 час. русские начали обстрел 5-й роты, расположенной в районе Томель и имения Томель, артиллерийским огнем, а в 8 час. перешли превосходными силами в атаку. Для противодействия угрожающему охвату пришлось вскоре выдвинуть взвод 3-й роты с пулеметным взводом. Гарнизон Томель удержался, отбивая, по преимуществу ручными гранатами, продолжавшиеся с перерывами атаки противника. Однако, постепенно положение настолько обострилось, что командир батальона просил кап. Винтерфельда усилить его 2-й и 4-й самокатными ротами, которые к 12 час. подошли уже к имению Томель. 4-й роте было приказано тотчас же перейти в атаку против Левала. Она отбросила противника на Пейде и между Левала и имением Салтак уничтожила своим огнем подошедший туда неприятельский кавалерийский эскадрон.

После этого здесь наступило относительное затишье.

Подразделениям, действовавшим на правом фланге, кап. Винтерфельд поставил следующую задачу: 18-й штурмовой роте с пулеметным взводом и 6-й самокатной роте очистить от противника район севернее линии Саикла, имение Томель, имение Салтак, каменная дамба и, взаимодействуя у Салтак со 2-м самокатным батальоном, овладеть предмостной позицией в начале дамбы.

6-я самокатная рота (без самокатов, но с 18-м пулеметным взводом) начала в 9 час. наступление на Оррисар. Развернувшись на восточной окраине деревни против русской пехоты, наступавшей в свою очередь на Оррисар со стороны предмостной позиции, 6-я рота после короткого боя отбросила пехоту противника в перелески, примыкавшие с юго-запада к самой предмостной позиции.

Однако, в 300 *м* по ту сторону Оррисар преследование было остановлено неприятельским пулеметным огнем. Но несмотря на этот огонь, 18-й пулеметный взвод получил возможность обстрелять не только занятые противником перелески, но и каменную дамбу, в результате чего сообщение по дамбе совершенно прекратилось.

18-й штурмовой роте было приказано наступать правее 6-й роты, в направлении на Тюрна. Тогда же на мызу Мазик из Иоаханис прибыл *5-й самокатный батальон* [1], что было как раз во-время; батальон помог вновь выдвинуть левый фланг из лесистого района в южном направлении. Кап. Винтерфельд задержал штурмовую роту и приказал 5-му самокатному батальону наступать через Тюрна на Салтак. Батальон успешно повел наступление и вскоре после полудня достиг назначенного ему фронта — имение Салтак, Мезарра и восточнее.

Кап. Винтерфельд попрежнему считал крайне важным овладение предмостной позицией у головы каменной дамбы. Однако, ата-

[1] Но все еще без пулеметной роты.

ку на Оррисар вдоль дороги по открытой равнине он считал обреченной на неудачу. Кроме того, противник, занимавший перелески у самого предмостного укрепления, получил подкрепления и подвез туда несколько орудий.

Кап. Винтерфельд решил выдвинуть возможно дальше на юг, в направлении на Тюрна, 18-ю штурмовую роту, которая была в полдень задержана в качестве резерва у Оррисар. В дальнейшем он рассчитывал атакой с запада левого фланга противника, занимавшего перелески, овладеть предмостной позицией. Однако, атака успеха не имела. Рота, обстреливаемая пулеметным огнем противника, подошла только на 600 *м* к перелеску и залегла.

Отходивший от Аренсбурга гарнизон острова продолжал накапливаться перед фронтом 2-го и 5-го самокатных батальонов, все более и более усиливая свое давление на фронт слабого отряда Винтерфельда. Положение еще больше обострилось после того, как русские ввели в дело свои батареи, расположенные на о. Моон по ту сторону Малого Зунда. Между прочим, огонь вела также и тяжелая артиллерия, расположенная в восточной части о. Моон (батарея Вой).

Таким образом, в 14 час. 4-й и 5-й самокатные батальоны и 18-я штурмовая рота вели серьезный бой на слабо занятом прерывчатом фронте Саикла, Томель, Салтак, Мезарра, восточные окрестности Оррисар, протяжением в 10 *км*. Только в 5-м самокатном батальоне положение, видимо, было более прочным. Но, если бы противник перешел в атаку, на обоих флангах создалось бы критическое положение.

На фронте 2-го самокатного батальона между Саикла и Томель имелся промежуток шириной в несколько сот метров, а между 2-м и 5-м самокатными батальонами, т. е. между Томель и Салтак, протяжение незанятого промежутка достигало 1 000 *м*.

Тем временем возобновились атаки русских, пытавшихся проникнуть в промежуток западнее Томель. Резерв 2-го самокатного батальона продолжал таять. Настоятельно требовалось подкрепление. Оно приближалось в лице *4-го самокатного батальона*. Выступив из Каррис в 8 час., батальон миновал Тагафер, но в Саикла прибыл только в 14 час., несмотря на то, что расстояние туда не превышало 20 *км*. Батальон попал на дорогу, по которой шла 65-я пех. бригада. Проезжая часть дороги была занята многочисленными отсталыми, что крайне задерживало марш батальона. Батальон нагнал голову колонны 65-й бригады только у Саикла. Ввиду обращения к нему за помощью со стороны 2-го самокатного батальона, 4-й самокатный батальон свернул к имению Томель, причем при развертывании и занятии исходного положения он понес потери от огня противника. Командир батальона немедленно выбросил одну роту в промежуток между Саикла и Томель и две роты в промежуток между 2-м и 5-м самокатными батальонами.

Описанное происходило в самый критический момент, так как русские четырьмя последовательными волнами вели атаку по обеим сторонам дороги Левала, Оррисар. Они были отбиты. В результате западный фланг выдержал. Командир 4-го самокатного ба-

тальона, майор фон Фризен, принял под свое командование также 2-й и 5-й самокатные батальоны.

Еще более критическая обстановка создалась тем временем на восточном фланге. Чувствовалось, что противник собирается перейти здесь в атаку: пулеметный огонь усилился, заметен был подход подкреплений.

Было объявлено, что пехота 42-й пех. дивизии прибудет в 14 час. Было уже 15 час., но ее не было видно.

Положение стало особенно критическим, когда в довершение всего с о. Моон появились несколько бронированных автомобилей. Было весьма сомнительно, чтобы две роты слабого состава (штурмовая рота западнее предмостной позиции, а 6-я самокатная рота— восточнее нее) смогли устоять перед атакой противника, если бы в ней приняли участие бронированные автомобили. Создавалась угроза, что кольцо будет прорвано. Но нужно было удержаться во что бы то ни стало. В этот критический момент особенно чувствовалось отсутствие тех двух орудий, выгрузка которых у Покка была связана с громадными трудностями. В 16 час. явился офицер связи с флотилии Розенберга, который сообщил о предстоящем прибытии 65-й пех. бригады. К нему, как уже известно, обратились с просьбой об обстреле судовой артиллерией каменной дамбы и обеих предмостных позиций на островах Эзель и Моон, а также о подвозе боеприпасов и продовольствия.

Вскоре после него в Оррисар прибыли командиры 1-го батальона 17-го пех. полка и 6-й батареи.

Таким образом, поддержка явилась в самый критический момент.

42-я пех. дивизия (схемы 8 и 10). Утром 13 октября в штабе дивизии все еще считали, что противник сосредоточивается у Аренсбурга. Ввиду этого командир дивизии приказал 65-й пех. бригаде, не дав противнику сковать себя со стороны Аренсбурга, держаться направления севернее Аренсбурга.

Вечером 13 октября прапорщик 8-го пол. арт. полка Мейер внес своим донесением ясность в обстановку. Ему удалось пройти с дозором лесом мимо русских войск, находившихся у Менуст, в Аренсбург. Он нашел город оставленным русскими, отобрал от уцелевшего еще коменданта города ключи и доставил весьма ценные сведения об отходе русских войск из Аренсбурга. При составлении своего донесения он подвергся нападению русских, но ему удалось скрыться; вечером он явился в штаб дивизии в Кергель.

Согласно показаниям полк. Попова, бывшего комендантом Аренсбурга, вечером 12 октября штабы и 12 000 чел. двинулись от Аренсбурга в направлении на Оррисар, стремясь переправиться через о. Моон на материк. 5 000 чел. прорвались на Свербе, чтобы спастись оттуда на судах. Предназначенный для Свербе десант повернул обратно. В Аренсбурге оказались разрушенными только несколько фабрик и электрическая станция. Не считая небольшого числа отсталых, русских солдат в городе не было.

В штабе дивизии приняли противника, разбитого 13 октября у Удувере и частично захваченного в плен, всего лишь за боковое

прикрытие отходящих на о. Моон русских. 1-му самокатному батальону, видимо, удалось своим ударом заставить противника повернуть в южном направлении.

О том, что делалось у Оррисар, штабу 42-й пех. дивизии стало известно только вечером из донесений летчиков и то лишь в самых общих чертах. Но и из этих донесений можно было сделать вывод, что отряд Винтерфельда втянут в серьезный бой и что русские занимают подступы к дамбе.

Ген.-лейт. фон Эсторф [1] поздно вечером 13 октября отдал распоряжение о немедленном продолжении марша всей дивизией (за исключением 131-го пех. полка). Необходимо было всемерно форсировать марш, дабы оказать помощь отряду Винтерфельда и

Схема 10. Обстановка 14 октября

втянуть в бой главные силы противника, пока те не успели еще перейти по дамбе на о. Моон. При удалении района боя до 40 *км* эта задача едва ли была выполнима, но было необходимо постараться ее выполнить.

Командир дивизии предъявлял к своим войскам почти сверхчеловеческие требования. Войска проделали очень трудный переход в ненастную погоду; некоторым частям пришлось участвовать в боях; были части, которые расположились на отдых лишь в 23 часа. И вот, слегка лишь закусив, вскоре после полуночи их снова поднимали для совершения 40-километрового марша. Но весь личный состав дивизии сознавал, почему это было нужно, и охотно напрягал свои силы.

В журнале военных действий 17-го пех. полка имеется следующая запись:

---

1 Командир 42-й пех. дивизии.

«Подобно электрической искре в сознании солдат, измученных двухдневными маршами, под непрерывным дождем, по размякшим дорогам и без продовольствия, мелькнула надежда на крупный успех. Все без исключения были готовы отдать свои последние силы».

Оставив ранцы, с одним лишь боевым снаряжением, почти совсем без повозок, 65-я пех. бригада очень медленно продвигалась вперед по отвратительной дороге, имея при себе лишь одну батарею. Бригада достигла поля боя у Оррисар только днем, — в тот момент, когда русские предприняли новую атаку против отряда Винтерфельда. Обстановка была крайне напряженной: создавалась угроза прорыва фронта.

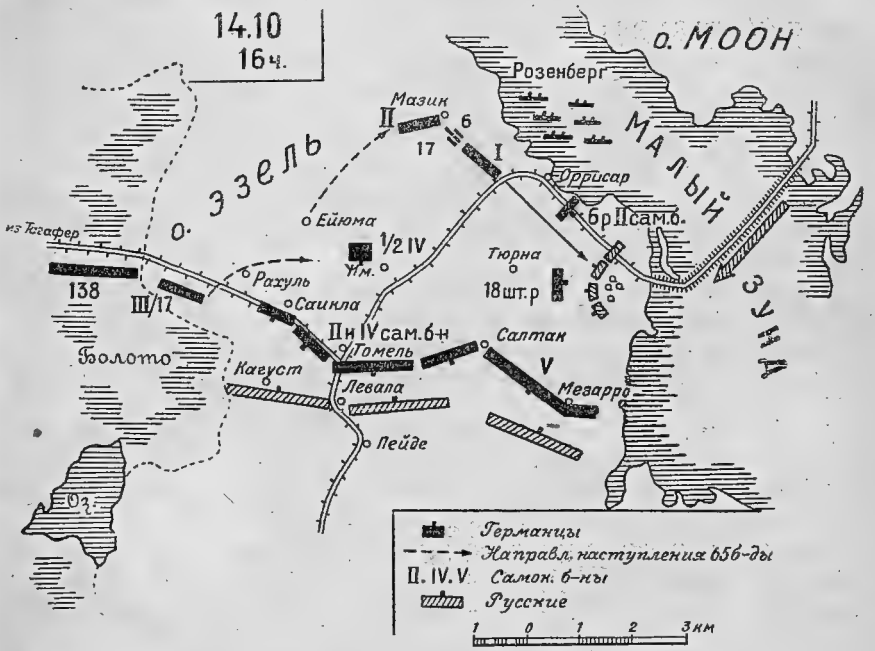

Схема 11. Обстановка у Оррисар в 16 часов 14 октября

Авангард (1-й и 2-й батальоны 17-го пех. полка и 6-я батарея 8-го пол. арт. полка), под командой подполк. Кавечинского, около 14 час. подошел одновременно с 4-м самокатным батальоном к Саикла (схема 11). 4-му самокатному батальону было приказано немедленно усилить у Томель 2-й самокатный батальон. Авангард же, по распоряжению бригадного командира, свернул влево, так как прямая дорога на Томель и далее на Оррисар обстреливалась неприятельским артиллерийским и пулеметным огнем. Тем временем, вопреки прочим донесениям, было установлено, что предмостное укрепление находится не в руках отряда Винтерфельда, а занято русскими. 17-му пех. полку было приказано немедленно овладеть им. Выехавшие вперед командир 1-го батальона и командир 6-й батареи прибыли, миновав Рахуль, Ейюма и Мазик, прямо в Ор-

рисар, в тот самый момент, когда русские перешли в атаку и броневые автомобили двигались по направлению от предмостной позиции к Орриса́р. Проехавший еще дальше вперед на автомобиле помощник командира минометной роты доложил, что, ввиду участия на стороне противника броневых автомобилей, удерживать дольше позицию не представляется возможным, если не последует артиллерийской поддержки.

Выдвинутая вперед галопом 6-я батарея заняла позицию в Орриса́рском парке и очень быстро своим огнем заставила отойти броневые автомобили.

Уже темнело, ориентирование сильно затруднялось. Но несмотря на это, около 17 час. 1-й батальон и половина 2-го батальона 17-го пех. полка, под общей командой кап. фон Редерна, пошли в атаку на предмостную позицию. К 19 час. последняя снова была в руках германцев, и проход к каменной дамбе был загражден. Противник, наступавший со стороны о. Моон, отошел. Следовавший в хвосте колонны главных сил 3-й батальон 17-го пех. полка (с ним была, кроме того, 6-я рота 1-го самокатного батальона) был направлен в 17 ч. 45 м., в момент прибытия в Саикла бригадного командира полк. Маттиас, через Томель и Тюрна, прямо на предмостную позицию.

Однако, вследствие лесистой местности и наступившей темноты, батальон своей задачи не выполнил.

Днем противник атаковал превосходными силами также и левый фланг 5-го самокатного батальона, где тоже создалось критическое положение. Но и здесь германцы удержались.

138-й пех. полк был оставлен бригадным командиром в резерве в районе севернее Саикла.

1-й самокатный батальон, который также был двинут на Орриса́р, дошел с большим трудом только до Тагафер.

Командир *2-й пехотной самокатной бригады*, ген.-майор фон Квадт, прибыл к вечеру со своим штабом на мызу Мазик. Он вступил в командование левым флангом, начинавшимся от Салтака.

Таким образом, в его подчинение вошли 5-й самокатный батальон, 17-й пех. полк, 18-я штурм. рота, 6-я батарея 8-го пол. арт. полка и прочие находившиеся там подразделения.

В распоряжении командира 65-й пех. бригады, полк. Маттиас, оставался только правый фланг, т. е. 2-й и 4-й самокатные батальоны и 138-й пех. полк.

255-й рез. пех. полк получил в 22 ч. 30 м. 13 октября распоряжение от штаба 42-й пех. дивизии. Ему было приказано выступить вскоре после полуночи и двигаться по пятам за противником, пока тот не примет боя.

Полк выступил в 1 ч. 30 м. 14 октября. Он следовал через Кармель, Мустла (схемы 7 и 10), причем один из местных жителей вел его неправильным путем через Путла и Сал. Полк был накормлен в 9 час. у Кельяла (в 3 *км* южнее Сал на шоссе) из русских обозов.

После второго привала (от 15 час. до 17 ч. 30 м.) у Саикла (в 11 *км* восточнее Кельяла) полк продолжал почти беспрерывное

движение до тех пор, пока в 1 час 15 октября не столкнулся у Капра с противником.

Ввиду невыясненности обстановки и переутомления полка[1], командир полка, полк. Берринг, воздержался от ночной атаки. Сильно поредевшая 80-я самокатная рота была выслана для наблюдения за дорогой на Аренсбург; кроме того, ей было приказано захватить русских, прорывающихся в восточном направлении.

65-я пех. бригада прошла за 9 час. 36 *км*, а 255-й полк за 24 часа — 53 *км* под проливным дождем и по размякшим дорогам. Даже шоссе было покрыто слоем грязи в 10—20 *см* толщины, поэтому войска, пока еще было светло, искали лучшей дороги по сторонам шоссе. Командиры шли пешком, верховых лошадей все еще не было; командир 255-го рез. пех. полка, у которого была повреждена нога, ехал в маленькой одноколке. В таком состоянии все безудержно стремились к одному пункту — к Оррисар.

Предъявленные к своим частям командиром дивизии необычные требования в отношении совершения марша были выполнены. Это дало хорошие результаты — тяжелый кризис послеобеденных часов был ликвидирован. Предмостная позиция была вновь занята, причем так прочно, что возможность отхода противника по дамбе на о. Моон совершенно исключалась. Фронт, занятый самокатными батальонами, был усилен 17-м и 138-м пех. полками. Путь отхода русских на Аренсбург тоже был прегражден 255-м рез. пех. полком.

Огневая поддержка, о которой просил через офицера связи кап. Винтерфельд в момент наибольшего кризиса, так и не была оказана флотом. Передача этой просьбы настолько затянулась, что стемнело, и обстрел дамбы и предмостных позиций на островах Эзель и Моон сулил мало успеха, поэтому-то от него и отказались. Что касается подвоза боеприпасов, то он был тотчас же организован двумя миноносцами типа «А».

После того, как стемнело, коммодор Гейнрих отозвал назад флотилии миноносцев и приказал им бросить якорь в западной части Кассарского плеса, у мыса Фекерорт; флотилия Розенберга бросила якорь еще западнее, ниже Соэла.

* * *

Командир дивизии, получив вечером 13 октября донесение прапорщика Мейера об его разведывательном поиске в Аренсбурге, приказал 6-му самокатному батальону немедленно занять оставшимися тремя ротами Аренсбург[2].

После утомительного марша батальон прибыл в Аренсбург только в 4 часа 14 октября, занял город и захватил в плен 1 полковника и 260 солдат, спрятавшихся в городе. Итак, единственный на островах уездный город Эзельского уезда оказался в руках немцев. В тот же день утром самокатный батальон был сменен

---

[1] В составе только 7 рот.

[2] 3 роты были приданы по одной: 65-й пех. бригаде, 131-му пех. полку и 255-му рез. пех. полку.

двумя слабыми ротами и полуротой пулеметной роты 131-го пех. полка.

131-й пех. полк утром 14 октября выступил в южном направлении. Полк двигался отдельно от колонны главных сил 42-й пех. дивизии. Направление его движения имело решающее значение для открытия Ирбенского пролива, о чем речь будет итти в главе XIV.

14 октября было решающим днем.

Дорога на о. Моон была совершенно отрезана для Эзельского гарнизона; он был прижат к восточному берегу и окружен: на востоке — Малым Зундом, на западе — болотистым районом, на севере и юге — противником. Поставленный перед необходимостью борьбы на два фронта, он должен был выбирать между смертью и сдачей.

На полуострове Сворбе дело также близилось к естественной развязке.

14 октября было знаменательным днем и для флота. В результате успешного боя русские морские силы были вытеснены с Кассарского плеса в Моон-Зунд; обладание Кассарским плесом перешло в руки немцев; связь с отрядом Винтерфельда восстановилась, и была организована поддержка его огнем судовой артиллерии. Флотилия Розенберга находилась в полной готовности для выполнения в Малом Зунде новых задач.

15 октября

42-я пех. дивизия (схема 12). Вечером 14 октября русские обстреливали в течение двух часов предмостную позицию, занятую 1-м батальоном 17-го пех. полка. Огонь вели 2 легкие батареи, расположенные на побережье о. Моон, и тяжелая батарея у Вой. Кроме того, русские ночью предприняли против предмостной позиции три безуспешных атаки через дамбу.

В остальном ночь на фронте 2-го, 4-го и 5-го самокатных батальонов протекла спокойно.

Утром 15 октября обстановка на восточном побережье о. Эзель все еще оставалась неопределенной. Неизвестно было, где именно сосредоточены русские и какоры их силы. В штабе 42-й пех. дивизии считали, что здесь могут действовать только незначительные силы русских, главные же силы их ушли на о. Моон.

Оба бригадных командира, руководившие боевыми действиями на северном фронте, ровно ничего не знали о положении 255-го рез. пех. полка у Капра, точно так же, как последнему ничего не было известно о том, что творится в главных силах 42-й пех. дивизии на севере.

Высланные утром на северном фронте разъезды были обстреляны противником. На фронте Кагуст, Левала был установлен сильный противник. Две неприятельские атаки по направлению от Левала были отбиты огнем 2-го самокатного батальона.

В течение утра на фронте 5-го самокатного батальона была сделана попытка прорыва 200 неприятельских кавалеристов

с несколькими пулеметами и орудиями. Но под огнем самокатчиков она потерпела неудачу.

Прибывший на рассвете из Газик на поле боя командир дивизии ген.-лейт. фон Эсторф опасался, как бы при туманной погоде значительным частям противника не удалось уйти морем на о. Моон или на материк. Поэтому он назначил начало общей атаки на 11 часов.

На правом фланге 138-му пех. полку было приказано атаковать противника, занимавшего фронт Кагуст, Левала, обходя его с запада, после чего продвинуться правым флангом по дороге

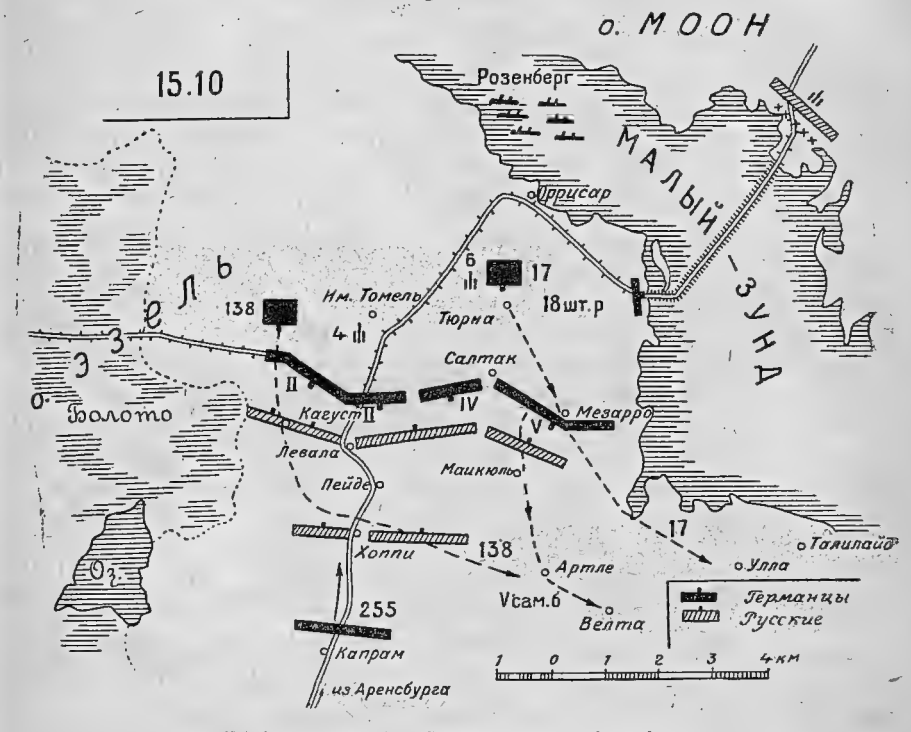

Схема 12. Обстановка 15 октября в Малом Зунде

на Аренсбург. Произвести более глубокий обход было нельзя, так как фланг противника примыкал к болоту. Во фронтальном ударе около 14 час. принял участие 2-й самокатный батальон, продвижение которого вперед было поддержано огнем действовавшего левее *4-го самокатного батальона и 4-й батареи.* Последняя только в 11 час. появилась в районе боя и заняла позицию южнее им. Томель.

Появление этой батареи и ее действительный огонь, повидимому, серьезно содействовали разгрому противника. После короткого боя Кагуст, а в 15 час. и Левала были заняты немцами.

Правый фланг, во исполнение полученного им задания, повернул на восток и дошел без особенных усилий до Артле.

Далее к востоку *5-й самокатный батальон* повел после полудня наступление через Майкюль, Артле на Велта, *17-й пех. полк* — на Тюрна, Мезарро и Улла. Противника они пока не встретили. *18-я штурм. рота*, расположившись на предмостной позиции, преграждала переход по каменной дамбе на о. Моон.

Попытка *255-го рез. пех. полка* захватить ночной атакой двух рот неприятельскую батарею была безуспешна. Противник обнаружил это намерение, и батарея переменила свою позицию.

Уже с 4 час. против фронта, занимаемого полком, противник предпринимал слабенькие атаки, которые были отбиты ротой, находившейся в сторожевом охранении, усиленной впоследствии еще одной ротой.

В 11 час. обе роты перешли в контратаку и дошли до главной позиции русских у Хоппи. Затем они были остановлены командиром полка, поскольку недостаток боеприпасов не давал возможности действовать более энергично. С момента высадки не удалось до сих пор пополнить боеприпасы. Обеих пулеметных рот не было, артиллерия тоже еще не подошла, ручных же пулеметов полк вообще не имел.

В подобных условиях, при полном незнании того, что происходит у Оррисар, особенно чувствовалось отсутствие конницы, которая была нужна для разведки и ординарческой службы, тем более что высаженные несколько позднее верховые лошади полка все еще к нему не присоединились.

Утром участились попытки русских пробиться на восток.

Полк. Берринг принял стрельбу германской артиллерии в северном направлении за начало наступления 42-й пех. дивизии. Поэтому, не ожидая подхода артиллерии, он приказал своему полку перейти в атаку. Последняя велась по обе стороны шоссе против Пейде, причем правый фланг, предназначенный для совершения обхода, был сильнее. Прибывшая как раз в этот момент из Аренсбурга полубатарея 2-й батареи успела еще принять участие в бою.

После полудня неприятельский ружейный огонь стал ослабевать. У противника наблюдалась беспорядочная беготня и слышались крики, которые все усиливались.

В 14 ч. 30 м., когда 255-й рез. пех. полк вел по всему фронту атаку, противник вывесил белые флаги.

Только теперь стало известно, что 65-я пех. бригада одновременно атаковала русских с севера.

Все их попытки прорваться сперва на север к каменной дамбе, затем на юг в направлении на Аренсбург потерпели неудачу. Атакованным с севера и юга, имея на востоке море и на западе болото, им оставался единственный выбор — умереть или сдаться.

Около 15 час. сдались в плен командир 107-й русской пехотной дивизии с двумя бригадными командирами и командирами 426-го и 472-го полков, а также несколько артиллерийских батарей. Начальник штаба дивизии с прочими офицерами напрасно пытался уйти в южном направлении, чтобы затем спастись на судах. На многих участках довольно обширного поля боя против-

ник понес значительные потери. На одном только месте лежало 100 трупов убитых, а в одной из деревень, например, было обнаружено 400 раненых. Победителю досталась богатая добыча.

Итак, дамба, соединявшая острова Эзель и Моон, была своевременно преграждена, и эзельский гарнизон был взят в плен; лишь несколько сот русских, которым удалось утром 15 октября переправиться на лодках через Малый Зунд, ушли на о. Моон.

Флот. В 5 час. 15 октября коммодор Гейнрих с 14 миноносцами вновь двинулся к восточному входу на Кассарский плес, причем его суда на мины не наткнулись. Коммодор Гейнрих был готов поддержать находившуюся в Малом Зунде флотилию Розенберга и воспрепятствовать выходу русских морских сил из Моон-Зунда на Кассарский плес. Флотилия Розенберга снялась с якоря в 5 ч. 30 м. и в 6 ч. 30 м. была уже в Малом Зунде. При посредстве офицера связи сухопутной армии и с помощью установленной сигнальной станции была налажена связь с сухопутными войсками, причем было выяснено, что у них делается и что им нужно. В этот момент предмостная позиция на о. Эзель опять была занята немцами. На о. Моон находилось, видимо, 6.000 русских. Поскольку ожидалось, что противник вновь попытается бросить в атаку на о. Моон свои бронированные автомобили, миноносцы типа «А» возобновили бомбардировку предмостной позиции на о. Моон и дамбы.

Около 9 час. Малый Зунд подвергся артиллерийскому обстрелу со стороны Моон-Зунда. Вскоре коммодор Гейнрих отдал приказ:

«Неприятельская канонерка. Миноносцам немедленно отходить».

Командир флотилии сосредоточил свои миноносцы и пошел тихим ходом из Малого Зунда на запад, причем потерь не было, несмотря на весьма действительный огонь противника. Вскоре флотилия, как только выяснилось, что ей не угрожает никакая опасность, возобновила обстрел дамбы и предмостной позиции.

В 9 час. одна русская канонерка начала по направлению от Кумора обстрел германских миноносцев. Вскоре создалась угроза прорыва неприятельских эсминцев и канонерок, под прикрытием огня крейсера «Адмирал Макаров», на Кассарский плес. Прорыв не удался, но огонь крейсера вынудил около полудня германские миноносцы отойти в западном направлении. При этом миноносец «В 98» наткнулся на мину[1], его нос был сорван на 13 *м*, но несмотря на это миноносец смог вернуться самостоятельно в бухту Тагалахт. Во время попытки обойти обнаруженное теперь заграждение потерпели аварию еще 2 миноносца, наскочившие на мель.

Флотилии Розенберга пришлось выполнять самые разнообразные задачи. Кроме оказания поддержки своим огнем, она обеспечивала подвоз боеприпасов как сухопутным войскам, так и самой себе, для чего ей приходилось посылать миноносцы в бухту Тагалахт. 2-я пех. самокатная бригада обратилась к флотилии

[1] Это заграждение было поставлено русским минным заградителем «Припять» в ночь с 14 на 15 октября.

с просьбой забрать раненых с мызы Мазик. 42-я пех. дивизия в полдень обратилась с настойчивым требованием переправить в сумерки 2 000 чел. из Пулли на о. Кейнаст. Но это можно было привести в исполнение не раньше 16 октября, ввиду того что моторно-весельные катера линейных кораблей не могли столь быстро прибыть в Малый Зунд.

Кроме всего прочего, командующий «Особым отрядом» приказал флотилии тральщиков Розенберга атаковать русские силы в Моон-Зунде, для чего требовалась серьезная подготовка.

Вечером несколько миноносцев несло дозорную службу у восточного выхода с Кассарского плеса. Но в общем флотилии миноносцев стали на якорь западнее. Флотилия Розенберга считала себя в достаточной безопасности в Малом Зунде и самостоятельно расположилась там на отдых.

В этот день флотилия Розенберга оказала существенную поддержку сухопутным войскам, а, главное, воспрепятствовала переходу противника по дамбе на о. Моон, обстреливая огнем своей судовой артиллерии район боев 42-й пех. дивизии.

Русские больше уже не могли оказывать с о. Моон помощь о. Эзель.

16 октября

В этот день задача сводилась к полному очищению о. Эзель (схема 10).

Днем 15 октября 2 роты 5-го самокатного батальона, преследуя противника, дошли до Талила. Утром 16 октября по одному батальону 17-го пех. полка, с одним орудием при каждом, вторглись после нескольких стычек с конницей противника на полуострова Мурая и Кюбосар. Едва лишь одна из рот вышла на мыс Кюбосар, как появились 5 русских тральщиков и 4 миноносца. Подойдя на расстояние 300 *м* к берегу, они немедленно открыли огонь. Русские суда были высланы для оказания поддержки 107-й пех. дивизии, причем, если потребуется, они должны были взять на борт войска с о. Эзель. Огнем одного из орудий миноносцы были отогнаны. В этом столкновении приняли участие своим дальним огнем батарея Вой и один крупный военный корабль. Одновременно закончились боевые действия на Сворбе — о. Эзель был занят.

XIII. Разбор высадки и боевых действий на о. Эзель и на Кассарском плесе до 16 октября

Для разбора тактических действий и их оценки желательно знать по возможности точно действия противной стороны. Так как печатных русских источников об этой операции не имеется [1], то, делая выводы, приходится брать на себя известную смелость, осо-

[1] Автор ошибается. В 1928 г. Военно-морской академией РККА была издана книга: А. М. Косинский, Моонзундская операция Балтийского флота 1917 г., принадлежащая к серии выпусков «Борьба флота против берега в мировую войну», т. IV. — *Прим. перев.*

бенно принимая во внимание упадок руководства у русских, явившийся результатом разложения армии. Вообще нужно считаться с тем, что русские уже не могли больше рассматриваться как равноценный противник. Кроме того, отсутствие данных о противной стороне затрудняет оценку своих действий, объема затраченных усилий и правильности своих действий. Возникает опасность, что приобретенный опыт и сделанные выводы выглядели бы совершенно иначе, будь перед нами равноценный противник. Это соображение должно служить известным предостережением.

И все-таки имевшие место боевые действия позволяют сделать поучительные выводы и поставить много интересных и заслуживающих внимания вопросов, причем, пожалуй, это касается больше флота, чем сухопутных войск.

Разбор таких вопросов, как управление войсками на стороне противника или непонятные подчас способы действий и ошибки противника, сделан исключительно с точки зрения их поучительности и имеет целью, скажем прямо, показать, как следовало или, наоборот, как не следовало бы действовать в нормальных условиях.

Успешно закончившаяся операция явилась доказательством того, что срок погрузки, который был предложен командованию 8-й армии самим командующим «Особым отрядом», был выбран удачно.

Затем правильно была намечена для высадки бухта Тагалахт; вполне целесообразным оказалось предоставление инициативы открытия огня противнику.

Наконец, сыграли свою роль факты демонстративного обстрела во время высадки западного побережья у Киельконд и Сворбе.

Мы уже упоминали выше, что успех высадки, сопровождавшейся незначительными потерями, независимо от тщательной подготовки и целесообразных мероприятий флота, нужно приписать настойчивости и удавшейся внезапности. Настойчивость была проявлена в первый раз при отдаче приказа о посадке на суда, хотя не было полной уверенности в том, что работы по тралению будут своевременно завершены. Вторично она была проявлена при принятии адм. Шмидтом решения продолжать ночное плавание к пункту Вейс без предварительного траления мин, дабы своевременной высадкой обеспечить внезапность.

Что именно явилось причиной запоздания, вызванного нежелательной остановкой флота, так и осталось невыясненным. В журналах боевых действий указываются различные причины, как-то: недостаточная подготовка флотилии Розенберга к тралению мин ночью, к тому же в обстановке перемены курса, тем более, что эта флотилия была создана с совершенно иной целью; слишком большой груз, который буксировала флотилия для демонстративной высадки у Памерорт; наконец, разыгравшееся вечером на море волнение и наступившая ненастная погода. Ночное плавание главных сил флота прошло гладко; это служит доказательством, что подводная лодка «С 58» точно определила ориентир и что плавучие маяки были выставлены правильно и своевременно.

Короче говоря, все вместе взятое является примером четкого выполнения плана.

На 2-ю флотилию искателей мин (Дофлейн), шедшую с заведенными тралами вслед за флотилией Розенберга непосредственно в голове флота, тоже была возложена трудная задача. Между 20 и 21 часами она настолько насела на хвост флотилии, тралившей мины, что могла делать не более 5 узлов.

Поэтому, а также ввиду сильной зыби пришлось убрать тралы. Когда затем, через 5 час., обстановка выяснилась, флотилия, несмотря на темноту и кормовую волну, без огней вновь завела тралы. Вся эта работа также заслуживает быть отмеченной.

Непредусмотренная планом остановка вызвала запоздание в формировании авангарда перед рассветом у пункта Вейс. Но настойчивость командующего флотом нашла отклик у его подчиненных. Капитан 2-го ранга Гейнеке действовал совершенно в духе предположений командующего морскими силами. Считаясь с изменившейся обстановкой, он ожидал подхода остальных частей авангарда лишь до тех пор, пока это было еще целесообразно, но затем решил произвести высадку десанта лишь с одной своей флотилией.

Между тем, штаб корпуса дал указания авангарду, что в случае противодействия противника право решения о высадке десанта предоставляется пехотному, а не морскому начальнику, причем дополнительно было указано:

> «Десант должен быть высажен *во что бы то ни стало;* решение пехотного начальника может касаться лишь изменения *места* высадки и незначительного изменения срока».

Раньше назначенного срока не имело права появиться ни одно судно; не должно было быть дыма; нельзя было зажигать огни и подавать сигналы; переговоры по радио разрешались лишь в самых безотлагательных случаях. Инициатива открытия огня должна была быть предоставлена противнику. Даже в период высадки авангарда было запрещено преждевременно открывать ружейный огонь или кричать «ура».

Внезапность была достигнута благодаря железной дисциплине.

И все же, несмотря на сказанное, общий приказ для открытия огня был отдан слишком рано. Сомнительно, чтобы звук выстрелов с «Байерн», стрелявшего первым, был слышен на о. Эзель. Иначе прошел бы известный промежуток времени для передачи донесения батарее Тоффри. С открытием огня можно было подождать, так как было совершенно бесцельно сразу же, так сказать, «обменяться приветствиями» с противником. Чем позднее открыли бы огонь, тем больше имелось бы шансов на успех внезапности и тем большее количество войск было бы высажено из состава авангарда. Хотя роковых последствий от этого не произошло, но все же приказ об открытии огня был дан слишком рано.

Несмотря на то, что противодействие противника в период высадки было невелико, другие моменты не только затрудняли, но и вообще ставили под сомнение успех высадки. Достаточно вспом-

нить опоздание авангарда, его распыление, минную пробоину, полученную «Корсикой», обнаруженное минное заграждение перед бухтой Тагалахт... Но фактически все это оказало самое незначительное влияние на ход высадки, которая протекала почти по часам. Транспортный флот удалось тоже подвести своевременно и немедленно приступить к высадке десанта. Блестящие действия флота объясняются тщательностью предварительной подготовки.

Но так и остается непонятным, почему русские все же оказались застигнутыми врасплох. Ведь они в течение нескольких месяцев проводили свои оборонительные мероприятия на островах как раз против подобной высадки. Известно также, что русские вполне определенно ждали высадки после падения Рити, причем вероятным сроком ее считалось начало октября. Производили же они ежедневные тревоги, как о том гласили показания пленных. По словам Малинина, англичане предупреждали русских о систематической интенсивной работе немцев по тралению мин в Ирбенском проливе; кроме того, усиленная воздушная разведка и многочисленные случаи бомбардировки, производившейся противником с середины сентября, в особенности по Церелю, являлись безошибочными признаками предстоявшего десанта. 30 сентября на Церель взрывом попавшей бомбы было разрушено убежище с огнеприпасами, причем пострадало 7 офицеров и 114 матросов.

Не могли быть также совершенно скрыты от русских грандиозные приготовления в течение 3 недель в Либаве. Наконец, улучшение погоды в критические дни тоже должно было заставить русских повысить свою бдительность и вести непрерывную разведку.

Русские придерживались того взгляда, что нельзя воспрепятствовать высадке одними лишь сухопутными силами. Как передают, высадка ожидалась не позднее 13 октября, после того как 20 сентября она не удалась из-за шторма. Гарнизону островов было приказано быть особенно бдительным. Но солдаты и некоторая часть офицерства не верили в высадку, они смеялись над ее возможностью. Вообще же считалось, что если и будет произведена высадка, то только на Сворбе.

Еще вечером 10 октября, т. е. накануне отплытия, штаб дивизии на о. Эзель получил якобы из Либавы телеграмму (радио?), из которой узнал, что флот готов к отплытию, а в ночь с 11 на 12 октября в Аренсбург поступило и с материка сообщение о предстоящей в ближайшее время высадке.

Береговой артиллерии было приказано усилить меры охраны. Пехоте неоднократно указывалось на безусловную необходимость удерживать в своих руках дамбу через Малый Зунд. Войскам было обещано, что с материка прибудут еще 2 дивизии, а из Кронштадта и Ревеля придет морской флот.

Продолжавшееся весь день 10 октября плавание флота в составе до 200 судов и со скоростью всего лишь 10 узлов в прекрасную погоду и при спокойном море осталось незамеченным противником. Одна английская подводная лодка, правда, заметила вечером 10 октября флотилию искателей мин, двигавшуюся в се-

верном направлении, но, вообразила, что флотилия преследует именно ее, и ничего не донесла.

Затем русские не обнаружили на рассвете 12 октября германского флота, стоявшего в виду бухты Тагалахт, хотя хорошо известно, что предрассветное время наиболее удобно для всякого рода внезапных действий.

Дальше, судя по показаниям пленных, русские спокойно впустили в бухту Тагалахт германские суда, хотя было строго приказано зорко наблюдать за всеми судами, независимо от их класса, по подозрительным открывать огонь и немедленно бить тревогу.

До того момента, как береговые батареи открыли огонь, германские суда принимались за русские. Вследствие этого русские выпустили инициативу из своих рук.

Назначенный в феврале «комендантом укрепленной Моонзундской позиции» контр-адм. Свешников, штаб которого находился в Аренсбурге, отдал еще 20 сентября приказ о том, что необходимо во что бы то ни стало препятствовать высадке сильным огнем и упорным сопротивлением, так как последующая оборона гораздо труднее. Однако, плохо подготовленные артиллеристы береговых батарей оказывали слабое сопротивление. В пехоте тоже дело обстояло не лучше. Молодые русские офицеры якобы умоляли солдат оказывать сопротивление.

Мне не удалось проверить, правда ли, что 11 октября у местного населения о. Эзель был народный праздник, который, по обычаю, был торжественно отпразднован и в 1917 г., несмотря на ожидавшийся десант, что до известной степени и послужило поводом к уменьшению бдительности 11 и утром 12 октября. Однако, для морской разведки этот предлог абсолютно нереален.

Комендант Сворбе, капитан 1-го ранга Кнопфер, утверждает, что намеченная им разведка саботировалась солдатами. Остается тогда еще непонятным, что же делала в таком случае авиация.

Кроме того, возникает вопрос, почему русские не преградили дорогу десанту в бухту Тагалахт, поставив минное заграждение перед бухтой. Заграждения там имелись, но через промежутки в них благополучно прошел целиком весь авангард, до «Корсики» включительно. Имевшихся заграждений, как это выяснилось во время боевых действий, оказалось далеко недостаточно.

Один русский морской офицер говорит, что матросы отказались от постановки мин, после того как в Ирбенском проливе 20 сентября были понесены большие потери в результате полученной минной пробоины. Сознавая безусловную необходимость постановки мин перед самым десантом, русские офицеры все же спешно организовали постановку мин перед Соэлозундом с рыбачьих лодок. Эти заграждения русские не успели еще нанести на карту, которая была затем найдена в Аренсбурге. Между тем, это и были как раз те мины, которыми были сильно повреждены линейные корабли «Байерн» и «Гросер Курфюрст» при занятии в день десанта огневых позиций для обстрела берегов.

Возникает вопрос, можно ли было избежать обоих несчастных случаев.

Основная работа соединений тральщиков производилась перед началом операции в Ирбенском проливе. К ней прибавилась новая важная задача — обеспечение флота. Но для выполнения обеих задач тральных средств Балтийского моря и тех средств, которые могли быть выделены из Северного моря, оказалось недостаточно. Временами приходилось вести работы по тралению Ирбенского пролива меньшими силами. Что же касается работ на фарватере и перед бухтой Тагалахт, то, чтобы они остались незамеченными противником, к ним можно было приступить лишь перед самым проходом флота.

Затем возникает ряд других вопросов. Не следовало ли провести еще какие-нибудь мероприятия перед бухтой Тагалахт? Не слишком ли оптимистически отнеслись к донесению высланной в бухту Тагалахт подводной лодки? Наконец, не следовало ли иметь при штабе «Особого отряда» специалиста по минному делу? Ведь минное дело за время войны приобрело весьма решающее значение. Такой специалист, естественно, настоял бы на принятии дальнейших мер предосторожности.

Донесение подводной лодки гласило:

> «Произведена разведка бухты. Все спокойно. Строящаяся деревянная церковь 58°30′ N — 22°0′ O хороший UC 58»

В последовавшем затем личном докладе тоже ничего не упоминалось про мины. И все же, нельзя было считать, что мин здесь вообще не было. Кроме того, конечно, не была исключена вероятность постановки русскими мин незадолго до начала операции, т. е. 11 октября и в предшествующие дни, когда море было спокойно.

На наше счастье, они этого не сделали. Более активный противник мог бы причинить нам тяжелые потери или, навязав нам медленно выполняемые тральные работы, сильно затянуть или даже вовсе сорвать десант.

Авария «Корсики» тоже пошла на пользу высадке, а следовательно, и всей операции в целом. Не говоря уже о том, что удалось снять с борта «Корсики» батальон со всем его имуществом, причем отсутствие этого батальона в первые часы высадки не имело отрицательных последствий, минная пробоина явилась своего рода предупреждением. Не будь ее, транспортный флот пошел бы без опасений через заграждение, и едва ли бы ему удалось попасть по примеру авангарда в проход.

И в этом случае вице-адм. Шмидт принял весьма ответственное решение.

Непонятно также поведение русских после того, как была обнаружена высадка. Во всяком случае так и не удалось установить степень влияния русских солдатских комитетов в войсковых частях на образ действий последних.

Распределение русских сил на о. Эзель соответствовало обстановке (схемы 2 и 4): по ⅓ в предполагаемых пунктах высадки

(в бухте Тагалахт—426-й пех. полк и на Сворбе—425-й пех. полк) и ⅓ в качестве подвижного резерва у Аренсбурга (472-й пех. полк). Единым лозунгом для этих трех групп являлось: где бы противник ни высадился, быстро двигаться туда, энергично его атаковать и сбросить в море. Но следовало бы сделать *ограничение* для гарнизона Сворбе, ввиду значения Церельских батарей, преграждавших доступ в Ирбенский пролив. Если увести целиком гарнизон Сворбе, то даже слабый морской десантный отряд мог бы привести эти батареи в негодность. Однако, при наличии нескольких рот, и притом подвижных, можно было бы, если не совершенно помешать высадке на длинном побережье, то хотя бы сделать ее менее опасной. Целого полка для этого, конечно, было много, так как тогда основная его масса бездействовала бы и в итоге только увеличила бы число пленных.

Усиленный пехотный полк мог дойти форсированным маршем из района Аренсбург до бухты Тагалахт (30 *км*) за 14—15 час.; при автомобильной переброске этот срок значительно сократился бы,— конечно, при том условии, если бы части со Сворбе были переброшены тоже на грузовиках, — иначе 12 октября они не успели бы прибыть в бухту Тагалахт, поскольку расстояние до нее равнялось 50 *км*.

Вместе с отходившими из бухты Тагалахт частями 426-го пех. полка являлась возможность создания смешанного отряда в составе 5—7 батальонов и 4—5 батарей и использования его против 131-го пех. полка, к которому еще не присоединились пулеметные роты и артиллерия, так как высадка их еще не закончилась. Против 138-го пех. полка достаточно было бы иметь лишь боковое прикрытие, поскольку боеспособные части гарнизона восточного берега бухты Тагалахт продолжали бы вести бой с противником.

Затем противник, повидимому, ничего не подготовил для нанесения после полудня контрудара сосредоточенными силами, если бы не удалось в самом зародыше ликвидировать попытку высадки десанта. Между тем, именно такой способ действий наиболее применим при планомерной обороне. Мимоходом заметим, что часть русских полевых батарей напрасно погибла, проявляя ненужное упорство, когда пехота противника уже утвердилась на берегу.

Для решительного начальника оставался еще следующий вариант: разбить 131-й пех. полк, используя знание местности и местные средства, в частности средства связи, и располагая численно и материально превосходными силами, которых, правда, должна была бы воодушевлять воля к борьбе.

Достигнутый успех отразился бы и на последующей высадке 255-го и 17-го пех. полков. Затем в течение 13 октября представлялась полная возможность развить успех как против 138-го пех. полка, так и против остальных войск, высадившихся на восточном берегу. Для этого нового удара можно было использовать полк, подтянутый с полуострова Сворбе.

Излишне говорить, что подобный удар должен был быть нанесен быстро и энергично. Ведь если бы не удалось быстро рас-

правиться с 131-м пех. полком, то в обстановке быстро протекавшей высадки противника никаких надежд больше не было бы. Риск быть несколько отброшенным в южном направлении тоже был бы невелик, если бы полк со Сворбе был выдвинут километров на двадцать к северо-западу от Аренсбурга.

Начальник русской дивизии не воспользовался такой возможностью, а быть может, и не мог, так как донесение о высадке у Памерорт было получено немедленно, донесение же о высадке в бухте Тагалахт поступило в штаб дивизии в Аренсбурге только после полудня.

Поскольку подлинный материал отсутствует, приходится при оценке действий противника исходить только из предположений, почему и нельзя подвергать суровой критике решения русского командования.

Оборона острова должна была быть только активной, ибо при несоответствии численности имевшихся там войск с пространством любая оборонительная позиция могла бы очень быстро подвергнуться обходу, за исключением, пожалуй, тех случаев, когда оба фланга примыкали к берегу, например в полуокружности у Аренсбурга, где вдобавок мог еще оказать поддержку русский флот.

Возможно было также вести бой за выигрыш времени до прибытия подкреплений. В нем должны были бы принять участие все силы, в том числе и Аренсбургская группа. Действовать нужно было на широком фронте, обязательно перехватив все дороги, отходящие в восточном направлении. Фактически русские имели в своем распоряжении только две дороги. 425-й пех. полк следовало немедленно выдвинуть в северном направлении на дорогу Аренсбург, бухта Тагалахт. Он обязан был сковать возможно более крупные силы десантного корпуса, в то же время обеспечивая себе путь отхода на Сворбе.

И последний выход — это отступление на о. Моон после того, как обнаружилась невозможность воспрепятствовать высадке неприятельского десанта.

В этом случае необходимо было немедленно начать отход, памятуя старую поговорку: «Кто хочет уйти, тот должен уходить быстро!»

Аренсбургский полк с артиллерией имел возможность достичь вечером 12 октября Капра (40 *км*), куда 14 октября вечером прибыл 255-й рез. пех. полк (схемы 2 и 12). Атака на предмостную позицию, которая утром 13 октября была занята еще весьма незначительными силами, при умелом руководстве закончилась бы обратным ее захватом, тем более, что действовавшие там русские войска доказали свое желание драться.

Полк из Сворбе (без оставленных там подразделений) имел возможность дойти вечером 12 октября до Аренсбурга и несколько восточнее, а 13 октября подойти к предмостной позиции. Столь сильного напора отряд Винтерфельда утром 14 октября выдержать не смог бы, и возможно, что проход был бы открыт еще вечером 13 октября.

Русский пограничный кавалерийский полк, находившийся вечером 13 октября западнее 255-го рез. пех. полка и расстрелянный последним, мог свободно вечером 13 октября или утром 14 октября атаковать с севера германский гарнизон предмостной позиции и проложить себе путь на о. Моон.

Но во всяком случае русские не должны были упорствовать в своем желании прежде всего спасти свои обозы. В подобной обстановке комендант о. Эзель и все его подчиненные должны были руководствоваться принципом Наполеона: «activité, activité, vitesse!» Но этого-то им, очевидно, и недоставало.

Интересно познакомиться с русскими планами по материалам захваченного краткого доклада начальника штаба 107-й русской пех. дивизии.

В этом докладе, озаглавленном «Соображения о характере обороны внутри острова Эзель», между прочим, говорится:

«В случае успешного десанта необходимо во что бы то ни стало выиграть время до подхода подкреплений, чтобы остановить противника и затем его отбросить.

Где бы ни была произведена высадка, необходимо отходить в восточном направлении, лишь бы удержать позицию у Оррисар.

Для упорной обороны ощущается недостаток в силах и хороших оборонительных рубежах.

Пассивная оборона всегда приводит к неудаче.

Обширные, трудно доступные, лесистые и болотистые пространства благоприятствуют боевым действиям за выигрыш времени.

Но не следует ограничиваться лишь линейной обороной, нужна подвижная планомерная оборона, выражающаяся в наступательных ударах по дорогам.

Все дороги и тропинки, ведущие с запада на восток, должны быть заняты отрядами. Нужно драться за каждую пядь, эшелонируясь в глубину и взаимодействуя с соседями.

Противник не в состоянии двигаться между дорогами в крупных силах. Против его небольших отрядов, т. е. против так называемого «просачивания», нужно предпринимать контратаки.

Если противник захочет избежать больших потерь, то ему придется тщательно подготавливать фронтальные атаки, что будет связано для него с потерей времени.

Основные условия для успешной обороны:

— знание местности;

— обильное снабжение картами;

— хорошее ориентирование начальников участков о планах старшего начальника.

В условиях больших расстояний телефон, самокаты и прочие технические средства связи могут оказаться непригодными.

Все должно быть предусмотрено, включая даже то, как действовать в случае паники (!).

Кроме того, на всякий случай на всех важных перекрестках дорог, как внутри острова, так и у Оррисар, должны быть выставлены надежные офицерские посты.

В качестве поддержки желательно иметь преимущественно кавалерийский полк; он особенно нужен для разведки, имея в виду большие расстояния; его не следует «распылять» наподобие пехотного батальона».

Для ведения обороны за выигрыш времени были оборудованы позиции (схема 2; самые позиции на ней не обозначены):

1) от Киельконд через Пиддуль в северо-восточном направлении;
2) с юго-запада через Кергель в северо-восточном направлении;
3) от Аренсбурга вдоль дороги на Карри;
4) от Фетельского залива в северо-восточном направлении.

Но русские, очевидно, действовали не в духе приведенных выше указаний, часть которых безусловно можно одобрить.

Сопротивление было оказано только на некоторых дорогах. Контрудары наносились, повидимому, 13 октября только 426-м пех. полком и то лишь против отдельных рот 1-го самокатного батальона. На этот полк была возложена задача оказать 12 октября противодействие высадке в бухте Тагалахт. Полк как будто занял передовыми частями позицию в районе Менуст и Кергель, отойдя главными силами в район Кармель, Удувере. Согласно донесениям 65-й пех. бригады, она вела бой с этим полком уже вечером 13 октября.

С другой стороны, поскольку русская пехота уже в полдень 13 октября атаковала на восточном берегу 2-й самокатный батальон, было бы целесообразнее, чтобы расположенный у Аренсбурга 472-й пех. полк немедленно отошел в направлении на Оррисар, вместо того чтобы двигаться на поддержку 426-му пех. полку, как это было предусмотрено основным приказом.

Что касается атак, предпринятых против отряда Винтерфельда, то они велись разрозненно, непланомерно и, очевидно, вовсе не имели задачей вновь овладеть обширной предмостной позицией и удержать ее против германских атак до прибытия подкреплений с о. Моон. Вероятнее, что эти атаки предпринимались исключительно для прорыва германской позиции в целях отхода на о. Моон.

Русское командование только вечером 12 октября отдало распоряжение об усилении гарнизона о. Моон. 13 и 14 октября там были высажены с транспортов: штаб 118-й пех. бригады, 2 батальона 470-го пех. полка, 2 батальона 471-го пех. полка, 2 батальона 1-го эстонского пех. полка и 1 «батальон смерти» (600 чел.). Этот и еще один батальон производили 14 октября атаки через дамбу против отряда Винтерфельда. Но, очевидно, ввиду недостаточной артиллерийской поддержки эти атаки велись без особенного подъема.

Судя по ходу боевых действий, они были лишены определенной цели и носили одновременно характер боя за выигрыш времени и боя за отход на о. Моон.

В итоге стремление к двум целям не дало никаких результатов.

Германское командование, наоборот, ставило все более и более широкие задачи. Оно уже не удовлетворялось одним лишь занятием острова и оттеснением русских на о. Моон, а стремилось

воспрепятствовать сосредоточению противника и его отходу на о. Моон. Не желая удовольствоваться «обыкновенной» победой, германское командование стремилось к уничтожению противника путем захвата его в плен (схемы 6 и 8).

Штабу 42-й пех. дивизии пришлось работать в трудных условиях, нередко действуя втемную, поскольку не было донесений о противнике и своих войсках. Радио бездействовало, наводка телефонных линий отставала; ординарцев не было; самокатчики из-за дурных дорог работали плохо; донесения летчиков из-за тумана и дождя были неточные. И вот утром 13 октября ген.-лейт. фон Эсторф был поставлен перед необходимостью принять весьма ответственное решение. Основным направлением, по крайней мере для главных сил, было восточное, но в то же время обстановка на юге сложилась так, что можно было отрезать полуостров Сворбе. Последнее приводило к эксцентрической операции, успех которой был сомнителен. В этот момент нельзя еще было установить, примет ли бой сосредоточенный у Аренсбурга русский гарнизон острова. Командир дивизии решил не выдвигать 131-й пех. полк на Сворбе, но оставить его в своем распоряжении у Менуст впредь до выяснения обстановки и установления отхода русских. Подобное решение как нельзя более соответствовало невыясненной обстановке.

Итак, была поставлена серьезная задача — захватить гарнизон о. Эзель целиком в плен.

Проще всего было это сделать с противником, действовавшим на Сворбе, — он был отрезан и вынужден капитулировать. Таким образом, сбор всего гарнизона острова был уже неосуществим. Вторую часть задачи разрешить было труднее. Нужно было действовать против путей отхода противника и его тыловых сообщений, соединявших о. Эзель с о. Моон и материком, причем удар приходилось наносить с самого неудобного направления. Не следует забывать, что главные силы высаживались в бухте Тагалахт, откуда до каменной дамбы на 20 *км* дальше, чем от Аренсбурга. В довершение всего не было пригодных прямых путей от бухты до Малого Зунда.

Для скорости 4-й и 5-й самокатные батальоны были двинуты вдоль северного берега, где пути, видимо, не были заняты противником. Сама дивизия двигалась несколькими колоннами, чтобы не подвергаться опасности быть задержанной у арьергардных позиций противника.

Во время движения лишний раз подтвердилась особенная боязнь русских за свои фланги при их обходе по соседним дорогам и вообще при угрозе их пути отхода.

В общем же направление марша 42-й пех. дивизии не на Аренсбург, а севернее него, еще ни в каком случае не означало пленения всего гарнизона острова. Для облегчения выполнения последней задачи была предпринята высадка подвижного отряда у Памерорт. Несмотря на все усилия сделать этот отряд возможно более сильным, он все же был слаб для выполнения возложенной на него задачи.

Уместно задать вопрос, не было ли бы целесообразнее, с точки зрения сосредоточения сил, немедленно двинуть на Оррисар и 1-й самокатный батальон, отказавшись от наступления в направлении дороги Аренсбург, Оррисар (схемы 2 и 8). На первый взгляд с этим можно, пожалуй, согласиться. Однако, ход боевых действий, успешных для 1-го самокатного батальона, показал, что батальон был правильно использован. Он не только угрожал южному пути отхода противника в общем направлении от Аренсбурга на о. Моон, но и воспрепятствовал русским использовать южный путь отхода в направлении на Тагафер, выводивший во фланг и тыл отряда Винтерфельда. При ином использовании оба (1-й и 2-й) самокатные батальона, объединившиеся для совместных действий против предмостной позиции, едва ли справились бы со своей задачей в тех тяжелых условиях, в которых им пришлось действовать.

Успешное завершение боевых действий 14 октября, а тем самым в основном и операции по захвату о. Эзель нужно приписать 65-й пех. бригаде, проделавшей свой знаменитый форсированный марш. На этот раз она принудила противника к сдаче не силой оружия, а своими ногами. Фактически ведь только обратное овладение 17-м пех. полком в сумерки предмостной позицией у дамбы окончательно отрезало русским путь отступления на о. Моон. Необходимо отметить действия пехоты, включая и 255-й рез. пех. полк, особенно имея в виду, что войска испытывали серьезный недостаток как в боевых припасах, так и в продовольствии и других средствах. Пехота доблестно действовала без артиллерийской поддержки, а подчас и без станковых пулеметов, притом нередко и при отсутствии боевого обоза. Марш, выполняемый только с одним боевым снаряжением, несомненно представляет преимущества, но он связан с рядом неудобств, особенно в условиях глубокой осени и ненастной погоды. Перегрузка имущества ночью влечет за собой потерю часа ночного отдыха. К тому же оставленное позади имущество приходится охранять и подвозить затем вперед, причем оно может пропасть. Наконец, особенно неприятно дает себя чувствовать невозможность сменить на отдыхе белье. Поэтому каждый начальник обязан тщательно взвесить, действительно ли успех немыслим, если не будет отдано распоряжение «только с боевым снаряжением», или все же можно избежать неудобств, связанных с подобным распоряжением.

Тот факт, что усиленной 42-й пех. дивизии удалось в результате отрезать гарнизону о. Эзель переход на о. Моон и взять его в плен, нужно приписать в значительной мере содействию флота.

Выполнить эту задачу самостоятельно десантный корпус был не в силах. Он нуждался в содействии флота. Последний должен был обеспечить оба фланга и по возможности оказать поддержку боевым действиям сухопутных войск на о. Эзель.

Одновременно с наступлением на о. Эзель протекали действия флота на Кассарском плесе. Они оказали решительное влияние на ход боевых действий на суше (схема 3).

Эти действия имели целью содействие в Малом Зунде флотилии Розенберга, имевшей в своем составе суда с малой осадкой. Русский адмирал не предвидел здесь никакой опасности, считая условия плавания для германских миноносцев в Соэлозунде слишком трудными. Он ограничился всего лишь высылкой нескольких эсминцев на Кассарский плес для разведки. Поскольку этот пролив обеспечивал русским миноносцам плавание по кратчайшему и безопаснейшему направлению, минных заграждений здесь поставлено не было, да и вообще никаких заграждений в проливе не было сделано. Навигационные знаки тоже сохранились. Были только разбиты лампы на баканах.

И только когда германским миноносцам в первый день высадки, в полдень 12 октября, удалось вторгнуться на Кассарский плес, русские решили наверстать упущенное. Но выполнить это им так и не удалось. В ночь с 13 на 14 октября команда минного заградителя отказалась выполнить приказ. Дело в том, что 26 сентября миноносец «Охотник» наткнулся в Ирбенском проливе на мину, сброшенную самолетом. Гибель миноносца имела деморализующее влияние на личный состав флота.

Но Керенский потребовал любой ценой изгнать германские морские силы с Кассарского плеса. Команда минного заградителя «Припять», отказавшаяся за два дня перед этим выполнить приказ, была заменена матросами с миноносцев. Так как проход из Моон-Зунда на Кассарский плес не был загражден немцами, то минный заградитель «Припять» прошел беспрепятственно в ночь с 14 на 15 октября, — правда, не до Соэлозунда, а до середины Кассарского плеса (схема 15), где и поставил минное заграждение в направлении с северо-востока на юго-запад, т. е. в направлении на мыс Павастерорт. Однако, при постановке заграждения было упущено из виду, что заграждение необходимо настолько протянуть в северном и южном направлении, чтобы его нельзя было обойти. Между заграждением и северным берегом о. Эзель оставался свободный проход такой ширины, что там могли безопасно действовать соединения миноносцев и флотилия Розенберга, причем они имели возможность прохода до Моон-Зунда и в Малый Зунд. Последнее обстоятельство было на-руку нашим последующим операциям.

Русские допустили и здесь ошибку, поставив минное заграждение по прямой линии и в один ряд. Хотя заграждение и было поставлено поспешно, но не напрасно, и в тех условиях, в которых пришлось выполнять эту работу, она должна быть признана замечательной.

Русские эсминцы и канонерки в боях на Кассарском плесе сражались храбро. Однако, следует отметить, что в своих неоднократных атаках они все же проявили меньше силы и упорства, чем немцы, несмотря на то, что были сильнее последних и по вооружению и по количеству судов.

Русские, правда, продвинулись до Соэлозунда с целью заградить его хотя бы теперь, раз это не было сделано раньше, но проникнуть в Малый Зунд они так и не смогли. 13 октября спо-

заранку русские эскадренные миноносцы и канонерки стояли в виду Соэлозунда и в течение всего дня препятствовали проходу германских кораблей на Кассарский плес. Под прикрытием упомянутых выше сил русские имели полную возможность вторгнуться в Малый Зунд. Но когда они 14 октября, повидимому, решились на это, то им помешали действия коммодора Гейнриха. Как известно, днем 14 октября флотилия Розенберга вошла в Малый Зунд, а флотилии миноносцев в этот момент находились перед Моон-Зундом. Флотилии Розенберга пришлось действовать в весьма неблагоприятной обстановке: Малый Зунд гораздо ближе к Моон-Зунду, чем к Соэлозунду, вследствие чего расстояние до своих прикрывающих кораблей у немцев было больше, чем у русских. Кроме того, германские корабли в Малом Зунде могли обстреливаться тяжелыми батареями с о. Моон и боевыми кораблями из Моон-Зунда, что впоследствии фактически и произошло.

Нужно думать, что русские, так же как и немцы, имели в своем распоряжении корабли с малой осадкой. Продвижение последних 13 октября в Малом Зунде могло бы создать более благоприятное положение для русских войск у Оррисар. Является сомнительным, смог ли бы занимавший предмостную позицию небольшой отряд Винтерфельда при одновременном нажиме с юга, юго-запада и востока выдержать еще обстрел русской флотилии и не удалось ли бы противнику раньше совершить и развить прорыв к дамбе.

В следующей главе мы подвергнем специальному разбору вопрос о том, почему русские не оказали действительной поддержки гарнизону о. Эзель со стороны Рижского залива.

Итак, русские сделали крупную тактическую ошибку, упустив момент основательно заградить Соэлозунд путем затопления на фарватере нескольких судов, раз они не предполагали больше наносить удар через Соэлозунд в западном направлении. Вполне вероятно, что появление русских миноносцев на Кассарском плесе повлекло бы за собой выдвижение туда и германских флотилий миноносцев. Но последнее означало бы сильную угрозу флангу русского флота, действовавшего в Моон-Зунде. Предотвратить эту угрозу можно и нужно было только заградив Соэлозунд.

Таким образом, на Кассарском плесе русские очутились в неблагоприятном положении вследствие того, что упустили целый ряд мероприятий. Кроме того, здесь сыграло роль и их недостаточное упорство.

Германские легкие морские силы с момента высадки у Памерорт развили лихорадочную деятельность, стремясь оказать поддержку отряду Винтерфельда у дамбы. При появлении русского судна все были проникнуты лишь одной мыслью «атаковать», не боясь превосходства противника. Коммодору Гейнриху приходилось охлаждать пыл наиболее храбрых.

Его решение отказаться от прорыва в Соэлозунд 13 октября с тем, чтобы выполнить эту операцию с большими шансами на успех 14 октября, нужно признать правильным.

Стремление во что бы то ни стало войти в соприкосновение

с противником имело последствием при первом прорыве 12 октября ту же ошибку, которая часто случается и в сухопутных войсках. Узкость, которая находится или может находиться под обстрелом противника, никогда нельзя проходить медленно и с очень небольшими дистанциями. Следует форсировать узкости с помощью небольших отрядов и быстро перебрасывать их по фарватеру.

В разбираемом случае флотилия миноносцев шла через Соэлозунд в кильватерной колонне, на слишком малых дистанциях, стремясь возможно быстрее построить боевой порядок по выходе из канала. Попав в проливе под действительный обстрел, флотилии пришлось расчлениться и продолжать свое движение на больших дистанциях; по счастью, дело обошлось без потерь.

Царивший на флотилиях миноносцев наступательный дух не желал мириться ни с какими препятствиями. Здесь весьма неохотно считались с минными заграждениями и необходимостью осмотрительного прохода через них. Для примера напомним, что захваченная на миноносце «Гром» морская карта подтвердила необоснованное заявление, что на Кассарском плесе 12 и 14 октября мин обнаружено не было. Это привело в результате к слишком большой беспечности, за которую и пришлось поплатиться 15 октября потерей 3 миноносцев. В следующую ночь, с 15 на 16 октября, коммодор Гейнрих приказал дозорным судам охранять вход в Моон-Зунд от проникновения туда неприятельских сил, в частности минных заградителей.

Сидя за письменным столом, легко говорить о том, что упомянутые меры предосторожности следовало бы принять еще в ночь с 14 на 15 октября. Командующий соединениями миноносцев сознавал и необходимость мер охранения и исключительную трудность их осуществления, особенно осложнявшуюся ввиду неблагоприятных условий плавания. Выходило так, что во избежание аварий ночью нужно было становиться на якорь и нельзя было нести дозорную службу. Становиться на якорь на глубине всего лишь в 5,5 *м*, конечно, само по себе опасности не представляет. Однако, русские корабли с малой осадкой имели полную возможность, тем более в светлую ночь, обойти или прорвать цепь наших сторожевых кораблей, стоявших на якоре и поэтому неподвижных. Если бы в этих условиях дело дошло до боевых действий, то для русских они протекали бы с гораздо большими шансами на успех. Кроме того, для германских кораблей существовала бы опасность стрельбы по своим. Для несения сторожевой службы в подобной обстановке наиболее пригодными являлись миноносцы типа «А», но в них очень нуждались в Малом Зунде. Мины протралены еще не были, так как для этого нехватало средств. Согласно записям коммодора Гейнриха в журнале военных действий, силы флотилий миноносцев были очень перенапряжены, и дозорная служба еще более усугубила бы это. Поэтому коммодор Гейнрих назначал с 15 октября на сторожевую службу только по нескольку миноносцев, главные же силы последних становились на якорь значительно западнее, вне досягаемости огня противника. Он выдви-

гал главные силы к дозорным кораблям только в том случае, если этого требовала обстановка.

Условия, в которых германским легким морским силам пришлось прорываться 12 и 14 октября через Соэлозунд, вести бои на Кассарском плесе, пробиться до Моон-Зунда и удерживать с 14 октября захваченный морской район, несмотря на противодействие русских боевых кораблей, в основном были благоприятнее для русского, а не для германского флота. Тем высшей оценки заслуживает достигнутый успех. В разобранных операциях особенно ярко сказался наступательный дух германских миноносцев.

Наши потери, например выход из строя миноносцев на Кассарском плесе, были немалые. И все же правильно, что миноносцы были использованы: их действия дали свои результаты. Ведь без обеспечения со стороны миноносцев флотилия Розенберга не смогла бы появиться в Малом Зунде и оказывать непрерывную поддержку сухопутным войскам.

Борьба на Кассарском плесе и за его удержание в своих руках не являлась самоцелью. Необходимо было оказать помощь сухопутным войскам, действовавшим на берегах Малого Зунда. Едва лишь флотилии миноносцев настолько продвинулись вперед в сторону Моон-Зунда, насколько это было нужно для выполнения задачи по прикрытию главных сил, как капитан 1-го ранга фон Розенберг вошел в Малый Зунд. Он появился в виду Оррисар в тот самый момент, когда для занимавшего предмостную позицию отряда Винтерфельда создалось невыносимое положение и когда прибывшими одновременно с флотилией частями 42-й пех. дивизии была оказана действительная поддержка небольшой кучке бойцов. С полудня 14 октября флотилия уже снова бездействовала. Таким образом, нельзя сказать, чтобы флотилия в решительный момент спасла положение на предмостной позиции. Главная заслуга легких морских сил состоит в том, что благодаря своему удару 12 октября они в течение 13 октября продолжали держать противника в таком напряжении, что тот не осмелился войти в Малый Зунд. Кроме того, легкие морские силы воспрепятствовали 14 октября намечавшейся, по всей вероятности, новой атаке противника. Итак, с первого дня высадки легкие силы весьма эффективно обеспечивали с моря фланг и тыл отряда Винтерфельда.

Затем, начиная с утра 15 октября, флотилия Розенберга непрестанно оказывала энергичную огневую поддержку сухопутным войскам и вдобавок обеспечивала подвоз для них самых необходимых видов снабжения. То, что ввиду отказа от выставления сторожевого охранения перед Моон-Зундом флотилии вторично пришлось в ночь с 14 на 15 октября покинуть Малый Зунд, ни в какой мере не отразилось на поддержке, которую она оказывала сухопутным войскам. Едва ли в германском флоте можно было найти другого такого же осторожного, энергичного и храброго командира, который, подобно капитану Розенбергу, столь умело справился бы со стоявшими перед ним разносторонними задачами.

Оказанное флотом оперативное содействие имело следствием крупный успех на о. Эзель; ему сопутствовала и тактическая под-

держка. Благодаря взаимодействию обеих разнородных групп — отряда Винтерфельда и легких морских сил — дамба для русских была прегражденa до того момента, пока не подошла к полю боя третья группа, т. е. главные силы 42-й пех. дивизии, которая и завершила успех.

Итак, окончательный успех был достигнут благодаря упорству небольшой горсти спартанцев Винтерфельда, примерной братской поддержке морских сил коммодора Гейнриха, форсированному маршу 42-й пех. дивизии и своевременному, хотя и в последнюю минуту, прибытию ее 14 октября к полю боя.

Таким образом, 14 октября является кульминационным пунктом рассмотренного этапа операции.

15 октября явилось уже логическим его завершением, которое было ускорено появлением в тылу противника четвертой группы— 255-го рез. пех. полка. В результате на поле боя объединились *все* части.

Итак, возлагавшиеся на операцию громадные чаяния не только осуществились, но и были превзойдены.

XIV. Форсирование Ирбенского пролива

Планом операции было предусмотрено, что продвижение десантного корпуса на островах будет прикрыто со стороны моря с обоих флангов морскими силами, причем последние по возможности будут оказывать поддержку сухопутным войскам.

Как уже говорилось выше, на левом фланге это было целиком выполнено легкими морскими силами, действовавшими на Кассарском плесе и в Малом Зунде. На правом фланге — в Рижском заливе — дело обстояло иначе.

Взаимодействие Церельской батареи и бесчисленных минных заграждений явилось слишком крепким барьером на Ирбенском фарватере, все усилия преодолеть который оказались напрасными. До тех пор, пока батарея препятствовала тральным работам на фарватере, прорыв был немыслим.

Таким образом, начало операции в целом зависело, как уже было сказано, от хода тральных работ на Ирбенском фарватере. Эти работы должны были вестись таким темпом, чтобы в момент падения Церельской батареи флот нашел безопасный свободный путь в Рижский залив. При наиболее благоприятных условиях это могло произойти через двое суток после высадки десанта.

Сначала в районе, покрытом минными заграждениями, вблизи самого курляндского берега, был протрален узкий проход. До конца фарватера он доведен не был: оставались непротраленными несколько заграждений, под которые пришлось нырять подводным лодкам для проникновения в Рижский залив. После прохода туда подводных лодок нужно было спешно протралить фарватер для кораблей, имевших большую осадку, с таким расчетом, чтобы фарватер проходил по крайней мере вне досягаемости Церельской батареи (схема 13). Кратчайший путь в направлении на Аренс-

бург лежал не вдоль самого берега, а севернее. Он пересекал зону неприятельских заграждений, а в северо-восточной своей части попадал в сферу действительного огня Церельской батареи. Затем фарватер пересекал район, в котором были поставлены мины гер-

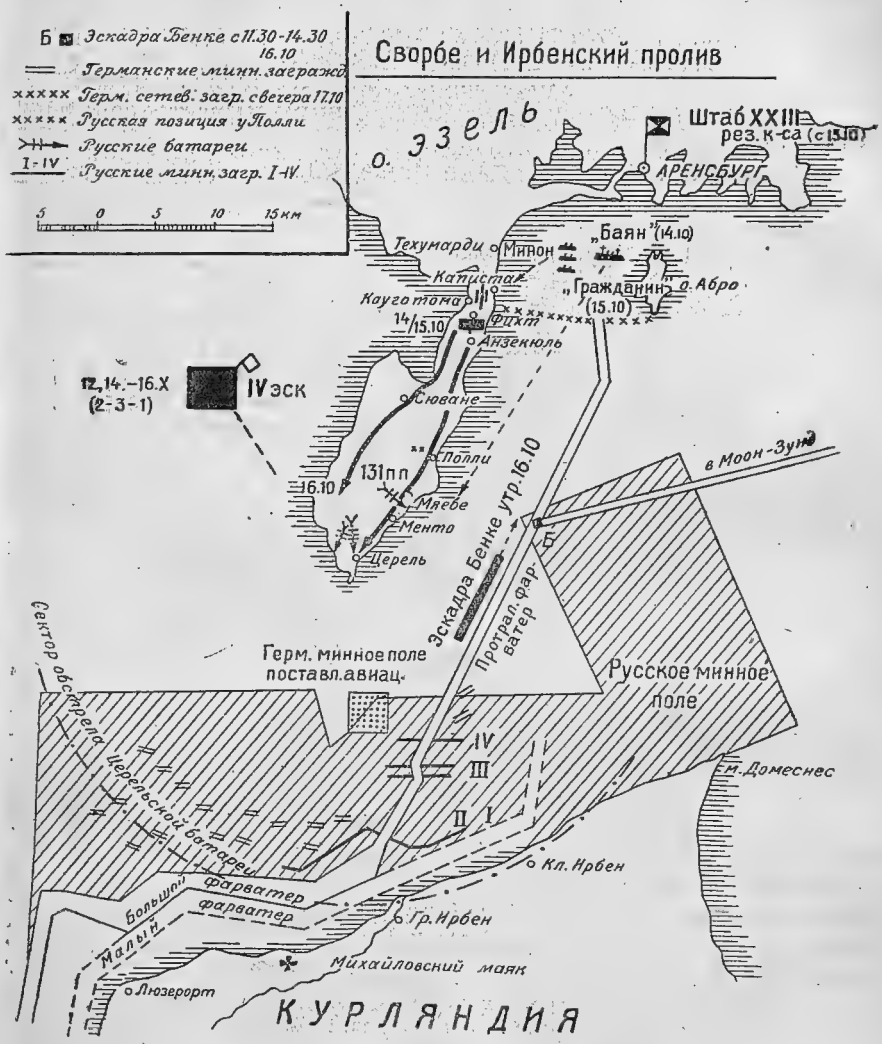

Схема 13. Сворбе и Ирбенский пролив

манскими подводными лодками и авиацией; вследствие присутствия этих мин свобода в выборе фарватера была стеснена. Но несмотря на все описанные трудности, было выбрано кратчайшее направление для фарватера и было приступлено к его тралению от мин и навигационному оборудованию. Глубина выбранного фарватера доходила до 14 *м*.

11 октября, т. е. в тот самый день, когда совершался переход в бухту Тагалахт, Церельская батарея открыла огонь по тральщикам, но, несмотря на это, они работы не прекращали. Ввиду хорошей погоды в этот день тральная работа шла особенно успешно. Траление производилось 3-м и 4-м дивизионами и 3-й полуфлотилией тральщиков.

12 октября, в день высадки десанта, работы на Ирбенском фарватере велись напряженно. Теперь траление производилось под непосредственной защитой разведывательных сил восточной части Балтийского моря (малые крейсера «Аугсбург», «Кольберг», «Страсбург», 8-я и 10-я флотилии миноносцев) под флагом контр-адм. Хопмана. В их задачу входила охрана соединений тральщиков от атак подводных лодок, а также обеспечение непрерывности выполнения работ в случае угрозы срыва их русскими морскими силами.

В день высадки был подвергнут обстрелу полуостров Сворбе, причем обстрел носил демонстративный характер с целью ввести в заблуждение гарнизон полуострова относительно действительного места высадки и для удержания его на Сворбе. Береговые сооружения приказано было обстрелять огнем средней артиллерии, а Церельскую батарею — тяжелой артиллерией; сами корабли должны были уклоняться от огня батареи. Таким образом, цель уничтожения батареи не преследовалась. Обстрел велся, по общему приказу об открытии огня, кораблями «Фридрих дер Гросе» и «Кёниг Альберт». В 8 ч. 40 м. огонь был прекращен. Церельская батарея на огонь не отвечала.

13 октября

Вследствие ненастной погоды тральные работы в этот день производились медленно. Были обнаружены мины разнообразных систем, установленные на различных глубинах. В этих условиях адм. Хопмана, ответственного за тральные работы, мало обрадовало известие, что оба лучшие соединения (2-й дивизион и 4-я полуфлотилия тральщиков) еще в течение некоторого времени нужны будут для работ в бухте Тагалахт.

Как уже говорилось, 13 октября войска, действовавшие на о. Эзель, достигли района севернее Аренсбурга и перешейка полуострова Сворбе, наступление же на самый полуостров было намечено на 14 октября. Поэтому командовавший «Особым отрядом» отдал адм. Хопману приказ прорваться в направлении на Аренсбург:

> «Быстрое развитие боевых действий на берегу и донесение летчика о том, что Церель и Аренсбург горят, дают основание предполагать, что Церель оставлен и противник отступает из Аренсбурга морским путем. Поэтому немедленно попытайтесь прорваться в Аренсбург, «Кёниг» и «Кронпринц» следуют 15 октября, 2-я флотилия тральщиков и прорыватели заграждений следуют немедленно».

Командующий 3-й эскадрой был вызван вместе с линейными кораблями «Кёнит» и «Кронпринц» из Пуцига.

Однако, вследствие присутствия мин, не представлялось возможным немедленно выполнить этот приказ. Тральные работы продвигались вперед медленно, так как именно в этом районе русские поставили свои мины особенно плотно. Минные заграждения в этом районе представляли весьма большое количество последовательных рядов, траление их требовало исключительных усилий. Особенно много времени уходило на вылавливание новых типов мин, которые перед тем здесь не встречались, как-то: «рыбка» и «жемчужные мины» («Perlminen»).

14 октября

Ирбенский пролив. На рассвете 14 октября адм. Хопман вышел из Виндавы и прибыл в район расположения соединений тральщиков, производивших работы по тралению мин на северном большом фарватере. Церельская батарея открыла огонь и пристреливалась по крейсерам. Поскольку огонь был, видимо, направлен по крейсерам, а не по небольшим кораблям флотилий, которые на таком расстоянии (27 *км*) едва ли были заметны, адм. Хопман вышел из-под обстрела на малый фарватер у берега и стал на якорь у Михайловской колокольни. Если бы он продолжал оставаться на большом фарватере, то это привело бы только к напрасным потерям на крейсерах и у тральщиков. Противника вблизи не было, и крейсерам не для чего было открывать огонь. Была организована усиленная разведка самолетами, чем и обеспечивалась, если потребуется, быстрая поддержка со стороны крейсеров.

Лишь после полудня кап.-лейт. Вейдген, командир 3-го дивизиона тральщиков, смог донести, что проход шириной 350 *м* между заграждениями I и II свободен. Итак, можно было начать движение; но вскоре было получено донесение, что тральщики наткнулись на новое (III) заграждение, позади которого были еще обнаружены мины.

В тот же день последовала вторичная бомбардировка Сворбе, целью которой опять-таки являлось не уничтожение Церельской батареи, а отвлечение ее огня от 131-го пех. полка, наступавшего в южном направлении.

Полку была поставлена задача — захватить Церельскую батарею с суши. Таким образом, полк тоже принимал участие в форсировании Ирбенского пролива.

131-й пех. полк в 6 час. 14 октября выступил из Техумарди в южном направлении. Командиру полка, подполк. Фишеру, была поставлена задача — быстро и без излишнего кровопролития захватить Церельскую батарею, притом по возможности в исправном состоянии. С падением этой батареи для флота открывался Ирбенский пролив.

В 8 час. подполк. Фишер выслал в качестве парламентера обер-лейт. фон-Оппена с требованием о сдаче батареи. Около 9 час. он передал 4-й эскадре через морскую десантную радиостанцию:

«131-й пех. полк у пункта 17 [1] готов к наступлению на Сворбе. Просьба поддержать линейными кораблями. Когда...».

Последующие слова: «можно ли ожидать поддержки?» не могли быть переданы из-за поломки штока поршня в моторе.

Уже в 9 ч. 10 м. линкоры «Фридрих дер Гросе», «Кайзерин» и «Кёниг Альберт» снялись с якоря и вышли из бухты Тагалахт под флагом адм. Сушона в направлении на Сворбе.

Хотя не удалось установить связь с 4-й эскадрой по радио, но около 13 час. два морских летчика передали пожелания командира полка в Виндаву, откуда их могли передать дальше. Командир полка хотел, чтобы эскадра открыла огонь только в ответ на огонь Церельской батареи.

Подполк. Фишер все еще не двигался вперед. Он ожидал возвращения высланного парламентера и поддержки со стороны 4-й эскадры. Кстати, ему не было известно, что эскадра прибудет из бухты Тагалахт. С момента ухода обер-лейт. фон Оппена прошло уже 5 час. В то же время в Рижском заливе были обнаружены 5 неприятельских миноносцев, что давало основание предполагать о возможности перевозки гарнизона острова морским путем. Взвесив все это, подполк. Фишер решил двинуться с полком вперед.

Около 15 час. полк наткнулся южнее Анзекюль на укрепленную и, видимо, сильно занятую позицию. Противник вел окопные работы, две его батареи открыли отонь по 131-му пех. полку. Подполк. Фишер не решился атаковать, так как день уже склонялся к вечеру. Обходное движение сильных дозоров по обе стороны дороги успеха не имело. Двинутый в обход, в направлении через имение Фихт, 3-й батальон подошел слишком поздно. Занявшая огневую позицию у Каниста 5-я батарея вести прицельного огня уже не могла. Связи с 4-й эскадрой не было.

В результате полк остановился у дер. Анзекюль перед самой неприятельской позицией.

По словам владельца имения Фихт, барона фон Фрейтаг-Лорингофена, за день перед тем на Сворбе прибыли подразделения второго полка. Кроме 425-го пех. полка, на Сворбе, повидимому, находились довольно сильные отряды моряков.

4-я эскадра после получения прерванной просьбы по радио вышла из бухты Тагалахт в составе 3 линейных кораблей. Между 14 и 15 часами она появилась перед Сворбе. Адм. Сушон остался с линкором «Фридрих дер Гросе» на линии перешейка, соединявшего полуостров Сворбе с островом, для поддержки 131-го пех. полка; линкоры «Кайзерин» и «Кёниг Альберт» он выслал для обстрела Церельской батареи. Адмиралу не удалось войти в связь с пехотным полком, расположенным перед самой позицией противника у дер. Анзекюль, несмотря на то, что для связи с ним на берег был специально высажен морской офицер. После того, как в 16 час. Церельская батарея открыла огонь, адм. Сушон присоединился с «Фридрих дер Гросе» к двум другим линейным кораблям

[1] У Техумарди.

и в свою очередь открыл огонь по Церельской батарее с расстояния 12—20 *км*. 4-й эскадре пришлось действовать в довольно сложной обстановке. Церельская батарея пристрелялась очень быстро и точно, поэтому кораблям пришлось итти рассредоточенно и постоянно менять свой курс. К тому же была серьезная угроза наткнуться на неприятельские мины и подвергнуться нападению подводных лодок противника, тем более, что охранение было недостаточно. Атака, предпринятая неприятельской подводной лодкой, была безрезультатна. Огонь трех линейных кораблей был прекращен через час.

15 октября

131-й пех. полк. Ввиду того, что посланный в качестве парламентера обер-лейт. фон Оппен до вечера 14 октября не возвратился, командир полка принял необходимые меры для атаки на следующий день утром. Он сообщил через летчика 4-й эскадре, что полк в 10 час. будет атаковать неприятельскую позицию у дер. Анзекюль. Желательно, чтобы миноносцы вели борьбу с полевыми батареями противника у дер. Анзекюль и воспрепятствовали вывозу гарнизона острова на судах.

Трем полковым взводам легких минометов, сосредоточенным при 1-м батальоне, и батарее было приказано пристреляться на рассвете по неприятельской позиции. С 9 ч. 30 м. до 10 ч. должен был последовать обстрел позиции. В единственной батарее было немногим больше 300 выстрелов; минометной роты и тяжелой артиллерии не было. Между тем противник значительной численности с 2 батареями занимал укрепленную позицию. В такой обстановке подполк. Фишер решил посредством инсценировки заставить противника очистить свою позицию. Хитрость удалась. Когда во время артиллерийской подготовки 7 сильных офицерских дозоров двинулись вперед, русские открыли, было, сильный заградительный огонь, но уже в 10 ч. 20 м. оставили позицию Анзекюль. Немцы немедленно перешли в преследование и заняли неприятельскую позицию. На западном берегу противник потеснил 56-ю самокатную роту, но и здесь, примерно, в полдень, он прекратил сопротивление.

Русский флот тоже принял утром участие в описываемых боевых действиях. Линейный корабль «Гражданин» вышел с 3 миноносцами из Моон-Зунда, держа курс на Свербе. В дальнейшем с одним миноносцем он остался на рейде у Аренсбурга. Остальные же два миноносца взяли курс на Анзекюль и обстреляли имение Фихт, где стоял в резерве 3-й батальон; кроме того, фланговым огнем миноносцев была обстреляна полевая батарея, выехавшая на открытую позицию у Каниста как раз в тот момент, когда она вела обстрел русской позиции у дер. Анзекюль. Хотя потерь и не было, но было крайне неприятно чувствовать свою беззащитность от корабельной артиллерии.

Наконец, в 13 ч. 30 м. вернулся старший лейт. фон Оппен. Он был принят русскими крайне враждебно, ему даже грозили рас-

стрелом. На свое предложение он получил ответ: «Если вы желаете избежать кровопролития, то уходите с о. Эзель!» Русские предложили заключить перемирие и просили дать время на размышление и прислать делегатов для переговоров.

Подполк. Фишер командировал со старшим лейт. фон Оппеном только своего полкового адъютанта, отказавшись от перемирия по той причине, что боевые действия на суше и на море продолжаются. Кроме того, он обещал согласиться на почетные условия сдачи русских лишь в том случае, если ими ничего не будет разрушено.

Тем временем, в 14 ч. 40 м., прибыл в качестве офицера связи 4-й эскадры лейтенант морской службы Фрюлинг. Однако, попытка установить через устроенный им сигнальный пост у дер. Коугатома связь командира полка с командиром эскадры так и не удалась.

Прибывший днем в расположение полка ген. фон. Катен сообщил командиру полка следующую принятую нами русскую радиограмму:

«Положение безнадежно. Присылайте корабли».

Таким образом, предположение командира полка, что противник намерен уйти со Сворбе на кораблях, нашло свое подтверждение по радио.

Наконец, в 18 час. вернулись оба офицера с докладом о том, что противник собирается сдаться.

4-я эскадра. Согласно уговору, 4-я эскадра, бросившая ночью якорь перед Сворбе, должна была стрелять в этот день лишь в том случае, если Церельская батарея откроет огонь. Однако, батарея молчала, очевидно, вследствие дождливой и туманной погоды. После того как в районе мыса Церель в полдень были обнаружены клубы дыма, естественно, явилось желание выяснить обстановку. Эскадра открыла огонь, причем во время часового обстрела подошла ближе к берегу. Но на ее огонь ответа не последовало. Маяк горел, после полудня были слышны взрывы. Церельская батарея, повидимому, не была более боеспособна. Линкоры «Кёниг Альберт» и «Кайзерин» ушли в Пуциг пополнить запасы топлива. Адм. Сушон на «Фридрих дер Гросе» продолжал стоять в виду Сворбе, в готовности оказать поддержку 131-му пех. полку; только 16 октября он тоже ушел в Пуциг.

Ирбенский пролив. В ночь на 15 октября было перехвачено русское радио, видимо, со Сворбе, оно оценивало положение там «очень серьезным». Русские просили об усилении их двумя батальонами и о поддержке флотом.

Ввиду этого адм. Хопман продолжал считаться с возможностью активной обороны заграждений русскими.

В 9 ч. 36 м. вице-адм. Бенке стал на якорь с обоими линейными кораблями своей 3-й эскадры «Кёниг» и «Кронпринц» в виду Михайловской башни. Он вернулся из Пуциг удивительно быстро.

Обстановка в Ирбенском проливе была такова.

1. Соединения искателей мин и тральщиков находились еще внутри полей заграждения; I и II заграждения были уже прорва-

ны; прорыв III и IV заграждений завершен еще не был; неизвестно, чего можно было ожидать за IV заграждением.

2. Положение на Сворбе было неизвестно; по последним сведениям, 131-й пех. полк прочно засел перед позицией противника у дер. Анзекюль; быстрого падения Церельской батареи никак нельзя было ожидать; судя по перехваченному радио, русские, казалось, решили упорно обороняться.

3. Курс на Аренсбург проходил столь близко от полуострова Сворбе, что работавшим на нем тральщикам угрожал обстрел из мелкокалиберных орудий береговой артиллерии; в ясную погоду прикрыться было нечем; даже линейные корабли здесь не могли бы ничем помочь.

Командующий «Особым отрядом» адм. Шмидт отдал приказ о прорыве в направлении на Аренсбург лишь при том условии, если Сворбе падет.

Таким образом, казалось бы, незачем было пробиваться через минные поля на этом трудном, а местами и вовсе безнадежном курсе.

Оба адмирала — Бенке и Хопман — пришли к соглашению, что целесообразнее попытаться прорваться южным прибрежным фарватером. Здесь препятствием являлись уже знакомые старые заграждения из затопленных судов; их нужно было обойти. Затем и на этом курсе приходилось действовать на расстоянии 17 миль от Цереля, т. е. в сфере его огня. Выход из-под обстрела в узком фарватере был невозможен. Оставалась единственная надежда, что туманная погода помешает наблюдению с Цереля.

В полдень соединения тральщиков были сняты со своих прежних работ и распределены по отдельным участкам южного прибрежного фарватера, благодаря чему к работе приступили одновременно в нескольких местах. К м. Домеснес, т. е. дальше всего в восточном направлении, была выслана 2-я флотилия тральщиков (3-я и 8-я полуфлотилии), прибывшая только в тот день из бухты Тагалахт.

После того как тральные работы у берега были начаты, адм. Бенке узнал, что слышанный в полдень звук выстрелов шел со стороны 4-й эскадры, обстреливавшей Церель, не отвечавший на огонь. Пожары и взрывы в районе Церль усиливали предположение, что русские отказались от дальнейшей обороны.

Положение на Сворбе выяснилось только после того, как в 16 час. удалось подслушать донесение по радио с 4-й эскадры в штаб морских сил. Донесение гласило:

«Противник оставил Церель, подрывает и сжигает сооружения».

После того как Церельская батарея прекратила свое существование, представлялась возможность энергично двинуть вперед тральные работы на северном курсе в направлении на Аренсбург. Но в этот момент шли уже полным ходом работы на южном фарватере, в которых, правда, принимали участие не все соединения тральщиков. Отданный в полдень приказ прекратить работы на северном направлении и начать их на южном не успел еще дойти

до всех частей, занятых тралением. 3-я полуфлотилия тральщиков, под командой кап. 3-го ранга Гете, продвинулась своими несколькими моторными катерами далеко на север, примерно, до линии м. Менто, но в 15 ч. 30 м. была вынуждена повернуть обратно, обнаружив шедшие навстречу неприятельские корабли. Так как после прохода флотилии предстояло еще протралить минные заграждения, то для прикрытия ее нельзя было выслать вперед ни миноносцев, ни, тем более, крупных боевых кораблей.

Встреченные неприятельские силы оказались линейным кораблем «Гражданин» и 3 эсминцами, шедшими по приказу русского адмирала с Аренсбургского рейда к мысу Церель для разрушения своим артиллерийским огнем находившейся там батареи (стр. 102).

Вечером было подслушано радио со Свербе, в котором просили о присылке флота за гарнизоном.

Хотя и в течение 15 октября не удалось еще обеспечить свободный проход сквозь минные заграждения, все же после падения Церельской батареи обстановка в Ирбенском проливе в значительной мере упростилась. По поведению противника было трудно ожидать, что он предпримет еще что-либо для обороны заграждений. К тому же удалось протралить проход через III заграждение.

Спокойное плавание 3-й полуфлотилии давало основание надеяться, что новых заграждений за IV заграждением больше уже не встретится.

В подобных условиях вице-адм. Бенке решился на прорыв по кратчайшему направлению на Аренсбург, т. е. по северному курсу. Теперь там были использованы для работ все тральные соединения. Проходы через I—III заграждения имели уже ширину от 300 до 600 *м*. Оставалось надеяться, что очень скоро будет проделан проход через IV заграждение, и, следовательно, прорыв будет быстро завершен.

16 октября

131-й пех. полк. Подполк. Фишер назначил на 16 октября атаку всех тех частей противника, которые еще оказывали сопротивление. Он выступил со своим полком в 8 час. и нашел сильно укрепленную позицию у Полли оставленной неприятелем. 11-я и самокатная роты двигались вдоль западного берега через Сюваре.

В 10 час. полк вошел в соприкосновение с русским 425-м пех. полком, который сдался в плен с большею частью офицерского состава. Кроме того, в полдень была захвачена расположенная около Мепа 130-*мм* батарея как раз перед тем, как орудийные расчеты собирались взорвать ее.

Приданная авангарду легкая батарея и подошедшая еще одна тяжелая батарея находились в районе Менто, в готовности открыть огонь по русским кораблям.

Полк захватил в плен 120 офицеров, около 4 000 солдат и громадную добычу, в том числе 49 орудий.

Церельская батарея оказалась небоеспособной. Ни авиационные бомбы, ни залповый огонь с «Гражданина» не смогли ее разрушить. Подготовленные взрывы, за исключением одного, тоже не были приведены в исполнение. Но во всех орудиях недоставало крупных частей затворов, восполнить которые было нелегко. Кроме того, были разрушены почти все электрические центральные посты, снарядные погреба, прожекторы и зенитные пушки. Таким образом, и при более поспешном продвижении 131-го пех. полка все же не удалось бы захватить батарею в боеспособном состоянии.

Итак, о. Эзель окончательно находился в наших руках.

Ирбенский пролив. 16 октября в 5 ч. 15 м. отряд вице-адм. Бенке снялся с якоря в следующем походном порядке:

3-й дивизион тральщиков с заведенными тралами	
4-й дивизион тральщиков	в положении готовности; тралы подготовлены к постановке с поставленными тралами;
3-я полуфлотилия тральщиков	
2-я флотилия тральщиков (3-я и 8-я полуфлотилии)	
«Кольберг» (флаг командующего разведывательными силами восточной части Балтийского моря)	дистанции по 6 кабельтовых; охранение несли 13-я и 10-я флотилии миноносцев
2 тральщика	
«Кёниг» (флаг командующего 3-й эскадры)	
«Кронпринц»	
«Страсбург»	
«Аугсбург»	
Промерное судно с 2 установщиками вех	

Скорость: 7,5 узла.

Караван со снабженческими грузами шел в удалении 5 морских миль.

Но всякий раз, как объявлялось, что фарватер свободен, случалось так, что или вытравится трал или пробьют минную тревогу из-за обнаружения ранее пропущенных мин. Все это обычно передавалось на корабли эскадры, которая шла в непосредственной близости сзади. Только около 11 час. фарватер был совершенно свободен, и, таким образом, прорыв через Ирбенский пролив завершен.

Теперь, повидимому, уже можно было беспрепятственно продолжать плавание в направлении на Аренсбург.

Однако, полученное от командующего «Особым отрядом» радио возлагало на адм. Бенке новую задачу.

Выводы

Открытие Ирбенского пролива протекало одновременно с захватом о. Эзель.

Операция на острове была завершена уже вечером 14 октября, в момент прибытия главных сил 42-й пех. дивизии к Оррисар.

Ирбенский пролив был открыт только утром 16 октября.

Почему флоту не удалось раньше прорваться в Рижский залив и оказать поддержку сухопутным войскам, усматривается из

описания хода боевых действий. Флот сделал все, что было в его силах; но даже железная воля таких людей, как командиры тральных соединений, не смогла «обезвредить» за короткий срок то, что было сделано русскими в течение нескольких лет.

В рассматриваемой здесь части операции «Альбион» трактуется не о решительном сражении и тяжелых боях, о которых стоило бы поговорить. Значение разбираемого этапа операции — в многочисленных уроках, которые можно из него почерпнуть.

Нужно попытаться обосновать, почему русские действовали именно так, а не иначе.

В ответ на просьбу о помощи со стороны гарнизона Свербе адм. Бахирев лично направился туда на броненосном крейсере «Баян» в сопровождении нескольких миноносцев, с целью поднять дух защитников Свербе. На обратном пути в Моон-Зунд он подвергся неудачному нападению германской подводной лодки «UC 78».

Ночью адмирал получил со Свербе новую настойчивую просьбу, в ответ на которую он выслал на следующий день (15 октября) на Аренсбургский рейд линейный корабль «Гражданин» с тремя миноносцами. Утром 2 миноносца приняли участие в бою с 131-м пех. полком. Они, правда безуспешно, обстреляли имение Фихт и во фланг 5-ю батарею. Затем адм. Бахирев приказал разрушить огнем судовой артиллерии Церельскую батарею, так как с минуты на минуту можно было ждать капитуляции гарнизона. «Гражданин» открыл по батарее огонь, но это оказалось излишним, так как комендант Свербе сообщил, что батарея уже приведена в небоеспособное состояние. Приказав миноносцам взять около Менто на борт часть гарнизона острова, «Гражданин» с наступлением темноты вернулся обратно в Моон-Зунд. Ввиду того, что накануне «Баян» был атакован германской подводной лодкой, «Гражданин» шел туда и обратно различными курсами.

В этот день часть русского флота в последний раз входила в Рижский залив. Ощутительного успеха при этом достигнуто не было, и притом не только в районе полуострова Свербе, где в 131-м пех. полку предполагали, что русские спаслись на судах, но и у Аренсбурга.

15 октября в Аренсбург прибыл штаб десантного корпуса, который до тех пор был привязан к штабу флота на «Мольтке». Затем в тот же день на морской аэродром у Аренсбурга перенесли свое базирование самолеты, работавшие раньше с Виндавского аэродрома. Кроме того, в маленький городок направлялись захваченные в течение трех дней тысячи пленных; они находились под охраной одного лишь небольшого отряда 131-го пех. полка, который и без того был раздерган по различного рода нарядам.

Являлось вполне вероятным, что появившиеся на Аренсбургском рейде русские морские силы обстреляют Аренсбург или высадят где-нибудь поблизости на берег десант. Ввиду большого количества пленных для командования могло создаться чрезвычайно нежелательное положение, тем более, что в полдень прибыл

из района боевых действий на восточном побережье острова офицер с донесением о том, что ощущается недостаток в боевых припасах и что русские, видимо, намерены прорваться к Аренсбургу. Против десанта обороняться было нечем, против же русских морских сил могли быть использованы только авиационные бомбы. Самолеты бомбардировали «Гражданина», причем одна бомба в него попала.

* * *

Боевые действия в восточной части о. Эзель продолжались, несмотря на то, что правый фланг со стороны моря не был обеспечен флотом. Кстати, русские на этом направлении ничего не предпринимали.

Аренсбург был занят немцами, однако, русские его не обстреливали. 255-й рез. пех. полк 14 октября после полудня совершал форсированный марш по южному шоссе Аренсбург, Моон, пролегавшему по самому побережью; полк двигался к полю боя у Оррисар. Во время своего движения он не был потревожен ни одним выстрелом русской судовой артиллерии.

Что касается непосредственной поддержки сухопутным войскам в бою за предмостные позиции (как у самой дамбы, так и за выдвинутую вперед), то, пожалуй, об этом не стоило бы вовсе говорить, если не считать дальнего огня судовой артиллерии через о. Моон, что фактически и имело место. Глубина воды южнее дамбы была еще меньше, чем к северу от нее; поэтому подход туда морских сил, например эсминцев, канонерок и даже небольших миноносцев, был затруднителен. Поддержка же русской 107-й пех. дивизии артиллерийским огнем судовой артиллерии с корректированием его самолетами была весьма проблематична.

Остается затем нерешенным вопрос, было ли возможно и целесообразно высадить на берег в юго-восточном углу острова, т. е. на полуостров Кюбосар, подкрепления, взятые со Сворбе или с материка (схема 10). Чтобы избежать плена, было приступлено к отвозу частей гарнизона о. Эзель только 16 октября, что было уже слишком поздно.

Таким образом, если действия русского флота и не могли изменить судьбу гарнизона в восточной части острова, то, будь флот активнее, он мог бы еще кое-что предпринять в смысле выигрыша времени.

Русские в состоянии были это сделать, так как инициатива была в их руках до тех пор, пока Ирбенский пролив был закрыт для германских судов, а Моон-Зунд был достаточно обеспечен со стороны Кассарского плеса.

Между прочим, это имело бы существенное значение для обороны Сворбе и Ирбенского пролива.

Если бы адм. Бахирев принял участие в бою у Анзекюль не 15 октября, а еще 14-го и притом не с двумя только эсминцами, но с двумя линейными кораблями (третий необходимо было оставить в Моон-Зунде) и значительным количеством миноносцев, то

и без того нелегкое положение 131-го пех. полка на перешейке полуострова Сворбе было бы еще более затруднено, и полк понес бы весьма значительные потери. Наблюдение на берегу сильно помогало бы действиям флота. Такого вида поддержка гарнизону Сворбе со стороны флота имела бы не только тактическое, но и моральное значение.

Полуостров Сворбе представлял сам по себе крепость, во главе с отдельным комендантом, которую нелегко было взять. Кроме моря, к нему можно было подойти только по перешейку, оборона которого была вполне по силам одному пехотному полку. Из большого количества батарей некоторые, по крайней мере в южной части полуострова, были, повидимому, на постоянных установках, причем 305-*мм* орудия имели круговой обстрел.

Остается непонятным, почему русские вдруг прекратили сопротивление на Сворбе, несмотря на то, что 131-й пех. полк медленно и осторожно продвигался вперед, а огонь 4-й эскадры мало повредил Церельскую батарею. Командовавший морскими частями и ведавший морскими оборонительными постройками на Сворбе капитан флота Кнюпфер умел крепко держать свои части в руках и мог поднять их дух и обороноспособность. О сдаче, во всяком случае вначале, никто, видимо, не помышлял. Это подтверждается и тем приемом, который был оказан немецкому парламентеру, старшему лейтенанту Оппену.

Часть гарнизона решила продолжать сопротивление. Однако утром 15 октября Церельская батарея прекратила огонь.

Возможно также, что сильное моральное влияние на гарнизон оказали следующие факторы: бомбардировка полуострова 12 и 14 октября германским флотом, хотя существенных потерь не было; разочарование, что огонь Церельской батареи не смог в течение нескольких дней отогнать 4-ю эскадру с ее угрожающей позиции перед Сворбе; последний факт — наступление 131-го пех. полка.

Один из русских авторов, Малинин, приписывает быстрое крушение обороны на Сворбе тому, что не была применена активная оборона Ирбенского пролива. Фактически оборону было намечено организовать дальше в тылу, на более удобном рубеже. Это тотчас же отозвалось на моральном состоянии гарнизона, которому с самого начала казалось, что его покинули на Сворбе, где он чувствовал себя брошенным на произвол судьбы. Подбадривающее радио верховного главнокомандующего и временное присутствие 14 октября «Баяна» и 15 октября «Гражданина» помочь делу больше уже не могли. Растерянность и нервность возрастали. При таком настроении огонь 4-й эскадры, наступление 131-го пех. полка и прибытие парламентера содействовали полному разгрому.

Таким образом, сдача гарнизона Сворбе находится в тесной связи с отсутствием активной обороны Ирбенского пролива.

Почему же русские отказались от нее? Почему они положились только на Церельскую батарею и на минные заграждения, вместо того чтобы, продолжая находиться в безопасности позади своих минных заграждений, мешать производству тральных ра-

бот? Ведь несколько позднее они успешно проделали это в Моон-Зунде. С такой задачей могли справиться эсминцы и канонерки, поскольку германские крейсеры и линейные корабли не могли бы им помешать, так как, находясь на узком фарватере в сфере обстрела с Церель, они представляли бы собой только хорошие мишени.

Русские могли бы также предпринять большею частью своих морских сил удар против эскадры Бенке в период ее развертывания из узкого фарватера в районе минных заграждений. Возможность нанесения подобного удара, имевшего шансы на успех, была упущена. Само собою понятно, что, организуя подобный удар, необходимо было обеспечить себе тыл оставлением части сил в Моон-Зунде, с целью закрытия последнего со стороны Кассарского плеса.

Командующий русскими морскими силами в Моон-Зунде правильно осознал необходимость сказанного. Вице-адм. Бахирев имел намерение воспрепятствовать прорыву германских морских сил. Он предполагал своим флотом, при поддержке Церельской батареи, воспрепятствовать на заграждениях Ирбенского пролива германскому прорыву.

Германцы не должны были пройти через Ирбенский пролив, так как в противном случае это означало бы конец владычества русских в Рижском заливе, а раз так, то вслед за этим были бы потеряны и острова.

После удавшейся высадки в бухте Тагалахт, наступления пехоты на Сворбе и одновременного обстрела полуострова тяжелой артиллерией опасность прорыва через Ирбенский пролив все нарастала. Парализовать ее теперь уже не было никакой возможности, но отсрочить было возможно, если бы немцы были лишены свободы действий. И в этом случае была бы крайне уместна борьба за выигрыш времени.

Адм. Бахирев хотел пойти на эту борьбу и войти со своими силами в Ирбенский пролив, невзирая даже на угрозу неприятельских подводных лодок.

Моральное состояние личного состава русского флота сильно понизилось после того, как русский эскадренный миноносец «Охотник», наткнувшись 26 сентября в Ирбенском проливе на одну из мин, сброшенных германскими самолетами, затонул, и после того, как от попадания авиационной бомбы произошел 30 сентября взрыв склада боеприпасов, повлекший большие потери.

Подавленное и безнадежное настроение росло все больше и больше; войска нервничали.

Правда, 12 октября комендант Сворбе выслал вперед моторные катера, которые вступили в бой с нашими искателями мин и проявили, тем самым, инициативу. Но для ночных действий не удавалось поднять команды даже этих судов.

Ввиду сказанного, адмирал был вынужден отказаться от своего решения. Теперь, раз минные заграждения в Ирбенском проливе остались беззащитными, он стремился хотя бы запереть на возможно больший срок вход в Моон-Зунд.

Выше мы уже говорили о мероприятиях русских для заграждения Ирбенского пролива. Они не повторили здесь ошибки, которую приходилось наблюдать почти везде и которая заключалась в устройстве заграждений в один ряд, параллельно друг другу.

Посредством дополнительных постановок мин в течение войны русские создали очень плотное минное поле, причем особенную неприятность для их противника представляли заграждения, расположенные последовательно одно за другим.

Помимо прочего здесь пришлось иметь дело с двумя новыми, ранее неизвестными типами мин. Первый тип — так называемые «рыбки». Их форма благоприятствовала выскальзыванию корпуса мины из-под тралящего троса; мина при этом легко выскальзывала, почему для вылавливания такой мины требовалось не менее трех свободных подходов к ней. Ввиду того, что мины такого типа ставились несимметрично и большею частью близко к поверхности воды, они являлись особенно опасными для искателей мин. Следующий тип — «жемчужные мины». Эти мины устанавливались одна выше другой; правда, они замыкались одновременно, но взрывы их следовали один за другим.

Чем разнообразнее системы минных заграждений и чем чаще в них вносятся изменения, тем действительнее представляемое ими заграждение и в то же время тем труднее для наступающего производство работ по отысканию и тралению мин.

Германские соединения искателей мин и тральщиков выполняли работу, не щадя своих сил, особенно принимая во внимание, что время не ждало, и, кроме того, работоспособность дивизионов тральщиков быстро падала ввиду необходимости переборки моторов и т. п.

Особенно бросается в глаза, что по количеству и составу минные соединения были слишком слабы. Что это так, сознавали еще в период подготовки к операции. Однако, обстановка в Северном море не позволяла вносить хотя бы кое-какие изменения в состав занятых там соединений траления.

Таким образом, *в будущей войне одной из важнейших задач соответствующих командных инстанций явится составление ясного представления об объеме предстоящих работ по тралению неприятельских мин*, а затем использование или заявка на предоставление соответствующего количества достаточно сильных и пригодных для этого рода работы соединений искателей мин и тральщиков. При этом едва ли можно будет обойтись без помощи специалистов минного дела. Просчет в объеме работ сам по себе очень опасен, и расплачиваться за него придется разочарованиями и неудачами. Нужно помнить, что, *пожалуй, самым важным уроком последней войны является тот факт, что мина изменила лицо морской войны и поставила перед ней ряд новых задач.*

Отныне открытое море больше не свободно для безопасного плавания, маневрирования и беспрепятственного подхода к противнику.

Конница перед атакой высылает вперед «разведчиков», чтобы не наткнуться неожиданно на окопы противника или не попасть в болото.

Использованию танков должна предшествовать тщательная разведка местности.

Аналогичные же условия создает минная война для военно-морских сил.

Правда, в сухопутной войне иногда нельзя успеть разведать местность, например при внезапном столкновении с противником или при необходимости немедленно же использовать благоприятно сложившуюся обстановку; последнее часто случается в бою авангарда.

Точно так же будет и на море. Но если нежелательно действовать «ва банк», то планомерному использованию главных сил в районе, подозрительном в смысле нахождения там неприятельских мин, должны предшествовать работы по отысканию и тралению мин.

Этим самым на неограниченный ранее наступательный способ ведения морской войны как в области оперативного искусства, так и тактики надевается очень стеснительный «тормозной башмак». В итоге значение расчета сильно возрастает по сравнению с риском.

Нужно впредь заботиться о том, чтобы выполняющие самостоятельные задания военно-морские силы или отдельные корабли обеспечивались достаточными охраняющими средствами против неприятельских мин и подводных лодок. Целесообразно, кроме того, высылать заблаговременно в подозрительные районы достаточно сильные соединения тральщиков, причем их отнюдь не следует использовать одновременно для выполнения каких-либо иных заданий.

Вполне понятно, что морской офицер, воспитанный в духе жажды деятельности и беззаветного стремления навстречу врату, тяжело будет переживать стеснения, налагаемые минной войной. Он будет склонен не обращать на них внимания, иначе его терпение будет поставлено перед тяжелым испытанием. Отсюда возникает опасность, что он рискнет на такие мероприятия, которые не считаются с реальной обстановкой или вместо желаемого ускорения дадут как раз обратный эффект.

Крейсеры, а вслед за ними линейные корабли, проникнутые стремлением двигаться вперед и оказать быструю помощь тральщикам, работающим впереди, или же из-за желания немедленно после очистки фарватера прорваться вперед, подходили слишком близко к минным соединениям, а это связано с серьезной опасностью. Боевые корабли в узком фарватере теряют свою маневренность и рискуют, в случае появления неприятельских сил или обстрела с берега, очутиться в весьма тяжелом положении. Кроме того, любая минная тревога, переданная на боевые корабли, вынуждает их к остановке и беспокоит их команды. По тем же соображениям следует всемерно избегать становиться на якорь в районах заграждений.

Сухопутные войска никогда не переходят по мостам или не проходят теснины в густых колоннах, будучи обстреливаемы или при возможности подвергнуться обстрелу. Обычно обстреливаемое пространство преодолевается небольшими подразделениями с достаточными дистанциями и притом быстрым аллюром. Применяют также и такой способ действий: главные силы выжидают, пока высланный вперед отряд не отбросит противника на такое расстояние, с которого тот не будет больше в состоянии обстреливать мост или теснину.

Подобный же способ действий целесообразно применять и на море. Выждав сначала очищения фарватера, следует сразу же итти полным ходом, сокращая тем самым время пребывания в районе заграждений.

При проходе через Соэлозунд 12 и 14 октября миноносцам пришлось действовать именно в таких неблагоприятных условиях.

Изменение курса в районе заграждений требует много времени. Приходится снимать с работы и перебрасывать в новый район тральщиков, а на все это нужно время. При этом может случиться, что некоторые тральщики так и не смогут приступить в тот же день к работе.

Вообще изменять ранее отданные распоряжения, особенно в боевой обстановке, нежелательно. Провести в жизнь новое распоряжение иногда не представится возможным, и в результате возникает путаница. Все это отлично известно каждому солдату и прежде всего ответственным начальникам. Поэтому-то они и не любят изменять свои распоряжения, предпочитая проводить в жизнь ранее отданные, хотя и в менее благоприятных условиях.

Адмиралы Бенке и Хопман утром 15 октября, после тщательного обсуждения, вынуждены были принять ответственное решение о прекращении тральных работ на северном фарватере и об организации их заново на южном. При том понимании обстановки, которая им рисовалась, о чем было в своем месте подробно сказано, они и не могли поступить иначе. Их решение не подлежит критике, хотя следует признать его ошибочным, так как через несколько часов выяснилось, что это изменение было напрасным. Выходит, что в этом случае не было обеспечено взаимодействие раздельно действовавших соединений. Адм. Бенке ничего не было известно о плане адм. Сушона на 15 октября, в противном случае он, безусловно, подождал бы менять намеченный курс. Не будем разбирать, следует ли приписать это упущение перерыву радиосвязи или промаху, допущенному со стороны штаба 4-й эскадры или штаба «Особого отряда». Этот факт, равно как и многие ему подобные, имеющиеся в практике сухопутных войск, лишний раз подтверждает необходимость взаимного ориентирования при любой обстановке, а именно: соседей, старшего начальника и частей, выполняющих общую задачу.

В то же время резко бросается в глаза отсутствие энергичных действий со стороны русского флота. Несравненно проще ставить

мины и закрывать проходы, чем тралить мины. Между прочим, положение русских как обороняющихся было гораздо выигрышнее. Но русские не использовали своего преимущества. Объясняется это тем, что их прежнее упорство в обороне заграждений заметно ослабело.

Если по целому ряду причин нельзя было осуществить активную оборону заграждений при помощи военно-морских сил, то одним из последних средств для обороны и выигрыша времени являлась дополнительная постановка мин в проходах, которые были протралены противником в заграждениях. Подобный способ обороны мог оказаться вполне эффективным, так как помешать постановке мин в темную ночь вообще невозможно. Правда, при описанном выше моральном состоянии личного состава русского флота его нельзя было больше принудить к таким работам. Однако, с чисто тактической точки зрения это упущение являлось грубой ошибкой. Вышло так, что русские, показавшие себя в продолжение трех лет войны специалистами минной войны, не имели возможности тактически это использовать.

Активная оборона заграждений и дополнительная постановка мин были тем более осуществимы, что русские располагали поблизости — на восточном берегу Сворбе — в качестве базы морским районом, так называемым «маневренным плацдармом» («Manövriersack»), единственный доступ к которому южнее о. Абро было легко охранять.

Тот факт, что в ночь с 14 на 15 и в ночь с 15 на 16 октября дополнительной постановки мин не производилось, был на-руку наступающему и имел весьма серьезные последствия для дальнейшего развития военных действий.

Сухопутная операция (мы говорим о полуострове Сворбе) особенного интереса не представляет. Здесь вообще можно было организовать только фронтальное наступление. Для человека непосвященного наступление 131-го пех. полка может, пожалуй, показаться несколько медленным, и можно было думать, что более энергичный удар скорее привел бы к желательному концу. Выше уже говорилось, что конечный результат все равно был бы тот же; правда, прекращения работ на северном фарватере в этом случае можно было бы вообще избежать. А тогда форсирование Ирбенского пролива, пожалуй, можно было выполнить еще к вечеру 15 октября. Но в общем и это, по существу, не оказало бы никакого влияния на ход боевых действий. Разве только о. Моон был бы занят вместо 18 октября 17 октября; в общем же, повторяем, результаты были бы те же. Следует признать, что подполк. Фишер умело руководил боевыми действиями на Сворбе. Он и его полк особенно годились для выполнения поставленной перед ними задачи. Подполк. Фишер пользовался неограниченным доверием своего командира дивизии и вполне справедливо был награжден за боевые действия на Сворбе орденом «Pour le mérite».

Боевые действия на Сворбе скорее имели характер чисто опе-

ративного взаимодействия сухопутных войск и флота, так как в тактическом смысле такого тесного взаимодействия достигнуто не было. Здесь особенно ярко сказалось взаимное влияние сухопутной армии и морского флота именно в оперативном масштабе.

При открытии Ирбенского пролива была поставлена задача: вывести из строя Церельскую батарею и открыть проход через минные заграждения. Первое скорее входило в задачу сухопутных войск, а не флота, поскольку последнему пришлось бы в таком случае вести далеко неравную борьбу.

В общих чертах об этом уже говорилось в главе «Боевые действия на море».

Заметим, кстати, что флоту пришлось бы тогда иметь дело не с береговыми батареями устарелых типов, как в Дарданеллах, но с вполне современной батареей, орудия которой имели значительно большие дальности по сравнению с тяжелой артиллерией германских линкоров. Поэтому-то и понятно стремление вывести из строя Церельскую батарею силами сухопутных войск, которые, нужно думать, могли справиться с этой задачей быстрее, увереннее и с меньшими потерями. Таков один из типичных примеров изменения способов выполнения поставленных задач в обстановке взаимодействия армии и флота. Сухопутное командование в данном случае потребовало появления морских сил в Рижском заливе. Однако, для форсирования Ирбенского пролива необходимо было силами 131-го пех. полка вывести из строя Церельскую и прочие батареи, стрелявшие в восточном направлении. Вызвано это было тем обстоятельством, что принятый курс на Аренсбург проходил вдоль северной части побережья Сворбе, и притом в таком удалении, что имевшиеся там другие сухопутные батареи не только могли серьезно помешать тральным работам, но и вовсе их прекратить.

Своим быстрым наступлением полк выполнил первую часть возложенной на него задачи, отрезав гарнизон Сворбе.

Теперь, наоборот, для дальнейшего наступления 131-го пех. полка желательна была поддержка судовой артиллерии 4-й эскадры. Однако, она так и не была оказана ввиду перерыва радиосвязи.

Тем не менее заслуживает внимания то, что адм. Сушон 14, 15 и 16 октября предпринял все от него зависящее, чтобы добиться связи с 131-м пех. полком какими-либо иными способами. Имело бы смысл, помимо радиосвязи, организовать заблаговременно еще и оптическую связь.

Но остается вопросом, дала ли бы она что-нибудь в данном случае. Ведь для этого команда сигнальщиков должна была находиться на западном берегу, что было столь же трудно выполнить, как и наладить быструю связь оттуда с полком, наступавшим по восточному берегу. Это расстояние было бы слишком велико даже и для самокатчиков, что же касается телефона, то он был еще менее применим.

Итак, в разбираемом случае желательного тактического взаимодействия между сухопутными войсками и флотом не оказалось. Объясняется это главным образом ограниченной работоспособностью и ненадежностью средств связи, а также сложностью обстановки. И все же наступление полка из-за этого не задержалось; оно продолжалось в соответствии с четко поставленной командиром полка задачей.

Нужно считать простым совпадением тот факт, что развязка и на Сворбе и у Оррисар произошла в один и тот же день, так как противник попросту сдался.

4-й эскадре, корабли которой долгое время не принимали участия в боевых действиях, очень повезло в том отношении, что, начиная с 14 октября, она не натыкалась перед Сворбе на минные заграждения. То обстоятельство, что во время первой бомбардировки 12 октября не было обнаружено мин, создало оптимистическое настроение. Будь противник активнее, он, безусловно, поставил бы в соответствующих районах дополнительные мины.

Предпринятая эскадрой бомбардировка не причинила разрушений Церельской батарее. Выше уже говорилось, что батарея сравнительно рано прекратила свой огонь, во всяком случае значительно раньше, чем это вызывалось тактической обстановкой.

Итак, при открытии Ирбенского пролива оперативное взаимодействие сухопутных войск и флота было весьма характерным. Подобно тому как в восточной части о. Эзель на Оррисарской предмостной позиции, так и здесь, на юго-западной оконечности острова, — на полуострове Сворбе и перед ним, — действовали три разобщенные группы различного состава, выполнявшие единую задачу. Эти группы были следующие:

— усиленный 131-й пех. полк на Сворбе;

— 4-я эскадра у западного берега Сворбе;

— разведывательные силы Балтийского моря в Ирбенском проливе.

После того как командованию десантного корпуса была обещана и казалась обеспеченной поддержка флота с левого фланга, т. е. со стороны Кассарского плеса, оно уже больше не настаивало на своевременном появлении флота в Рижском заливе. Первоначально считалось необходимым иметь поддержку флота только в Малом Зунде. Ход боевых действий подтвердил правильность этого. Операция на о. Эзель продолжала развиваться планомерно и без открытия Ирбенского пролива.

И все же отряд адм. Бенке с большим нетерпением ожидал того момента, когда фарватер будет очищен, чтобы войти в Рижский залив и оказать поддержку сухопутным войскам. Это произошло позднее, чем ожидалось. Но там, где войска действительно нуждались в поддержке флота, а именно в Моон-Зунде, флот может считать себя вполне удовлетворенным, что он не опоздал и в нужный момент был на месте.

XV. Прорыв вице-адм. Бенке в Моон-Зунд

16 октября

Во время перехода в Аренсбург вице-адм. Бенке получил в 11 ч. 30 м. следующий приказ:

> «Атаковать всеми силами русские военно-морские силы в Моон-Зунде и Рижском заливе».

Новая задача потребовала и новых мероприятий. Нужно было переменить курс на Моон-Зунд, оборудование же рейда и гавани Аренсбурга для высадки 2-го эшелона транспортного флота поручить как дополнительную задачу части отряда.

Адм. Бенке возложил выполнение этой задачи на крейсер «Аугсбург», шедший в хвосте отряда, придав ему тендер «Блиц», 19-ю полуфлотилию миноносцев, 3-ю полуфлотилию искателей, 4-й дивизион тральщиков и несколько сторожевых катеров; кроме того, к ним должен был присоединиться целиком караван пароходов со снабженческими грузами. Будучи задержан минами, упомянутый отряд прибыл на Аренсбургский рейд только 17 октября.

В 14 ч. 30 м. эскадра Бенке взяла курс на NO, двигаясь в следующем походном порядке:

2-я флотилия искателей мин (3-я и 8-я полуфлотилии)
2 прорывателя заграждений
«Кёниг», «Кронпринц» } линкоры 3-й эскадры
«Кольберг», «Страсбург» } крейсеры командующего разведывательными силами восточной части Балтийского моря
3-й дивизион тральщиков
«Индианола» (матка тральщиков)

} охранялись 16-й и 20-й полуфлотилиями миноносцев

Адм. Бенке стремился возможно быстрее достичь Моон-Зунда. Он выбрал курс, который, согласно русским морским картам и наблюдениям самолетов и подводных лодок, казался наиболее безопасным в отношении мин.

Около 16 ч. 30 м. одна из трех английских подводных лодок, патрулировавших в Рижском заливе, выпустила 2 торпеды в «Кёниг», но обе они не попали в цель.

Возникали новые опасности; обстановка сильно осложнялась. Отряд был вынужден итти сравнительно медленным ходом в связи с производившимися впереди тральными работами. Двигаясь по узкому фарватеру, он был лишен возможности уклоняться от нападений подводных лодок противника; кроме того, охранение его было недостаточно: по существу он охранялся лишь сопровождавшими его миноносцами. Вдобавок, для того чтобы обеспечить связь с Аренсбургом, а оттуда глубже в тыл, приходилось обозначать фарватер баканами. Становиться в таких условиях на якорь и продолжать плавание только после того, как стемнеет, бесполезно, так как обозначенный фарватер служил лучшим указате-

лем направления для нападений неприятельских подводных лодок и для постановки мин.

Чего опасались, то скоро и произошло. Через полчаса «Индианола» получила пробоину от торпеды, выпущенной все той же английской подводной лодкой. Ее пришлось отбуксировать в Аренсбург.

Несмотря на столь серьезную угрозу со стороны подводных лодок противника, плавание продолжалось, и в 20 ч. 30 м. отряд стал на якорь в пункте, лежащем на пересечении меридиана, проходящего через восточную оконечность о. Моон, и параллели, проходящей несколько севернее Аренсбурга.

Адм. Бенке, благодаря своему стремительному движению, добился в этот день того, чего ему хотелось: он вечером 16 октября стоял перед Моон-Зундом и мог с утра 17 октября приступить к организации прорыва в пролив.

Приказ императора, датированный 19 сентября, требовал от флота только закрытия Моон-Зунда. Но отданный в полдень приказ командующего «Особым отрядом» предъявлял значительно более широкие требования: этим приказом ставилась задача атаковать морские силы противника, находившиеся в Моон-Зунде.

Выполнение этого приказа было связано с большими трудностями и требовало от адмирала принятия весьма серьезного и ответственного решения.

Как уже упоминалось, во время морского боя 14 октября на Кассарском плесе на эскадренном миноносце «Гром» была найдена русская морская карта, снабженная важными данными о минных заграждениях и с нанесенными курсами. Почему эта карта не была немедленно представлена адмиралу, разбирать здесь не будем. Адмиралу были переданы по радио важные данные о вновь поставленном противником и до сих пор еще неизвестном минном поле.

Таким образом, оказалось, что имеется два минных поля, расположенных одно за другим. Заграждения занимали большую площадь, особенно по ширине, и запирали с запада на восток глубокий средний фарватер Моон-Зунда. Одним из этих минных полей было уже давно известное заграждение (I), другим — вновь поставленное заграждение (II), расположенное немного южнее.

При прорыве в Моон-Зунд адм. Бенке хотел избегнуть носовой атаки и ходить курсами Ost и W, чтобы, развернувшись бортом, использовать огонь большего числа орудий. Но при таком боевом порядке уже нельзя было оставаться позади заграждения II, так как оттуда артиллерия не могла обстрелять северную часть Куйвастского рейда. При крейсировании же эскадры курсами Ost и W между заграждениями I и II это было возможно. Находясь здесь, артиллерия могла добросить снаряды до Вой и о. Вердер, а, кроме того, являлась возможность обстреливать Моон-Зунд до о. Шильдау. Но прежде всего нужно было проникнуть в этот район, обойдя с востока или запада заграждение II. Обход с востока был сильно затруднен находившимися там банками Ларина и Афанасьева.

Обход с запада был стеснен минным полем, поставленным германской подводной лодкой. Хотя русские и протралили через него проход, но местоположение последнего нам было неизвестно. В результате созданное нами минное поле причиняло большой вред нам же самим, а не противнику. Кроме того, наблюдалось плавание русских судов вдоль берега как в восточном, так и в западном направлении.

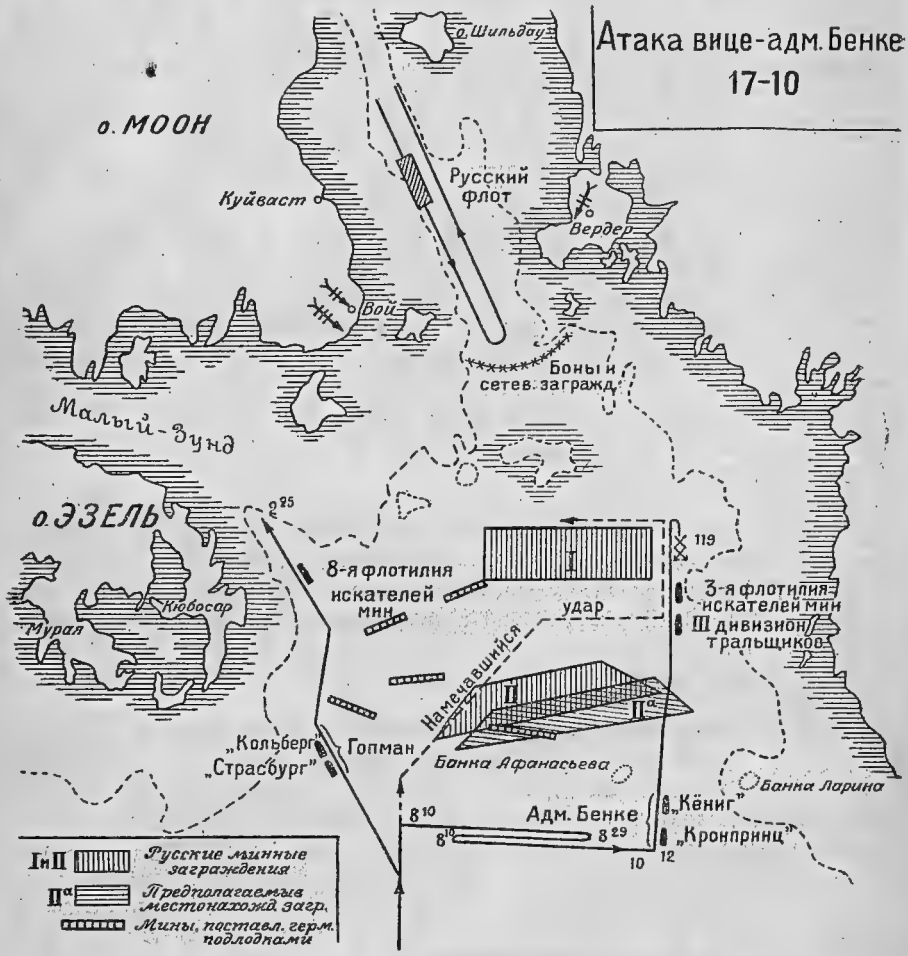

Схема 14. Прорыв вице-адм. Бенке 17 октября в Моон-Зунд

При передаче по радио местонахождения минного заграждения (II) произошло искажение, а именно: десятые доли минут были переданы как секунды (например, 23°26′9″, вместо 23°26,9′, т. е. 23°26′54″). Кроме того, не было придано должного значения уже замеченной ранее разнице нанесения меридианов на русские и германские морские карты. Эта разница достигала 1,2 миль, почему заграждение оказывалось слишком далеко к востоку. Правда, из-

за указанной выше путаницы в минутах эта ошибка была до некоторой степени сама собой выправлена.

В результате адм. Бенке получил ложное представление об обстановке. Считая, что заграждение II расположено восточнее, чем это было в действительности (на схеме показано II[a]), он ошибочно думал, что восточный проход между заграждением II[a] и банкой Ларина имеет слишком незначительную ширину, всего лишь 0,4 морской мили, почему и нельзя пройти его, не задевая дна.

Адмиралу казалось, что на западе условия для обхода заграждения II[a] более благоприятны. По его расчетам, ширина прохода на западе достигала 1,4 морской мили. Он предполагал пройти через проход северным курсом, а затем лечь между заграждениями I и II[a] на восточный курс и завязать огневой бой. Во время последующего плавания предполагалось обойти заграждение I с востока, после чего ходить севернее заграждения I курсами Ost и W.

Таким образом, в навигационном отношении обход заграждения с запада казался легче, чем с востока; кроме того, западный проход был глубже.

Крейсеры должны были войти курсом NW в Малый Зунд, имея целью прикрыть высадку сухопутных войск и принять участие в бою линейных кораблей с неприятельской батареей Вой.

После продолжительного обсуждения адм. Бенке остановился на только что приведенном плане действий и донес в 22 ч. 20 м. командующему «Особым отрядом»:

«Атака рассветом; где сухопутные войска?»

и потребовал высылки артиллерийских самолетов.

Вскоре он получил следующее извещение из «Особого отряда»:

«Сегодня Моон-Зунде 2 Славы, несколько крейсеров и канонерок, 10 эсминцев и много мелких судов».

17 октября

Новое затруднение возникло после получения в 4 ч. 50 м. сообщения по радио об обнаружении еще одного минного или сетевого заграждения, которое, имея длину до 10 миль, пересекало, примерно, с севера на юг оба заграждения I и II (на схеме не показано). Внимание адм. Бенке, естественно, привлекло направление этого нового заграждения. Он искал объяснения в том, что русские, повидимому, хотели воспрепятствовать германским судам ходить курсами W и Ost и тем самым помешать ведению бортового огня. Проверить тогда приведенное сообщение не удалось.

Адм. Бенке считал, что это заграждение, расположенное по направлению с севера на юг, не может быть широким и что его легко прорвать. Имея в виду все перечисленные выше затруднения, адмирал остался при своем прежнем решении — он хотел избегнуть банки Ларина. Однако, он сознавал необходимость быть наготове ко всякого рода случайностям, почему и отдал распоряжение 3-й полуфлотилии искателей мин протралить также про-

ход южнее заграждения IIª, в направлении на банку Ларина, чтобы, если понадобится, прорваться в северном направлении оттуда.

Ввиду того, что теперь пришлось уже тралить проходы для линейных кораблей в двух направлениях, крейсеры оказались без искателей мин и тральщиков. Крейсерам был отдан приказ:

«Держаться под огнем противника возможно дольше или до получения приказа о возвращении».

В 6 ч. 10 м. эскадра двинулась, предшествуемая соединениями искателей мин и тральщиков. Около 7 час. последние уже наткнулись на мины, которые, судя по карте, находились западнее заграждения IIª. Фактически же это был юго-западный конец заграждения II.

Одновременно в северо-восточном направлении были обнаружены 2 неприятельских эсминца, шедшие большим ходом вдоль восточного берега курсом на север. Следовательно, там фарватер был свободен от мин. Эсминцы были обстреляны огнем тяжелой судовой артиллерии.

Вскоре в Моон-Зунде были обнаружены линейные корабли «Слава» и «Гражданин» и броненосный крейсер «Баян». Оба линкора открыли огонь по соединениям искателей мин. Спустя некоторое время открыла огонь батарея Вой.

8-я полуфлотилия искателей мин, шедшая курсом NNW, вперед не продвигалась. Она очутилась в тяжелом положении и попала под огонь русских боевых кораблей и батареи Вой. Ей удалось отойти, прикрывшись дымовой завесой. 3-й дивизион тральщиков, производивший тральные работы позади (южнее) 8-й полуфлотилии искателей мин, тоже попал под обстрел и был вынужден прекратить работы. Русские перенесли огонь еще южнее на миноносцы и крейсеры, которым в свою очередь пришлось отойти, чтобы не изображать собой мишени.

Таким образом, попытка прорваться между заграждениями IIª (II) и минами, поставленными германскими подводными лодками, не удалась, от нее пришлось совершенно отказаться.

Оставался только единственный выход: итти вслед за 3-й полуфлотилией искателей мин восточным курсом южнее заграждения IIª и попытаться пройти мимо самой банки Ларина в северном направлении.

Русские линейные корабли перенесли свой огонь на 3-ю эскадру и очень быстро к ней пристрелялись. Они держались очень умело на границе дальности огня нашей тяжелой судовой артиллерии (20,4 *км*). Положение эскадры было крайне неудачным: она не могла ни приблизиться к противнику, ни, стоя на месте, уклониться от его огня. В журнале военных действий имеется следующая запись:

«Чтобы не дать русским одержать легкий успех, повернули направо на западный курс с целью выйти за предельную дальность неприятельского огня, пока 3-я полуфлотилия искателей мин не протралила участка достаточной длины».

Немного позже 9 час. 3-я полуфлотилия миноносцев двинулась северным курсом мимо банки Ларина. Однако, с прорывом эскадры адмирал решил выждать до тех пор, пока искатели мин не продвинутся на достаточное расстояние вперед.

Командующему разведывательными силами восточной части Балтийского моря (адм. Гопман) был поднят сигнал:

«Я намерен прорваться на восток. Держитесь западной стороны».

Но не прошло и нескольких минут, как флотилия тральщиков вновь крепко засела в минном поле (юго-восточный угол заграждения II). 3-й дивизион тральщиков был использован для работ на том же направлении, чтобы пробиться во что бы то ни стало хотя бы на одном участке. Крейсерам снова пришлось выжидать.

Через полчаса искатели мин опять вышли на чистую воду. Несмотря на прицельный огонь русской тяжелой судовой артиллерии, искатели мин успешно продвигались вперед; этому помогло то обстоятельство, что русскими были оставлены баканы.

Обстрел противником соединений тральщиков требовал вступления в бой линейных кораблей. Но нужно заметить, что выдвижение их в тот момент было бы преждевременным и весьма рискованным. Флотилии тральщиков находились впереди на расстоянии всего лишь 11 морских миль, что являлось далеко недостаточным для того, чтобы использовать для своего удара преимущество в скорости над русскими.

Русские линейные корабли могли бы медленно отойти в северном направлении и, находясь вне досягаемости нашего огня, все же продолжать обстреливать 3-ю эскадру, в то время как та не была бы в состоянии обстреливать противника.

Таким образом, все зависело от того, как долго командир флотилии, кап.-лейт. Дофлейн, находившийся при 3-й полуфлотилии (кап.-лейт. фон дер Марвиц), сможет продержаться со своими катерами под огнем противника.

Несмотря на сильный обстрел артиллерией линейных кораблей и батарей Вой и на о. Вердер, катерам удалось протралить еще участок, протяжением в 5 морских миль до северо-восточного угла старого минного поля (I).

Как раз в этот момент прилетел вызванный артиллерийский самолет и весьма неудачно сел перед самым линейным кораблем, задерживая тем самым переход на быстрый ход. Но затем все решилось в несколько минут. «Слава» и «Гражданин», ходившие в Моон-Зунде с севера на юг и обратно, в этот момент шли как раз в южном направлении. Расстояние между обеими эскадрами очень быстро сократилось до 16 500 *м*. Пришлось все-таки предпринимать атаку, имея противника по носу.

В 10 ч. 13 м. «Кёниг» открыл огонь по «Славе». В нее очень скоро попало 3 снаряда, а за ними последовали новые. «Слава» получила крен.

Через несколько минут «Кронпринц» открыл огонь по «Гражданину», в который попало 2 снаряда.

Затем с «Кронпринца» было установлено, что 1 снаряд попал в «Баяна».

Заметив наступление германского флота, русские начали отходить в северном направлении; однако, было уже поздно. На этот раз русские корабли очутились под обстрелом, который продолжался до того момента, когда в 10 ч. 22 м. была вновь пробита минная тревога, и пришлось перейти на тихий ход. Оба германские корабля в 10 ч. 30 м. остановились у нового минного заграждения на северо-восточном углу прежнего минного поля (I) и продолжали вести только бортовой огонь.

Огневой бой продолжался всего лишь с 10 ч. 13 м. до 10 ч. 40 м.

Адм. Бенке счел нецелесообразным лечь севернее минного заграждения I на западный курс. Он стремился возможно скорее прорваться на север, что ему, однако, не удалось. Несмотря на то, что батареи Вой и на о. Вердер в результате непродолжительного огневого боя были приведены к молчанию и на них были замечены пожары и взрывы, все попытки продвинуться в северном направлении потерпели неудачу. Минная опасность в условиях отхода противника была чрезвычайно велика, к тому же небольшая глубина затрудняла отыскивание и вылавливание мин. Кроме того, неоднократно били тревогу ввиду появления неприятельских подводных лодок. Угроза атаки подводных лодок вызвала на эскадре новое беспокойство; корабли не могли стать на якорь.

Около 14 час. были обнаружены сетевое и боновое заграждения, расположенные в 1 *км* южнее о. Вердер, поперек глубокого фарватера в проливе; это заграждение находилось у острова «Патерностер». Был установлен восточный конец заграждения. Но проходов обнаружено не было. Проход между заграждением и берегом был возможен только для судов с мелкой осадкой, но не для линейных кораблей. 3-й дивизион тральщиков, которому было приказано произвести более точную рекогносцировку, выполнить ее не смог, так как волнение после полудня усилилось.

Недостаточная дальнобойность судовой артиллерии и ее небольшие калибры не позволили крейсерам принять участие в этот день в бою. Адм. Бенке задержал их, чтобы не подвергать их огню с батареи Вой.

Вскоре после того, как обнаружилось, что прорыв между заграждением II и минами, поставленными подводными лодками, слишком труден, адм. Гопман двинул 8-ю флотилию искателей мин в северо-западном направлении, курсом на Кюбосарский маяк. Ему хотелось возможно скорее протянуть руку помощи сухопутным войскам. Тральщикам было приказано, держась у самой границы наименьших глубин, т. е. там, где еще можно было обнаружить мины, втягиваться в северном направлении в Малый Зунд, держась по возможности поближе к берегу, где, по всей вероятности, мин не было.

Крейсеры смогли двинуться, примерно, через час, т. е. в 11 ч. 30 м.

Около 14 час. крейсеры подошли настолько близко к батарее Вой, что смогли открыть по ней огонь. Батарея не отвечала.

Пройдя между минами, поставленными германскими подводными лодками и Кюбосаром, крейсеры вошли в Малый Зунд и в 14 ч. 30 м. стали на якорь. Сопровождавшие их миноносцы прошли еще дальше в Моон-Зунд, чтобы иметь возможность оказать поддержку сухопутным войскам. По наблюдениям летчиков, батарея Вой была брошена, но не разрушена. Десантный отряд в составе 80 чел., под командой лейтенанта флота Кельма, первым высадился на о. Моон и занял брошенную русскими батарею. На следующий день батарея была передана 255-му рез. пех. полку, прибывшему на рассвете из Оррисар на о. Моон и направлявшемуся к восточному берегу острова. Орудия на батарее оказались взорванными русскими.

* * *

Отряд судов (крейсер «Аугсбург», миноносцы и т. д.), выделенный 16 октября южнее Аренсбурга для занятия Аренсбургского рейда, наткнулся на мины и потому мог войти в Аренсбургскую гавань только 17 октября. Ему предстояла задача оборудовать Аренсбургскую гавань в качестве базы для снабжения десантного корпуса и обозначить фарватер в Моон-Зунд. Для этого необходимо было оборудовать световыми навигационными сигналами и баканами вход в Аренсбургскую гавань, южный вход в Моон-Зунд и якорную стоянку для больших судов на Аренсбургском рейде.

Импровизованные маяки на мысе Церель, у Аренсбурга, Кюбосара и на о. Абро, для обслуживания которых вместе с первыми частями были высажены моряки, было приказано срочно включить средствами сухопутных частей связи в телефонную сеть на островах. Они получали распоряжения через десантные морские радиостанции и по телефону. Вслед за тем эти маяки должны были быть оборудованы в качестве морских постов связи.

* * *

Адм. Бенке вполне сознавал необходимость возобновить преследование русской эскадры всеми имевшимися в его распоряжении средствами и по меньшей мере дойти до Куйваст, чтобы окончательно прервать для русских сообщение между о. Моон и материком и обратно. Но все попытки продвинуться вперед потерпели неудачу из-за заграждений и трудных условий плавания.

Обнаруженные днем 17 октября, т. е. в самый день морского боя, боновые и сетевые заграждения вначале вызвали остановку флота. Усиливавшееся волнение делало дальнейшую работу искателей мин и тральщиков невозможной.

Ввиду абсолютно невыясненной обстановки адм. Бенке вынужден был отказаться от предположенного им на следующий день (18 октября) удара. Пока что в Моон-Зунд должны были проникнуть только крейсеры с задачей — оказать поддержку сухопутным войскам, но для этого требовался фарватер глубиной 7 *м*; его-то и нужно было прежде всего очистить.

В 10 ч. 06 м. адм. Бенке двинулся в прорыв в северном направлении.

18 октября

В этот день только одной 3-й полуфлотилии искателей мин удалось под прикрытием 2 миноносцев продвинуться вперед в Моон-Зунде. К северу от о. Шильдау продолжал гореть остов «Славы».

Во время своего продвижения миноносцы помешали переправе русских команд на небольших судах с о. Моон на материк, а также постановке русскими эсминцами новых мин в проливе. Но после появления более крупных русских сил, шедших полным ходом курсом на юг и открывших огонь из орудий средних калибров, нашим миноносцам и катерам пришлось уйти обратно, прикрывшись дымовой завесой.

Севернее бонового заграждения мины обнаружены не были.

Попытка адм. Бенке пройти первоначально хотя бы только с одним крейсером («Страсбург») вслед за 8-й полуфлотилией тральщиков в восточной части пролива потерпела неудачу. Что касается крейсера «Кольберг», то он был еще раньше оставлен в западной части пролива для поддержки сухопутных войск.

Про соединения тральщиков нужно сказать, что они совершенно выбились из сил, причем много судов вышло из строя. Им пришлось устраивать проход через боновое заграждение, тралить фарватер и оборудовать безопасные от неприятельских мин якорные стоянки.

Все перечисленные работы велись в сильную волну, причем тралы, цепляясь за дно, постоянно портились.

В этот день наскочил на мину, поставленную германской же подводной лодкой, миноносец «Т 26». Местонахождение этого заграждения было известно, но оно почему-то не было нанесено на карты.

Но в конце концов удалось найти в боновом заграждении довольно широкий проход, предназначенный для больших кораблей. Проход был закрыт. Утром 19 октября он был открыт на ширину в 20 *м* катером 2-й флотилии искателей мин (кап.-лейт. Дофлейн); глубина в этом месте достигала 14 *м*.

19 октября

После полудня адм. Хопман смог, наконец, со своими 2 крейсерами и 20-й полуфлотилией миноносцев пройти до о. Шильдау и тем самым доказать, что пролив между о. Моон и материком находится в руках германских военно-морских сил. Боевых столкновений в этот день больше не было.

20 октября

Днем на Куйвастском рейде бросил якорь линейный корабль «Кёниг»; ввиду тумана его провела через заграждения 8-я полуфлотилия тральщиков.

XVI. Занятие о. Моон (17 и 18 октября)

Пока адм. Бенке форсировал смелой атакой вход в Моон-Зунд и принудил русских после понесенных ими серьезных потерь к поспешному бегству, в сухопутных войсках велась подготовка к организации переправы с о. Эзель на о. Моон.

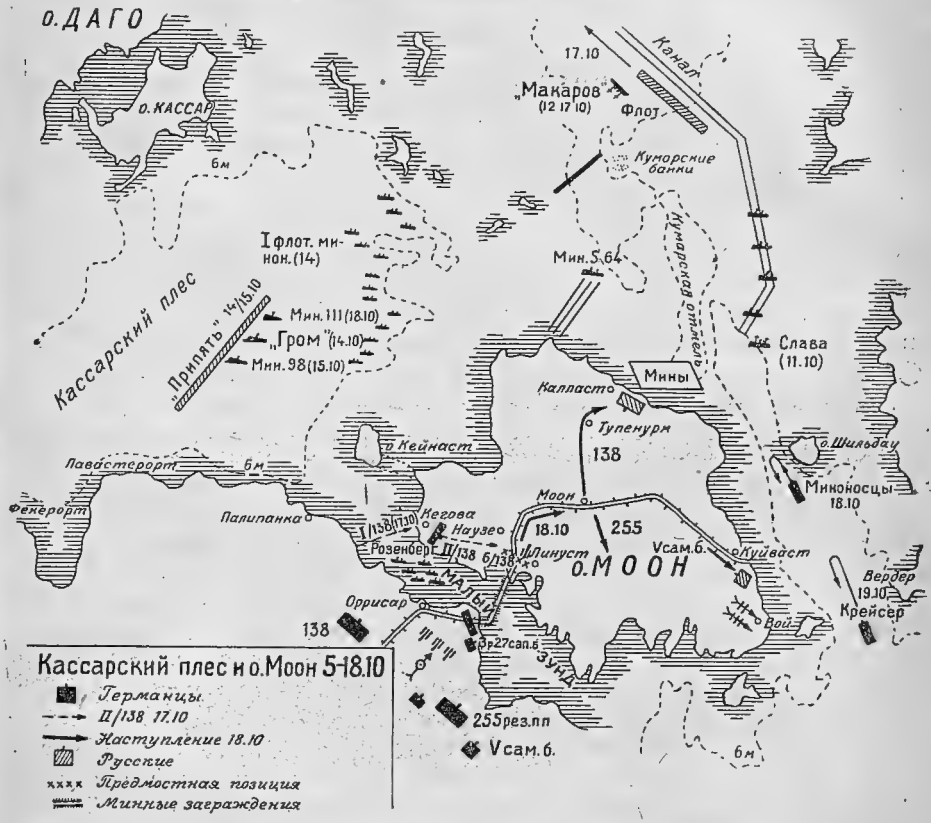

Схема 15. Кассарский плес и о. Моон с 15—18 октября

При разработке плана боевых действий выяснилось, что переправа через Малый Зунд будет чрезвычайно трудной и связанной с весьма значительными потерями, ввиду того, что противник закрепился на западном берегу о. Моон. Поэтому войскам было приказано сделать попытку переправиться на о. Моон на плечах отступавших русских и овладеть островом.

В действительности случилось иначе: путь отступления противнику был отрезан, и он не смог отступить на о. Моон. Но и из немцев туда тоже никто не попал.

На противоположном берегу русские занимали укрепленную позицию, прикрывавшую голову дамбы (схема 15).

Днем 15 октября, уже после сдачи русских на Эзеле, ген. фон Эсторф отдал следующий приказ:

«Если сегодня с наступлением темноты не удастся овладеть о. Моон, приказываю 17-му и 138-му пех. полкам, самокатному батальону и 18-й штурмовой роте, под общей командой полк. Маттиас, переправиться на о. Моон в ночь с 16 на 17 октября».

Переправа по дамбе на о. Моон вечером 15 октября не удалась.

16 октября

Днем 16 октября 18-я штурм. рота, занимавшая предмостную позицию на о. Эзель, и флотилия Розенберга были обстреляны сильным огнем противника с о. Моон. Роте удалось установить связь сигналами с флотилией Розенберга. Рота просила обеспечить ее от огня артиллерии противника, стрелявшей со стороны о. Моон, и предлагала корректировать огонь миноносцев по предмостной позиции на о. Моон при помощи своих дозоров, выдвинутых на дамбу. Огонь противника, повидимому, корректировался наблюдателями, расположенными на западном берегу о. Моон; поэтому вероятные места их расположения были взяты под огонь.

Флотилия всецело работала на 42-ю пех. дивизию, подвозя ей продовольствие, боеприпасы и перебросив саперную роту.

На Кассарском плесе боевых действий в этот день не было. Деятельность русских ограничилась лишь угрозой атаки.

Штурмовая рота и 3-я рота 27-го саперного батальона в течение всего дня были расположены у входа на дамбу в готовности использовать малейшую возможность для того, чтобы переправиться по дамбе на о. Моон.

Выдвинутые днем в направлении на о. Моон дозоры были обстреляны огнем противника и продвинуться вперед не смогли.

Вечером русские в продолжение полутора часов обстреливали весь район Оррисарской предмостной позиции. В обстреле принимали участие орудия тяжелых калибров (240—280-*мм*), повидимому, с батареи Вой или судовой артиллерии боевых кораблей, находившихся в Моон-Зунде. Деревню Оррисар пришлось очистить. Теперь уже известно, что «Слава», стоявшая в Моон-Зунде, обстреливала с большими перерывами каменную дамбу; огонь корректировался наблюдением с воздуха.

Артиллерийская оборона о. Моон была очень сильной.

Пленные захваченного утром дозора, принадлежавшего к составу «батальона смерти», показали, что на о. Моон находятся 7 000 чел. и что 3 орудия и значительное число пулеметов расположены у головы дамбы и могут обстреливать ее на всю длину.

По полученным донесениям, на участке большака, прилегавшего к дамбе, наблюдалось оживленное движение через Наутес и дер. Моон в направлении на Куйваст, расположенный на восточном берегу острова.

Русские, повидимому, перебросили с материка на о. Моон довольно крупные силы. Поэтому 16 октября, вполне естественно, создалось впечатление, что переправа через Малый Зунд возможна только после тщательной подготовки и при условии примене-

ния всех имевшихся в распоряжении командования боевых средств, в том числе и химических снарядов.

17 октября

Для наступления на о. Моон были сосредоточены под общей командой командира 65-й пех. бригады полк. Маттиас следующие части:

138-й пех. полк,
255-й рез. пех. полк[1] (без 1-го батальона),
18-я штурм. рота,
5-й батальон самокатчиков,
1-я, 2-я, 3-я, 4-я, ½ 8-й и 9-я батареи 8-го пол. арт. полка,
7-я батарея тяжелых гаубиц 4-го рез. тяж. арт. полка,
3-я рота 27-го саперного полка,
78-я рез. саперная рота,
½ взвода телефонного отделения,
2 средние и 2 малые радиостанции.

15 октября летчик лейт. фон Кленк произвел смелую разведку о. Моон; результаты ее сыграли большую роль. Несмотря на то, что лейт. фон Кленк был обстрелян неприятельским ружейным и пулеметным огнем и ему пришлось сделать вынужденную посадку около Оррисар, он выполнил поставленное ему задание произвести разведку юго-западной части о. Моон. Руля по воде, он установил возможность использовать для переправы на о. Моон песчаную мель, расположенную между островами Кейнаст и Моон.

Было решено в ночь с 17 на 18 октября средствами флотилии Розенберга и при ее поддержке переправить 138-й пех. полк из Палипанка на о. Кейнаст, после чего полк должен был перейти по песчаной отмели на о. Моон и в ту же ночь развить наступление с севера против неприятельской позиции.

После этого штурмовая рота и 255-й рез. пех. полк должны были утром 18 октября при поддержке артиллерии переправиться на о. Моон по каменной дамбе.

Однако, этот план не был приведен в исполнение.

Несмотря на то, что дамба и Оррисар все еще обстреливались огнем тяжелой и легкой артиллерии, обстановка днем резко изменилась.

Согласно донесениям авиации, на о. Моон были обнаружены только мелкие подразделения противника; более крупных группировок не наблюдалось. В Моон-Зунде около полудня было замечено движение в северном направлении довольно значительного количества транспортов. Напомним еще об имевшихся сведениях об удачных действиях адм. Бенке. Бухта Куйваст была пуста, передвижений на о. Моон почти не наблюдалось. Создавалось впечатление, что остров или очищен, или занят очень слабыми силами.

[1] Патронные и минометные повозки, походные кухни и большая часть верховых лошадей прибыли из бухты Тагалахт только 16 октября, причем конский состав был совершенно измотан.

Командующий «Особым отрядом» и командование корпуса хотели совершить переправу на о. Моон возможно скорее. Артиллерии была поставлена задача обстрелять заградительным огнем восточный берег о. Моон и оказать поддержку эскадре Бенке при ее наступлении против русского флота.

Ген. фон Катен уже в полдень отдал приказ о немедленной переправе на о. Моон.

В 16 ч. 45 м. занявшие огневые позиции батареи открыли огонь. Одновременно 6-я рота 138-го пех. полка приступила к переправе на моторно-гребных катерах не на о. Кейнаст, а прямо на о. Моон в районе Кегова. От огня противника катера были прикрыты дымовой завесой, поставленной миноносцами типа «А», входившими в состав флотилии Розенберга. Не встретив при высадке на берег сопротивления противника, рота немедленно начала наступать против северного фланга предмостной позиции на о. Моон. После короткого боя она заняла неприятельскую укрепленную позицию западнее шоссе, идущего в направлении на дер. Моон.

Остальные подразделения 2-го батальона 138-го пех. полка переправились в том же пункте, где и 6-я рота полка; они немедленно организовали на о. Моон предмостную позицию, которая имела назначением прикрытие высадки последующих батальонов 138-го пех. полка.

Остальным частям было приказано переправиться по дамбе на рассвете следующего дня. Только штурмовая рота должна была переправиться вечером, при содействии 2-го батальона 138-го пех. полка. В сумерки взвод штурмовой роты и пулеметный взвод начали было переправу, но залегли перед головой дамбы, попав под пулеметный обстрел противника. Завязалась перестрелка, продолжавшаяся, примерно, час. Пока что наступление роты казалось не имеющим смысла.

18 октября

Только в 1 ч. 45 м. русские отступили под давлением 6-й роты 138-го пех. полка, наступавшей вечером с севера.

Штурмовая рота энергично преследовала противника и заняла предмостную позицию между Линуст и Наузе, причем были захвачены 2 орудия, обгоревший бронеавтомобиль и 1 пулемет.

Прочие части (5-й самокатный батальон, 255-й рез. пех. полк, 138-й пех. полк без 2-го батальона и несколько батарей) начали переправляться на рассвете на о. Моон, после того как 3-я рота 27-го саперного полка приспособила дамбу и для колесного движения.

Противник не был обнаружен, и колонна продолжала безостановочное движение. Выдвинутый вперед 5-й самокатный батальон наткнулся около Куйваст на довольно крупные силы противника. Последние были обезоружены без боя. Но главные силы противника отошли в северном и северо-восточном направлении.

В тот момент, когда 138-й пех. полк располагался на отдых в районе дер. Моон, имея задачей обеспечить северную часть

острова, поступило донесение от гусарских дозоров, что севернее Тупенурм расположена неприятельская батарея. Вскоре появились в расположении полка русские офицеры и делегаты от солдатского комитета. Повидимому, они были готовы сдаться на любых условиях. Делегаты же «батальона смерти» потребовали разрешения уйти на материк, безразлично с оружием ли в руках или обезоруженными. Они получили на свои предложения лаконический ответ:

«Сдавайтесь! В противном случае в 13 ч. 30 м. последует атака».

Поскольку ответа не последовало, полк в 13 ч. 30 м. начал наступление на широком фронте со стороны дер. Моон по трем дорогам, ведущим в северном направлении. Наступавший в центре 3-й батальон свернул около Тупенурм в северо-восточном направлении на Калласт, где, судя по полученным донесениям, находился сильный противник. Однако, ведя фронтальное наступление, батальон очень скоро залег, будучи обстрелян неприятельским заградительным огнем. И только когда двинутая в обход с юга рота пошла в атаку с фланга, противник сложил оружие.

3-я и 8-я батареи успели принять участие в этом скоротечном бою.

Русские стремились выиграть время, чтобы отойти на материк. Однако их транспорты, доставившие 14 октября подкрепления для о. Моон, после боя 17 октября в Моон-Зунде были вынуждены одновременно с русскими морскими силами спешно уйти на север. Русский эсминец и 6 мелких судов, под прикрытием одной канонерки, получили задачу увезти войска из Калласт. Германские миноносцы, появившиеся в Моон-Зунде, разгадали намерения противника, обстреляли передвигавшиеся вброд к местам стоянки судов сухопутные части противника и одновременно совершили нападение на его суда, как раз совпавшее с атакой 3-го батальона 138-го пех. полка в районе Калласт.

Всего на о. Моон сдались в плен: бригада пехоты, в составе двух батальонов от каждого из 470-го, 471-го и 1-го эстонского полков, и укомплектованный исключительно добровольцами «батальон смерти». Кроме того, было захвачено значительное количество орудий и бронированных автомобилей. Между прочим, батальон прибыл на о. Моон 14 октября с категорическим заданием удержать дамбу в своих руках.

В общем о. Моон был занят нами значительно быстрее и легче, чем этого можно было ожидать, причем германские войска не понесли почти никаких потерь.

Занятием 18 октября о. Моон были исчерпаны задачи, стоявшие перед легкими морскими силами на Кассарском плесе, удачные действия которых были описаны выше, в разделе XIII.

На флотилию Розенберга была возложена дополнительная задача:

«Обеспечить плавание на Кассарском плесе и в южной части Моон-Зунда, имея в виду установление надежного сообщения с Аренсбургом».

Считаем своим долгом еще раз отметить выдающуюся работу капитана 1-го ранга фон Розенберга и его флотилии, которой пришлось выполнять самые разнообразные задания.

Основной задачей флотилии Розенберга являлась борьба с неприятельскими подводными лодками и обеспечение определенных фарватеров или якорных стоянок. Не ограничиваясь этим, флотилия взяла на себя задачу — обследование фарватеров в отношении могущих оказаться на них мин.

Свое участие в операции по захвату Балтийских островов («Альбион») флотилия Розенберга начала с того, что она во время плавания флота шла впереди, оснащенная тралами, и ставила плавучие маяки. Затем главные силы флотилии обеспечивали своими сетевыми заграждениями и приборами для подслушивания район впереди бухты Тагалахт и Соэлозунд от атаки подводных лодок противника. Далее, флотилия перевезла войска, предназначенные для вспомогательного десанта у Памерорт, и высадила их там. Кроме того, десантный отряд флотилии занял южную оконечность о. Даго. После разведки фарватера в Соэлозунд, в Малый Зунд могли проникнуть только небольшие миноносцы флотилии, а именно миноносцы типа «А», имевшие весьма малую осадку. Войдя в Малый Зунд, они смогли поддержать своим огнем войска, ведшие бой у Оррисар, и, кроме того, оказали помощь подвозом боевых припасов и прочих видов снабжения. В довершение всего на судах флотилии Розенберга был переправлен на о. Моон 2-й батальон 138-го пех. полка.

Утром 16 октября командующий «Особым отрядом» донес по команде:

> «Независимо от стремления наших миноносцев к активным действиям, установлению господства на Кассарском плесе мы всецело обязаны целеустремленной и неутомимой работе командира флотилии искателей капитана 2-го ранга фон Розенберга, который в кратчайший срок восстановил навигационные сигналы на этом фарватере, сделав его тем самым пригодным для плавания».

За свои исключительные заслуги Розенберг был награжден по окончании операции орденом «Pour le mérite».

XVII. Разбор операций на море и на суше (с 16 по 18 октября)

Выше говорилось, что русские пренебрегли активной обороной Ирбенского пролива и тем самым выпустили из своих рук один из козырей по обороне Балтийских островов. Адм. Бахирев стремился к такой обороне, но осуществить ее не удалось.

Поэтому попытку русского флота дать бой в Моон-Зунде и запереть его не только чисто пассивными мероприятиями, наподобие Ирбенского пролива, но и активными действиями флота нужно признать дерзкой, но в то же время безнадежной.

Адмирал вполне ясно представлял себе сложившуюся обстановку. Он прекрасно сознавал, что боеспособность германского

флота выше русского. Кроме того, он понимал, что для активной обороны слишком многое уже упущено безвозвратно.

И несмотря на все это, адмирал решил оборонять Моон-Зунд имевшимися в его распоряжении силами. Им руководило желание отстоять честь оружия. Адмирал хотел пресечь в корне распространившуюся среди гарнизона острова панику, показать пример и воодушевить сухопутные войсковые части. Он стремился любыми мерами прекратить беспорядочное дезертирство. При всех условиях гарнизон о. Моон был обязан удержать в своих руках остров,— даже в том случае, если бы германцам удалось продвинуться вперед на материке. В предвидении упорной обороны на о. Моон был сосредоточен годичный запас продовольствия.

Действия адм. Бахирева можно рассматривать именно только с этой точки зрения, но отнюдь не в тактическом отношении.

Адм. Бахирев намерен был упорно оборонять Моон-Зунд, дабы на возможно более долгий срок задержать наступление противника.

Обстановка для русского флота сложилась довольно благоприятно. Углубленный фарватер в проливе обеспечивал флоту достаточную свободу маневрирования. Сильные заграждения, установленные перед входом в пролив, затрудняли подход противнику и надежно обеспечивали пролив от атаки германского флота. Батареи Вой и на о. Вердер могли оказать действительную поддержку своим огнем. Наконец, самое главное, был вполне обеспечен отход флота.

Однако, навигационные знаки своевременно удалены не были, и заграждения не были доведены вплотную до берега; между тем, если было решено больше не выходить, то и то и другое было необходимо сделать.

Помимо сказанного, русские допустили еще ряд существенных промахов. Нет ничего легче и действительнее, как запереть при отходе, хотя бы временно, узкий проход для преследующего противника. Русские миноносцы, поспешно отступавшие утром 17 октября северным курсом между обоими минными полями (II и I) и материком перед надвигавшейся 3-й эскадрой, упустили возможность поставить заграждение в узком фарватере, хотя бы из беспорядочно набросанных мин. Будь это сделано, флотилия искателей Дофлейна не смогла бы продвинуться вперед, а эскадра Бенке была бы задержана на довольно продолжительный срок.

Совершенно иначе обстояло дело в Дарданеллах, где 8 марта 1915 г. в районе огневых позиций союзного флота было поставлено 28 мин, в результате чего союзники потеряли 18 марта 4 линейных корабля.

Береговая оборона, которая именно здесь могла сыграть решающую роль, была далеко недостаточна. Соединениям тральщиков приходилось настолько близко проходить в северном направлении вдоль материка, что их прекрасно можно было обстрелять не только огнем полевой артиллерии, но и из пулеметов. При

условии гибкого использования именно эти огневые средства оказались бы наиболее действительными, так как германская судовая артиллерия ни в каком случае не смогла бы с ними справиться.

По словам Малинина, адм. Бахирев считал, что с началом морского боя дисциплина вновь окрепнет. Перед началом последних боевых действий адмирал выразил свою благодарность кораблям за отличную стрельбу, хотя нужно сказать, что огонь велся преимущественно по тральщикам.

На «Славе» перед последним боем, в результате производившейся накануне продолжительной стрельбы, вышла из строя носовая башня.

В момент открытия огня линкором «Кёниг» «Слава» шла как раз малым ходом южным курсом. По уверенному поведению искателей мин и по хорошо ложившимся снарядам с 3-й эскадры русские почувствовали приближение конца.

«Слава» получила тяжелые повреждения. После первых трех попаданий она накренилась на 8°, и в носовую часть проникла вода. Помещение боевых динамомашин было разрушено; электричество погасло. В результате последующих 5 попаданий возник пожар, который, однако, был быстро потушен.

После того как утром 16 октября был форсирован Ирбенский пролив и эскадра Бенке приближалась к Аренсбургу, ей было приказано выдвинуться к Моон-Зунду.

Интересно проследить, чем вызывалось это новое распоряжение. Фактически эскадре никакой новой задачи поставлено не было, если вникнуть в первоначальный план операции.

На флот была возложена задача обеспечить с правого фланга наступление десантного корпуса на о. Эзель и оказать содействие его переправе на о. Моон. Для этой цели флоту предстояло дойти в Рижском заливе по меньшей мере до Малого Зунда.

Командующий «Особым отрядом» так сформулировал в своем боевом приказе № 2 от 29 сентября 1917 г. задачу флота:

1. Командующему разведывательными силами восточной части Балтийского моря со 2-м, 3-м и 4-м дивизионами тральщиков, 3-й полуфлотилией флотилии Розенберга и приписанными к ним матками, с *«Аугсбургом»*, *«Страсбургом»* и *«Кольбергом»*, с 8-й флотилией миноносцев и 20-й полуфлотилией миноносцев вторгнуться в Рижский залив в направлении на *Аренсбург.*

Задача. Содействие сухопутным войскам при занятии Аренсбурга и т. д.

2. *Командующему «Особым отрядом» с «Мольтке»*, кораблями *3-й эскадры, с командующим соединениями миноносцев, со 2-й флотилией миноносцев, «Наутилусом», 2-й группой прорывателей заграждений и 2-й флотилией искателей мин* двигаться, совместно со свободными разведывательными силами восточной части Балтийского моря, вдоль берега о. Эзель в направлении *Моон-Зунда.*

3. Будет сделана попытка прорваться морскими силами в Моон-Зунд и т. д.

Во время продолжительного подготовительного периода было установлено, что содействие флотом десантному корпусу быстрее можно оказать на северном фланге, со стороны Кассарского плеса.

Само собою понятно, что и на южном фланге содействие флота было не только желательно, но и весьма необходимо,— конечно, при условии, что его вообще можно было здесь оказать.

Под впечатлением быстрого темпа наступления десантного корпуса в течение 12 и 13 октября и слишком медленного хода тральных работ в Ирбенском проливе у командующего «Особым отрядом», естественно, зародилось желание прорваться в Ирбенский пролив. В результате вечером 13 октября был отдан приказ:

«Немедленно попытаться прорваться на Аренсбург».

Очевидно, адм. Шмидту хотелось поскорее дойти со своими силами до Аренсбурга для оказания содействия сухопутным войскам, что и было поставлено в качестве ближайшей задачи.

Однако, к 16 октября обстановка изменилась настолько, что о содействии сухопутным войскам именно в районе Аренсбурга не могло быть больше речи.

Поэтому отданное адм. Шмидтом распоряжение об изменении направления главных сил адм. Бенке, державших курс на Аренсбург, на Моон-Зунд, вполне вытекало из обстановки. Одновременно главным силам была поставлена задача, уже предусмотренная ранее упоминавшимся выше боевым приказом № 2.

Иного мотива для решения адм. Шмидта быть не могло, так как обращения за содействием со стороны сухопутных войск не последовало. Ведь утром 16 октября противник только еще очистил юго-восточный район о. Эзель, главные же его силы сосредоточивались для переправы на о. Моон.

Днем 16 октября германская эскадра взяла курс на Моон-Зунд, несмотря на угрозу как со стороны мин противника, так и его подводных лодок.

Однако русские слишком недостаточно использовали представлявшуюся им возможность причинить энергичными повторными нападениями подводных лодок чувствительные потери германскому флоту во время его плавания в Рижском заливе. Поздно вечером флот стал на якорь перед Моон-Зундом, который имел для флота то же значение, что и каменная дамба между островами Эзель и Моон вечером 15 октября для сухопутных войск.

Флот имел право гордиться, что цель боевых действий на море была достигнута — морские силы одновременно появились как в северной, так и в южной части Моон-Зунда, и притом *раньше*, чем сухопутные войска приступили к занятию о. Моон.

Русский флот был окончательно вытеснен из Рижского залива и уже больше не угрожал десантному корпусу. Остров Моон был окружен с северо-запада, юго-запада и юго-востока, будучи взят в клещи эскадрой Бенке и соединениями миноносцев, действовавшими на Кассарском плесе.

Адм. Бенке имел полную возможность запереть выход из Моон-Зунда в Рижский залив и воспрепятствовать обратному появ-

лению русского флота в Рижском заливе. Однако боевой приказ ставил еще более широкую задачу — совершенно прекратить сообщение о. Моон с материком, дабы гарнизон острова не получал больше поддержки с материка. Для этого необходимо было продвинуться в Моон-Зунде на север и очистить его от морских сил противника.

Итак, предстояло выполнить заключительный этап операции — нанести удар по тыловым сообщениям сухопутных сил, которые только находились под угрозой, но перерезаны не были.

Положение эскадры перед Моон-Зундом в районе минных заграждений и под угрозой нападения подводных лодок противника было весьма неблагоприятное. Но еще тяжелее была обстановка для прорыва в Моон-Зунд. Здесь имелись неприятельские минные и боновые заграждения, подводные лодки, судовая артиллерия и береговые батареи, что усугублялось к тому же тяжелыми условиями плавания при недостаточной глубине[1] для соединений искателей мин. Казалось, что все вместе взятое являлось непреодолимым.

В навигационном отношении определенную трудность представлял проход между рифами и песчаными мелями по незнакомому фарватеру, недостаточно оборудованному баканами, при неточности отметок глубин на картах и, в довершение всего, под огнем противника. Что же касается движения морских сил против береговых укреплений в районе, опасном в минном отношении, то уже одно это представляет едва ли не наиболее трудную и ответственнейшую операцию.

Однако русские упустили возможность хотя бы поспешно заградить небольшим количеством мин свободный до тех пор от них фарватер под самым берегом материка. Уже в период боевых действий оказалось, что борьба с обеими береговыми батареями значительно легче, чем это предполагалось ранее. Из числа двух затребованных артиллерийских летчиков-наблюдателей наблюдения фактически производились только одним, причем этот наблюдатель сообщил лишь об одном попадании. Адм. Бенке пишет в своем дневнике, что хорошее наблюдение было полезно, но без него можно было обойтись, так как местонахождение батареи Вердер было точно установлено по блеску выстрелов, батарея же Вой легко просматривалась. Благодаря сказанному, борьба с береговыми батареями не представляла никаких затруднений.

Нужно, кроме того, считаться и с тем фактом, что потери и неудачи для германского флота могли иметь значительно более неблагоприятные последствия, чем для противника, обладавшего не слишком далеко расположенным военным портом Ревелем — надежной базой флота. Затем противник мог избежать преследования, заградив узкий путь отхода минами или затопив в нем пароходы. Поврежденные же германские суда, вынужденные итти самым малым ходом в удаленные гавани, легко могли стать жертвой неприятельских подводных лодок.

---

[1] Тралы могут быть как следует использованы лишь при глубине в 18 *м* и больше. При более мелкой воде они не в состоянии обеспечить безусловную безопасность от мин.

При описанных выше громадных трудностях и связанном с ними риске адм. Бенке предполагал выполнить стоявшую перед ним задачу окольным путем, а именно: вести огневой бой с русским флотом и береговыми батареями с дальних дистанций и вторгнуться в пролив в зависимости от результатов огневого боя. Но такой способ действий давал выигрыш времени противнику, который получал возможность перебросить подкрепления на о. Моон. Действительная поддержка десантному корпусу могла быть оказана только при условии, если эскадра вытеснит русские морские силы из пролива и сама настолько далеко продвинется в нем, что дальнейшее сообщение между о. Моон и материком станет абсолютно невозможным.

Адм. Бенке принял смелое решение — атаковать и, подобно адм. Шмидту, в ночь с 11 на 12 октября доказал, что на войне самое смелое решение обычно бывает наилучшим. Он осмелился атаковать, веря в высокие качества своих кораблей и их команд, а также будучи уверен в правильности оценки противника.

Столь серьезные и ответственные решения по плечу лишь истинным военачальникам. Именно такой человек стоял во главе эскадры, и смелость его действий увенчалась полным успехом.

Объем подвига как бы умаляется под влиянием того, что противник не проявил кое-где должного упорства. Особенно это относится к батарее Вой, которая имела все данные, чтобы оказать совершенно иное сопротивление эскадре. Но ведь адмирал не мог заранее этого знать, почему вся сумма ответственности за принятое им решение остается на нем в полной силе.

Не только одно решение атаковать привело к успеху; адм. Бенке и в дальнейшем ходе боевых действий показал себя настоящим начальником, сумевшим преодолеть все неожиданно возникшие препятствия. Он не растерялся ни при первом неудачном натиске западнее заграждений, ни в тот момент, когда русские орудия неожиданно оказались значительно дальнобойнее, чем это предполагалось, вследствие чего эскадра Бенке очутилась в очень тяжелом положении. Русские линейные корабли устарелого типа имели на своем вооружении или были перевооружены другими орудиями или же они получили новые лафеты. Противоположные утверждения Малинина противоречат фактически более высокой дальнобойности русской судовой артиллерии.

Адмирал немедленно вышел из положения. Он отказался от бортового огня, в данных условиях невыполнимого, и принял единственно возможное еще решение — подойти ближе к противнику. Это означало использование преимущества в скорости, хотя и при менее действительном носовом огне. Принимавшиеся адм. Бенке энергичные решения, обоснованные притом холодным расчетом, характеризуют его как блестящего флотоводца.

Победа, одержанная утром 17 октября в Моон-Зунде, немедленно же оказала решительное влияние на операцию по захвату о. Моон. Гарнизон острова всего лишь за несколько дней перед тем был усилен переброшенной с материка целой пехотной бригадой, занимал прикрытую с фронта Малым Зундом сильную по-

зицию шириной 3 *км* и, повидимому, был полон решимости оказать упорное сопротивление; однако, в тот момент, когда его пути сообщения с материком оказались отрезанными, гарнизон не выдержал.

Конечно, предыдущие ожесточенные бои за Оррисарскую предмостную позицию, а также упорство, проявленное штурмовой ротой и самокатчиками, тоже оказали влияние на обороноспособность гарнизона о. Моон. Однако, путь его отхода был все же отрезан в результате победы флота в Моон-Зунде.

После полудня 17 октября большое число германских батарей впервые открыло огонь по западному берегу о. Моон, обозначая этим самым предстоявшую атаку. Теперь для завершения разгрома противника оказалось достаточным средствами флотилии Розенберга переправить на о. Моон 2-й батальон 138-го пех. полка. Батальон переправился и в тот же день вечером повел энергичное наступление. Всего этого неприятельские части, дух которых был уже сильно подорван, выдержать не смогли.

Только этим и можно объяснить столь неожиданно быстрое крушение обороны о. Моон.

Таким образом, эскадра Бенке и флотилия Розенберга очень быстро помогли «созреть плоду», который одни сухопутные войска могли бы сорвать только с большими усилиями. Они были освобождены от необходимости вести кровопролитное фронтальное наступление через Малый Зунд, за что и должны быть благодарны флоту.

И снова флотилия Розенберга — на этот раз переправой 2-го батальона 138-го пех. полка — создала необходимые условия для перехода главных сил десантного корпуса на о. Моон. Для последнего при сложившейся обстановке оставался только один способ действий, а именно: фронтальное наступление. Действия по тыловым сообщениям противника могли быть осуществлены только флотом, причем они должны были предшествовать действиям сухопутных войск. Так оно фактически и произошло.

Итак, быстрое и легкое занятие о. Моон является исключительно заслугой флота. Сухопутные войска захватили большое число пленных и богатые трофеи, но эта заслуга принадлежит флоту.

Адм. Бенке был поставлен перед такой же задачей, что и французско-английский флот при прорыве в Дарданеллы: те же сильные береговые укрепления, минные заграждения и позади них противник, преисполненный решимости обороняться. При этом для германского адмирала обстановка была несравнимо тяжелее, так как он не имел свободного и обеспеченного подхода, ему приходилось с большим трудом прокладывать путь в Рижском заливе, полном минами.

Тем с большим правом 17 октября 1917 г., когда было принято смелое и завершившееся успехом решение прорваться в Моон-Зунд, останется навеки памятным днем для флота, и в особенности для бывшей эскадры Бенке.

Моонзундская операция показывает с лучшей стороны действия немецкого флота в части навигационной службы и техники

стрельбы, кроме того, она отличается непревзойденными подвигами германских соединений миноискателей и тральщиков. Вскоре после морского боя адм. Бенке донес командующему «Особым отрядом»:

«Действия полуфлотилий тральщиков и искателей мин под огнем противника были примерными».

Эти «расчистители путей» своей тяжелой и самоотверженной работой среди тысячи опасностей, нередко под неприятельским огнем, не имея к тому же часто возможности отвечать на него, обеспечивали действия прочих соединений флота.

Боевые действия на подступах к Рижскому заливу служат, помимо всего прочего, доказательством *возросшего значения минной войны и того влияния, которое она оказывает на организацию и использование военно-морских сил.* Старый принцип военного искусства как на море, так и на суше состоит в том, что для того, чтобы всякое препятствие могло выполнить свое назначение, оно должно активно обороняться.

Недостаточно только поставить минные заграждения, необходимо, кроме того, помешать работе неприятельских тральщиков. Этого можно было ожидать также и в Ирбенском проливе; поэтому-то для обеспечения работ тральщиков и были привлечены крейсера и миноносцы, усиленные впоследствии двумя линейными кораблями.

Расчеты противника помешать работе тральщиков исключительно огнем Церельских батарей не дали желаемого результата. Своих боевых кораблей русские для этого не использовали. Если бы они это сделали, то одних крейсеров для обеспечения тральных работ, вероятно, было бы недостаточно, и их пришлось бы усилить обоими линейными кораблями, которые попали бы тогда в сектор обстрела Церельской батареи.

Иначе обстояло дело в Моон-Зунде, где русские возложили оборону заграждений не только на береговые батареи Вой и Вердер, но препятствовали тральным работам, а временами и вовсе прекращали их дальним огнем тяжелой судовой артиллерии. Обеспечение работы германских тральщиков обоими линейными кораблями, вероятно, оказалось бы недостаточным, так как русские вели огонь с таких дистанций, на которых сами были неуязвимы.

Боевые действия в Моон-Зунде служат, кроме того, доказательством, что пока противник имеет в своем распоряжении боевые корабли, противная сторона также не может отказаться от них. Нельзя вести успешно морскую войну одними только миноносцами и подводными лодками, если противник в состоянии использовать значительно более крупные калибры судовой артиллерии.

Уместно указать еще, насколько свои же мины могут затруднить действия флота, а подчас и вовсе их прекратить. Например в Ирбенском проливе нельзя было выбрать курса, являвшегося, видимо, кратчайшим, так как поставленные южнее Сворбе гер-

манскими моторными катерами и самолетами мины находились как раз на кратчайшем курсе.

Но мины, поставленные германскими подводными лодками южнее о. Моон, особенно затруднили прорыв в Моон-Зунд 17 октября. Ведь именно из-за них пришлось настолько отклониться к востоку, что искатели мин попали на заграждение II, и пришлось выбирать другой курс мимо банки Ларина.

В дальнейшем немецкие мины особенно сильно помешали продвижению адм. Хопмана в Малый Зунд. На этот факт указывает адм. Бенке в журнале военных действий 3-й эскадры.

И все же по условиям тактической обстановки мины будут ставиться весьма часто,— наподобие того, как на сухопутном театре применяются искусственные препятствия, производится заболачивание местности, устраиваются наводнения, производятся химические заграждения отравляющими веществами и т. п. Между прочим, мы часто склонны переоценивать преимущества, даваемые в данный момент заграждениями, не учитывая тех неблагоприятных последствий, которые они могут иметь впоследствии, препятствуя дальнейшему продвижению вперед.

И даже в тех случаях, когда необходимость дальнейшего наступления будет заранее предусмотрена, никогда нельзя поручиться, что свои же собственные заграждения не затруднят движения войск, а иногда сделают его и вовсе невозможным.

Операция «Альбион» в различные этапы своего развития проводилась в обстановке минной войны. Не нужно принимать как упрек, а считать нормальным явление, что наряду с большими успехами, достигнутыми в этой области, имели место и недочеты как организационного и чисто технического порядка, так и в области боевого использования мин.

Операция в целом содержит чрезвычайно много интереснейших и поучительнейших примеров из области применения мин. *Одной из основных задач морского командования должно явиться не только использование опыта этой операции, но и усовершенствование и развитие на основе его минных средств как в техническом, так и в тактическом отношении.*

XVIII. Даго

После того как в день высадки десанта в бухте Тагалахт и у Памерорт «Байерн» и «Эмден» на рассвете 12 октября привели к молчанию батарею Тоффри, с одного из миноносцев был высажен небольшой отряд, который, взорвав орудия на этой батарее, снова вернулся на миноносец. В то время еще не предполагалось занимать о. Даго.

Но в результате обмена мнениями между штабом флота и штабом десантного корпуса было признано целесообразным занять также и о. Даго. Если бы этот остров оставался в руках противника, то даже несмотря на заграждение минами входа для русского флота в Кассарский плес он представлял бы постоянную угрозу о. Эзель, особенно в районе м. Памерорт. При условии же

владения островами Моон и Даго представлялось возможным обстреливать Моон-Зунд огнем германских береговых батарей на всем его протяжении. Кроме того, вследствие этого создавались новые ворота для проникновения в Финский залив и возрастала угроза берегам Эстонии. Поэтому только после занятия о. Даго можно было быть уверенным, что приняты все меры для надежного обеспечения господства в Рижском заливе. Выполнить новую задачу было сравнительно легко ввиду того, что для этого

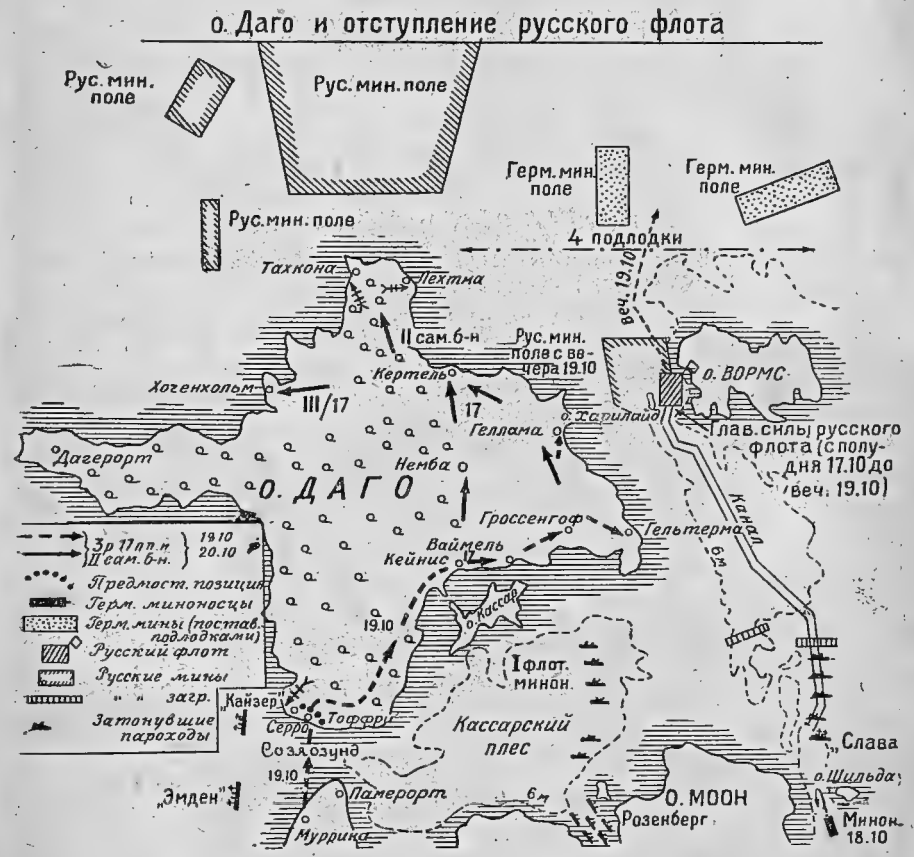

Схема 16. О. Даго и отступление русского флота

вовсе не нужно было значительно усиливать гарнизоны островов.— иными словами, особенного напряжения от сухопутных войск не требовалось. Взвесив все сказанное, командование 14 октября отдало распоряжение о занятии о. Даго.

15 октября

В этот день отряд матросов с флотилии Розенберга, численностью в 300 чел., высадился, под командой кап.-лейт. фон Але-

фельд, на южной оконечности о. Даго у Серро и захватил наблюдательные пункты, с которых русские могли наблюдать за нашими действиями в Соэлозунде и на Кассарском плесе. Отряд быстро оборудовал небольшой плацдарм для обеспечения последующей высадки сухопутных частей. Кроме того, он произвел рекогносцировку у берегов для последующей высадки.

Несмотря на то, что противник не оказал никакого сопротивления во время высадки, положение маленького отряда на о. Даго все же было весьма тяжелым. Противник через несколько часов повел против него наступление, вводя в бой свежие силы. Отряд обратился за огневой поддержкой к «Кайзеру» и «Эмдену», но ввиду слишком ограниченного плацдарма на берегу был вынужден, во избежание обстрела своей судовой артиллерии, несколько податься назад. Кроме того, в связи с тем, что прибытие сухопутных войск было назначено только на 17 октября, пребывание маленького отряда на о. Даго в течение ночи было признано опасным, почему ему и было приказано вернуться под прикрытием огня боевых кораблей обратно на суда. Утром он снова был высажен на берег. Фактически утром было высажено только строго необходимое число личного состава для сигнализации и наблюдения (около 50 чел.), ночью же они находились на рыбачьих ладьях, стоявших на якоре под самым берегом.

18 октября

То же самое проделывалось ежедневно до прибытия, после полудня 18 октября, 2-го самокатного батальона. Противник отступил. За истекшие дни маленький отряд Алефельда понес весьма значительные потери.

19 октября

Для занятия острова был назначен 17-й пех. полк с приданной ему 7-й батареей 8-го арт. полка. Руководство боевыми действиями было возложено на командира 17-го пех. полка подполк. Кавечинского. Упомянутые части прибыли двумя переходами из Оррисар в окрестности Муррик, юго-западнее Памерорт, и на рассвете 19 октября приступили к переправе на о. Даго на двух транспортах, освободившихся после высадки десанта в бухте Талалахт, и на миноносцах.

Вследствие плохой погоды и волнения посадка на транспорты и переправа сильно затянулись. Наступление в глубь острова началось только днем 19 октября. Серьезных столкновений с противником не было, так как русские еще 17 октября начали переправляться обратно на материк.

19 октября 1-й и 3-й батальоны 17-го пех. полка достигли Ваймель, а 2-й батальон — Кейнис.

2-й самокатный батальон был выброшен ночью в Гроссенгоф, причем одна его рота достигла Гельтерма, а другая — Геллама, расположенных на берегу.

20 октября

17-й пех. полк[1] продолжал наступление двумя колоннами в северном направлении: 3-й батальон через Гроссенгоф на Кертель, 1-й батальон по тому же направлению через Немба, 2-й батальон двигался на Гроссенгоф.

Впереди 2-го батальона двигался 2-й самокатный батальон, одна рота которого после боя, продолжавшегося всего лишь один час, принудила около пристани Гельтерма к сдаче отряд русских (450 чел.).

После прибытия 17-го пех. полка в Кертель самокатный батальон продолжал свое наступление и нашел обе береговые батареи (4 орудия 30-*см* и 4 орудия 15-*см*) у Лехтма и Тахкона на северной оконечности острова разрушенными.

3-й батальон 17-го пех. полка свернул от Кертель на запад и дошел в тот же день, не встретив противника, до имения Гогенгольм.

Итак, о. Даго тоже был занят.

Было взято только 750 чел. пленных, но зато было захвачено много трофейного имущества и богатые запасы, особенно на суконной фабрике в Кертель.

* * *

В период между 13 и 15 октября были заняты также оба островка: Руно, расположенный в середине Рижского залива, и Абро, южнее Аренсбурга (схема 1). Заняты они были морскими летчиками, подрулившими к островкам по воде: впервые в истории неприятельская территория была занята с воздуха...

* * *

После того как центр тяжести операции после прорыва в Моон-Зунд и после занятия о. Моон был перенесен из бухты Тагалахт в Рижский залив, точнее в Аренсбург, где находился штаб 23-го корпуса, флагманский корабль тоже был вынужден соответственно изменить свою стоянку. Адм. Шмидт выждал начала высадки 17-го пех. полка на о. Даго и 19 октября прибыл на Аренсбургский рейд на своем флагманском корабле «Мольтке». Руководство боевыми действиями на севере он возложил на командующего 4-й эскадрой.

XIX. Почему русский флот смог уйти в Финский залив?

Вице-адм. Бахирев, как уже говорилось, вполне сознавал всю безнадежность сопротивления. Он принял бой исключительно для спасения чести флота. Сам он и его офицеры в последний раз проявили свое геройство.

Моон-Зунд был очень удобен для отступления: оно ни в какой мере не стеснялось узким углубленным каналом, вдобавок пролив

[1] Из-за шторма переправить 7-ю батарею в течение 20 октября не удалось.

мог легко быть загражден с юга. Таким образом, отступление русскому флоту было обеспечено. После того как через несколько минут после начала боя в «Славу» попало 3 снаряда, разрушивших помещение боевых динамомашин и вызвавших крен корабля, адмирал принял решение избежать неравного боя и отступить.

Русским удалось быстро уйти из-под обстрела германских линейных кораблей, так как наступление, предпринятое адм. Бенке вскоре же после открытия огня, было задержано минной тревогой. Русский адмирал первоначально отдал приказ отходить в направлении на о. Вормс. Одновременно он принял все меры, чтобы недопустить германские суда в Моон-Зунд (схемы 15 и 16).

«Слава» очень быстро садилась носом. Так как вследствие этого она не могла пройти углубленный канал, ширина которого была всего лишь 70 *м*, было предположено затопить ее поперек канала. Однако, корабль успел проплыть дальше на юг, где и сел на мель; теперь оставалось только привести его в полную негодность. Все офицеры и 12 добровольцев из команды оставались на борту до самого конца и покинули корабль только перед самым взрывом снарядных погребов. Вследствие взрыва оторвалась задняя часть корабля. Выпущенные торпеды ничего не сделали, так как взорвалась только одна торпеда из шести выпущенных. Пожар корпуса корабля продолжался целые сутки.

Вместо «Славы» для заграждения канала были использованы 4 парохода, которые настолько преградили канал, что германские крейсера не смогли уже в него войти. Благодаря заграждению канала преследование русского флота стало невозможным.

Некоторое время русский флот находился около о. Вормс в ожидании, пока не будет протрален проход через минное поле, поставленное германскими подводными лодками перед северным выходом из Моон-Зунда. Русский флот окончательно покинул Моон-Зунд только вечером 19 октября.

Несколько германских миноносцев дошли 18 октября до о. Шильдау, а 19 октября днем адм. Хопман прибыл со своими обоими крейсерами на Куйвастский рейд. Но так как вход в канал был прочно прегражден, то для преследования русского флота адм. Бенке это ничего не дало.

В результате *непосредственное* преследование русского флота не удалось благодаря принятым русскими серьезным пассивным заградительным мерам и неблагоприятным условиям плавания в Моон-Зунде.

Уместно задать вопрос, нельзя ли было преградить русскому флоту путь отхода кружным путем, а именно — со стороны Кассарского плеса или еще севернее — в обход о. Даго. Для этого не нужно быть большим стратегом, а достаточно лишь взглянуть на схемы 10 и 15. Такой план действий, казалось, был бы весьма прост и выполним.

При обсуждении поставленного вопроса необходимо, однако, принять во внимание условия плавания, о чем было подробно сказано выше, в разделе IV.

Еще 13 октября командующий «Особым отрядом» потребовал,

чтобы капитан 1-го ранга фон Розенберг вторгся в Моон-Зунд с 6 миноносцами типа «А» из состава своей флотилии и предпринял минную атаку против неприятельских судов, стоявших на Куйвастском рейде. Миноносцы типа «А» были особенно пригодны для этой цели, благодаря быстроходности, нефтяным двигателям и связанной с этим возможностью итти без дыма. Задача была не из легких, хотя на захваченной на русском миноносце «Гром» карте и были нанесены имевшиеся в Моон-Зунде минные заграждения. И все же плавание в Моон-Зунде было связано с большими трудностями.

По своей конструкции миноносцы типа «А», обладавшие малой осадкой, чрезвычайно годились для выполнения поставленной задачи, но они не имели ни необходимого оборудования, ни соответствующего личного состава. Немедленно были приняты нужные меры для их дооборудования, но время было упущено.

Флотилия искателей Розенберга предназначалась совершенно для иных заданий, и использовать ее для минных атак вовсе не предполагалось. Командиры входивших в ее состав судов не были подготовлены к ночным минным атакам.

После вторжения в Малый Зунд, днем 14 октября, флотилия Розенберга была к тому же использована для поддержки сухопутных войск, ведших бой у Оррисар. На нее был возложен не только обстрел дамбы и противника, находившегося на о. Моон, но и подвоз боеприпасов. По этой причине она не смогла выполнить поставленную ей задачу вторжения в Моон-Зунд.

В полдень 16 октября командующий «Особым отрядом» отдал следующий приказ:

> «С наступлением темноты атаковать всеми силами русские морские силы в Моон-Зунде и Рижском заливе. Использование миноносцев типа «А» лишь после выполнения поставленной им задачи в Малом Зунде».

Отдача приказа приблизительно совпала с тем моментом, когда адм. Бенке двинулся со своими силами из района южнее Аренсбурга к Моон-Зунду.

Приказ этот, касавшийся 3-й эскадры, разведывательных сил восточной части Балтийского моря и 1-й флотилии миноносцев, не мог быть, или, вернее, пока еще не мог быть ими выполнен. И 3-я эскадра и разведывательные силы восточной части Балтийского моря шли курсом на Моон-Зунд.

Что касается полуфлотилий 1-й флотилии миноносцев, то в составе их находились слишком крупные типы миноносцев, а кроме того, эти полуфлотилии были нужны для несения службы охранения.

Для ночной атаки, в условиях наличия мин и при мелких глубинах, требовалось полное использование средств этих флотилий, но ввиду ряда прочих заданий это было невозможно. Так, если взять миноносцы типа «А», то они были вынуждены остаться в Моон-Зунде, ввиду того что командование 42-й пех. дивизии наметило на 16 октября переправу 2 000 чел. на о. Моон,

Коммодор Гейнрих вполне резонно воздержался от выполнения этого приказа, поскольку обстановка во всех ее деталях не была известна командованию «Особого отряда». Выполнение задания последнего было по плечу только миноносцам, глиссерам и минным катерам.

17 октября, после боя с отрядом адм. Бенке, русские морские силы отошли из Моон-Зунда в северном направлении. Согласно полученным адм. Гейнрихом на Кассарском плесе донесениям, можно было предполагать, что русские смогут еще отбуксировать разбитую «Славу», находившуюся в тот момент вблизи о. Шильдау. Дабы лично убедиться в этом, коммодор Гейнрих в 15 час. вышел на миноносце «V 100» в восточном направлении, однако, вскоре миноносец попал под обстрел «Макарова» и канонерок. Эсминцы огня не открывали, повидимому, они ставили минное заграждение. Неизвестно было, имели ли целью работы, производившиеся на «Славе», уменьшение ее осадки, чтобы сдвинуть ее с места, или же предполагалось ее затопить и преградить тем самым вход в Моон-Зунд. Коммодор Гейнрих хотел во что бы то ни стало, невзирая на возможные потери, помешать уйти «Славе». Кроме того, он намеревался своим наступлением воспрепятствовать бегству русских на материк. Поэтому он приказал командиру 13-й полуфлотилии атаковать ночью тремя миноносцами «Славу». Миноносец «S 64» вскоре наткнулся на мину и затонул. От атаки пришлось отказаться. Тяжелые условия плавания оказались сильнее, чем твердая воля командира.

Сухопутные войска также решили принять участие в операции флота (схема 16). После морского боя в Моон-Зунде, имевшего место 17 октября, ген. Гутье сразу осознал возможность уничтожения русского флота в самом Моон-Зунде. Он потребовал немедленного использования дальнобойных орудий, стоявших на о. Даго, для обстрела северной части Моон-Зунда, чтобы отрезать русским морским силам путь отступления. Однако, обстановка не давала возможности организовать переправу на о. Даго. Только в ночь с 19 на 20 октября две самокатные роты достигли восточного берега о. Даго, когда русский флот уже успел покинуть Моон-Зунд. В довершение всего и 20 октября из-за сильного волнения не удалось переправить на о. Даго полевую батарею.

Со стороны Кассарского плеса в период с полудня 17 октября до полудня 19 октября также ничего не удалось предпринять. Адм. Бахирев очень искусно прикрыл отступление своих сил из южной части Моон-Зунда не только с юга, но и с запада. Крейсер «Макаров» и канонерки, стоявшие севернее Куморских банок, в течение истекших суток отбили своим огнем все попытки немецких миноносцев проникнуть в Моон-Зунд. Ночью опасные направления настолько надежно обеспечивались канонерками, что туда не смогли проникнуть даже суда с мелкой осадкой. Все пригодные для плавания направления, имевшиеся в этом вообще мелководном районе, не исключая и «чулка», были сильно заминированы, причем в некоторых местах минные заграждения были поставлены в три ряда, однако, с таким расчетом, что оставался

свободный проход для пропуска судов с войсками, возвращавшимися обратно с о. Моон на материк. Якорная же стоянка у о. Вормс была закупорена буквально герметически, в том числе и против атак миноносцев.

Таким образом, командование русского флота приняло все меры для надежного обеспечения отхода флота, причем этому благоприятствовали условия плавания в этом районе, затруднявшие в то же время плавание германских морских сил.

Следует сделать оговорку: отнюдь нельзя упрекнуть командование германских военно-морских сил в недостаточной дальновидности или решительности, а команды судов — в отсутствии порыва и способности выполнить задание.

Вторжение флота на Кассарский плес преследовало цель оказать содействие сухопутным войскам, действовавшим в районе Малого Зунда. Перед выполнением этой цели должно было отойти на задний план желание одержать победу над русскими морскими силами в Моон-Зунде.

В результате, оперативное взаимодействие двух самостоятельно действовавших групп флота, а именно — эскадры перед Моон-Зундом и легких сил на Кассарском плесе, не могло быть осуществлено до конца. Обе группы могли лишь, образно выражаясь, обменяться поклонами, но не рукопожатием. Клещи были раскрыты, сжать же их было нельзя.

Оставался лишь один способ уничтожения русского флота — движением на север в обход о. Даго.

Согласно донесениям адм. Бенке от 17 октября, приходилось считаться с тем, что русский флот не отступит без боя, а будет последовательно отходить северным курсом. Представлялось возможным заставить его принять бой, отрезав одновременно ему путь отхода.

Командование «Особого отряда» вечером 17 октября отдало приказ командующему 2-й разведывательной группой произвести разведку фарватера, пригодного для плавания боевых кораблей, предоставив ему для этой цели 4-ю полуфлотилию искателей мин и 2-й дивизион тральщиков.

Перед северным выходом из Моон-Зунда уже находились наготове 4 подводные лодки, которые успели к этому времени поставить минные заграждения; однако, последние не были прикрыты артиллерийскими средствами. Воспрепятствовать тральным работам противника подводные лодки не могли.

Количество искателей мин и миноносцев, которые могли быть предоставлены для выполнения указанной выше задачи в северных водах, было незначительно. Кроме того, давали уже себя чувствовать потеря довольно значительного числа миноносцев, а также переутомление личного состава. Для организации переправы сухопутных частей на о. Даго были крайне нужны мелкие суда; в довершение всего на Кассарском плесе были вновь обнаружены мины.

Невзирая на все сказанное, соединения тральщиков приступили 18 октября к своей работе, но напрасно, так как этому препятствовало сильное волнение. 19 октября 4-я полуфлотилия искателей мин продвинулась севернее Дагерорт.

Однако предпринятая операция на этом и закончилась; выполнение ее было возложено на адм. Сушона, имевшего в своем подчинении 4-ю эскадру, 2-ю разведывательную группу (легкие крейсера) и сверх того флотилии миноносцев и искателей мин. В тот же день вечером был получен приказ морского генерального штаба о прекращении операции. Считалось необходимым возможно скорее вернуть линейные корабли в Северное море, дабы надежнее обеспечить себя против всякого рода неожиданностей. Почти одновременно были получены донесения от подводных лодок о последовавшем днем уходе русских морских сил из Моон-Зунда.

Русским удалось во-время проложить себе дорогу через минные заграждения, поставленные германскими подводными лодками. Они благополучно ушли в Финский залив. Что же касается германских подводных лодок, то возможности действия их против русских морских сил были крайне ограничены ввиду того, что они подвергались налетам русских самолетов. При своем отходе вечером 19 октября из Моон-Зунда русский флот успел запереть минными заграждениями пролив также и к западу от о. Вормс. В конечном результате русский флот предпринял буквально все, что было в его силах, для того чтобы сделать Моон-Зунд непригодным для плавания германских судов.

Подведем теперь окончательные итоги.

1. Непосредственное фронтальное преследование эскадрой Бенке не могло быть осуществлено из-за сильных заграждений, которые позволили ей продвинуться вперед только 19 октября и то лишь до Куйвастского рейда.

2. Удар миноносцев со стороны Кассарского плеса днем был невозможен из-за огня значительно более сильной русской судовой артиллерии, ночью же этому препятствовали чрезвычайно трудные условия плавания; что касается миноносцев типа «А», имевших меньшую осадку, то они для выполнения подобной задачи были непригодны.

3. Для совершения обходного движения мимо о. Даго с севера флотилии миноносцев и соединения тральщиков могли быть предоставлены только с весьма большим запозданием, благодаря тому, что из-за сильного волнения нельзя было своевременно проложить свободный от мин фарватер.

Несмотря на исключительные действия флота во время операции «Альбион», несмотря на все достигнутые успехи, на высокую подготовку и на постоянное стремление действовать решительно, флоту не суждено было добиться окончательного результата, который при любых боевых действиях должен быть увенчан уничтожением противника,— в данном случае русских морских сил. Произошло это не по собственной вине флота, а в силу создавшейся обстановки. В условиях общей обстановки в восточной части Балтийского моря и при абсолютно пассивном способе действий русского флота едва ли было возможно надеяться на его уничтожение и вообще вряд ли это было выполнимо.

Во время Эзельской операции осенью 1917 г. флоту и не ставилось столь широкой задачи. В том же объеме, в котором задача

была поставлена, она была разрешена полностью, своевременно и блестяще.

* * *

Рассмотрим коротко, в пределах сказанного, действия германских подводных лодок.

Произведенная разведка бухты Тагалахт за несколько дней до начала операции дала командованию ценные данные.

Две подводные лодки накануне высадки десанта обеспечили путем пеленгирования отправные данные для прокладки курса и безопасного плавания флота.

В период операции:

— одна подводная лодка несла службу охранения западнее о. Даго, у Дагерорт, для обеспечения бухты Тагалахт;

— две подводные лодки несли службу охранения в Рижском заливе (одна — в северо-западной его части, другая — перед южным входом в Моон-Зунд);

— три подводные лодки несли службу охранения перед северным выходом из Моон-Зунда, причем они поставили там мины.

Обеим подводным лодкам, находившимся в Рижском заливе, не повезло. Подводная лодка «С 78» имела намерение атаковать линейный крейсер «Баян» при его возвращении 14 октября от Сворбе в Моон-Зунд. Ввиду того, что самолет противника сбросил на нее бомбы, ей пришлось уйти на большую глубину и отказаться от атаки «Баяна».

Когда на следующий день (15 октября) в виду Аренсбурга и Менто (на Сворбе) появился «Гражданин» в сопровождении нескольких миноносцев, подводная лодка «С 57», стоявшая у входа в Моон-Зунд, получила приказ атаковать «Гражданина» на обратном курсе, вероятно, в ночь с 15 на 16 октября. Один из русских эсминцев обнаружил подводную лодку и атаковал ее, помешав тем самым ей выполнить задание.

После того как русский флот начал днем 19 октября свой отход от о. Вормс, окончательно покинул Моон-Зунд и взял курс в Финский залив, русские самолеты препятствовали действиям германских подводных лодок, бомбардируя их подводными минами.

Спрашивается, почему подводные лодки не имели такого же полного успеха, как прочие части флота.

Лично я объясняю это способом использования подводных лодок, находившимся в прямом противоречии с самим существом подводных лодок. Последние являются чисто наступательным оружием, которое должно обладать свободой передвижения, так как только при этом условии подводные лодки могут действовать успешно. Подводным лодкам должно быть предоставлено право самостоятельного выбора объектов нападения и способа действий в указанном для них районе. В силу присущей подводным лодкам чрезвычайно слабой обороноспособности и их чрезвычайно большой уязвимости, вся сила подводных лодок кроется в их *плавании под водой*. Если же посадить их на цепь, т. е. прикрепить к более или менее ограниченным пунктам, поставив им задачи по наблюдению

или охранению, то они рано или поздно будут обязательно обнаружены противником. Понятно также, что противник, в свою очередь, сосредоточит все имеющиеся в этом районе средства борьбы против находящихся в выжидательном положении подводных лодок и сможет помешать их атакам, особенно если дело идет об очень коротком плавании по вполне определенному курсу, что фактически и имело место при отступлении русского флота из Моон-Зунда.

Сказанное не означает, что подводные лодки у о. Эзель были использованы неправильно. Конечно, на них можно было возложить иные задачи. Возложенные же задачи были неблагодарны и едва ли могли увенчаться более крупным успехом.

Что касается мин, поставленных нашими подводными лодками перед южным и северным выходами из Моон-Зунда, то они сравнительно мало помешали действиям русских, но зато для нашего вторжения в южную часть Моон-Зунда они создали весьма неприятные затруднения.

Кстати нужно заметить, что и русские (английские) подводные лодки тоже имели не лучшие результаты, особенно против эскадры адм. Бенке в период ее плавания в Рижском заливе 16 октября.

XX. Оперативный момент

При разборе отдельных этапов Моонзундской операции мимоходом приходилось касаться и оперативного момента, а именно — при разборе военных действий как на суше, так и на море против о. Эзель, у Оррисар, на Кассарском плесе, при форсировании Ирбенского пролива и в районе о. Моон; в то же время говорилось и о взаимодействии сухопутных войск и флота. Мы считаем необходимым разобрать теперь операцию в целом. Мы это делаем из тех соображений, что *изучение этой операции весьма поучительно и интересно.*

Прежде всего обращают на себя внимание следующие два неоспоримых факта:

— оперативное взаимодействие армии и флота и

— действия по тыловым сообщениям.

Сухопутные войска и флот одержали тактические успехи в разные дни и в различных пунктах — и на островах и на омывающих их водах. Эти тактические успехи и привели к успешному завершению всей операции.

Но с точки зрения операции в целом они дали столь большой результат благодаря тесному взаимодействию сухопутных войск и флота.

На первом этапе — на о. Эзель — особенно резко выявились оперативные особенности действий десантного корпуса, а именно:

— одна группа ведет наступление из бухты Тагалахт на юг в направлении на Сворбе;

— главные силы наступают из бухты Тагалахт на восток, совершая, таким образом, эксцентрическое наступление;

— разделившись, главные силы взаимодействуют с группой Винтерфельда,

— а затем, объединившись, они совместно действуют на поле боя, т. е. совершают концентрическое наступление.

На втором этапе — перед о. Моон и на самом острове — переправа 2-го батальона 138-го пех. полка на северо-западную оконечность о. Моон и давление на неприятельский северный фланг представляют операцию мелкого масштаба; в общем же на о. Моон велось лишь чисто фронтальное наступление.

Действия на суше, т. е. на островах, сопровождались действиями на море, причем последние составляют на протяжении всех этапов боевых действий на суше одно целое, начиная от бухты Тагалахт и распространяясь в дальнейшем:

— с одной стороны, через Соэлозунд на Кассарский плес до Моон-Зунда и Малого Зунда;

— с другой стороны, на морской район перед Сворбе, через Ирбенский пролив и Рижский залив до Моон-Зунда.

Нужно отметить ту характерную особенность, что операционное направление Либава, о. Эзель не закончилось в месте высадки, т. е. в бухте Тагалахт, но раздвоилось там и удлинилось. Начиная от бухты Тагалахт, ставшей новой базой, образовались два новых операционных направления, охватывавших острова, причем оба они вновь сошлись у Моон-Зунда.

В разбираемой морской операции крупного масштаба находят свое отражение взаимодействие морских сил с десантным корпусом, а равно и взаимная поддержка, именно:

— легкие морские силы на Кассарском плесе прикрывают боевые действия на берегу Оррисар, причем флотилия Розенберга оказывает тактическую поддержку сухопутным войскам;

— взаимодействие пехотного полка, 4-й эскадры и отряда вице-адм. Хопмана или Бенке на полуострове Сворбе и перед ним;

— содействие флотилии Розенберга десантному корпусу у о. Моон и энергичное наступление эскадры Бенке.

Обычно в действиях на море *тактический* элемент превалирует над оперативным, причем на морскую стратегию почти не обращается внимания; в данном же случае было как раз наоборот. В разбираемой операции именно предстали во всем их объеме элементы *морской стратегии*, причем последняя явилась основой, тактика же отошла на задний план.

Таким образом, разбираемая операция характерна не решительным ударом и конечным успехом, а оперативным взаимодействием всех разнообразных групп и частей армии и флота в их общем стремлении к достижению единой цели.

Занятие островов Эзель и Моон является характерной *операцией по тыловым сообщениям* противника, что при успешном ее выполнении всегда дает крупные результаты.

На о. Эзель это проводилось сухопутными войсками в форме наступления отряда Винтерфельда до Оррисарского предмостного укрепления и выказанного отрядом упорства до подхода форсированным маршем 42-й пех. дивизии.

На о. Моон оно проявилось в действиях флота в форме наступления, предпринятого эскадрой Бенке, дошедшей до Моон-Зунда, и, кроме того, в атаке, предпринятой уже в самом проливе.

Полное пленение в обоих случаях стало конечной судьбой противника; так было и в 1870 г. под Мецем и Седаном.

XXI. Перевозка войск, высадка и выводы

В первый день удалось высадить в бухте Тагалахт следующие части: 4 пех. полка (11 батальонов), 5 самокатных батальонов, 3 батареи, всего 530 лошадей и 100 повозок.

Дальнейшая высадка орудий, лошадей и повозок производилась не тем темпом, как это было желательно. Вследствие неблагоприятной погоды производство высадки в последующие дни было крайне затруднено, а временами она была и вовсе невозможна, причем заметно уменьшилось количество высадочных приспособлений. В дополнительном пункте высадки у Памерорт удалось выгрузить оба полевых орудия только днем 14 октября. Их отсутствие заметно давало себя чувствовать.

И все же, невзирая на все трудности, вызванные плохой погодой и выявившейся необходимостью внесения некоторых изменений уже в процессе самой высадки, установленный для нее четырехдневный срок был превышен не намного. Уже вечером 15 октября в Либаву вернулись 6 пароходов за вторым эшелоном, высадка которого была назначена в Аренсбурге. Такое решение было вызвано желанием предохранить второй эшелон от атаки неприятельских подводных лодок.

17 октября вышли в Аренсбург еще 7 пароходов, имевших на борту мортирную батарею[1] и разного вида грузы.

Скорейший перенос базы в Аренсбург был необходим ввиду больших расстояний и плохого состояния дорог на о. Эзель.

18 октября вышли еще 4 парохода с войсками, предназначенными для высадки на о. Даго.

Транспортный флот прибыл, не понеся никаких потерь[2], вовремя в бухту Тагалахт. Точно так же благополучно были совершены: переход части транспортного флота в Аренсбург, обратный переход другой его части в Либаву и перевозка второго эшелона в Аренсбург. Большая заслуга в этом принадлежит контр-адм. Рейтеру, командовавшему 2-й разведывательной группой и обеспечивавшему транспортный флот своими крейсерами и приданными миноносцами.

Всего же, считая переброску войск на о. Даго и обратную их переброску в Либаву, было перевезено: около 58 400 офицеров и солдат, 13 200 лошадей, 3 500 повозок и 8 500 *т* различных грузов.

Громадная работа, выполненная командами пароходов под энергичным руководством командующего транспортным флотом капитана 1-го ранга фон Шлика, заслуживает исключительной

---

[1] Батарея была задержана 23 октября в Аренсбурге.

[2] «Корсика» принадлежала к составу авангарда и наткнулась 12 октября на мину.

оценки. Действия капитана 1-го ранга фон Шлика были поддержаны целесообразными мероприятиями контр-адм. фон Рейтера. Последний за счет команд своих крейсеров усилил слишком малочисленные экипажи транспортов. Кроме того, он оказал помощь личным составом и различными выгрузочными средствами как в период совершения высадки, так и при разгрузке транспортов. Дело в том, что при высадке положено иметь три смены специалистов, а между тем выделить их полностью из состава транспортного флота не представилось возможным. Кроме того, выгрузка с пароходов могла задержаться из-за отсутствия необходимого количества плавучих средств, как-то: баркасов и буксиров. Командование «Особого отряда», в свою очередь, предоставило на первые 2 дня высадки моторно-весельные катера, имевшиеся в авангарде 3-й эскадры, моторные катера 2-го дивизиона тральщиков и прочие необходимые плавучие средства в виде буксиров, лихтеров и баркасов.

Что касается самой *организации*, то она оказалась нецелесообразной.

Так, руководство посадкой и высадкой находилось в различных руках. Первой, например, руководил морской транспортный отдел, не подчиненный командующему «Особым отрядом»; ответственность же за высадку лежала на командующем транспортным флотом.

Высадка значительно труднее, чем посадка на суда. Объясняется это неопределенностью обстановки, причем сплошь и рядом приходится высаживать десант на открытом берегу, в условиях невозможности заранее предвидеть, какова будет погода, и вдобавок под воздействием противника.

Поэтому становится понятным, что то лицо, которому приходится руководить значительно более трудной операцией, каковой является высадка, должно иметь серьезное влияние и на посадку на суда, а еще лучше — чтобы оно само ею и руководило.

С целью обеспечить выполнение пожеланий тех инстанций, которые заняты подготовкой морской операции, целесообразно командировать представителей от них в распоряжение командующего транспортным флотом. Последний же должен подчиняться командующему морскими силами, который в свою очередь обязан, если понадобится, оказывать помощь транспортному флоту личным составом и необходимыми средствами.

Затем необходимо в период подготовки уделять больше внимания тренировке в высадке, а не тренировке в посадке. При этом занятия необходимо проводить в обстановке, по возможности похожей на обстановку предстоящей высадки. Что именно для этого требуется и каков должен быть масштаб этих занятий, относится безусловно к компетенции командующего транспортным флотом. Во всяком случае нельзя ограничиваться только занятием с солдатами, пренебрегая быстрым выполнением выгрузки и погрузки лошадей и повозок.

Помимо всего прочего, быстрота производства высадки зависит, главным образом, от численности личного состава, руководящего

высадкой, и от количества разгрузочных средств. Оба эти фактора играют решительную роль при распределении войсковых частей по транспортам и при обеспечении последовательности выполнения самой высадки.

В операции «Альбион» лица, уполномоченные руководить посадкой, представили еще в Берлине в Морской транспортный отдел *перечень всего необходимого для организации посадки,* с учетом тех мероприятий, которые должны были быть проведены на пароходах для размещения людей, лошадей и повозок. Но вследствие того, что подготовительный период сильно затянулся, а количество войск, привлекаемых к участию в десантной операции, все увеличивалось, высшие же командные инстанции высказывали целый ряд своих пожеланий, потребовалось внесение значительных изменений в ранее представленный перечень. Этого нужно всячески избегать. Что касается распределения войск по транспортам, то оно должно производиться лишь после того, как выработан план высадки десанта и первой операции последнего на суше.

Последовательность высадки десанта должна быть разработана на каждом пароходе, и ее нужно обязательно придерживаться. Ею же, естественно, нужно руководствоваться при планировании посадки. Во время высадки на о. Эзель оказалось нецелесообразным устанавливать последовательность высадки в масштабе всего транспортного флота, а не для каждого парохода в отдельности. Иначе, при слишком ограниченном числе лиц, распоряжающихся выгрузкой, и количестве выгрузочных средств, приходится терять много времени на переброску как личного состава, распоряжающегося выгрузкой, так и выгрузочных средств, и самую высадку приходится выполнять последовательно. Затем приходится прибегать к различного рода комбинациям и компромиссам для удовлетворения многочисленных, притом противоречивых, пожеланий; понятно, что удовлетворить их подчас бывает довольно трудно. Дать какой-нибудь определенный рецепт, пригодный в любой обстановке, конечно, нельзя, имея в виду, что в каждом отдельном случае условия тактического использования войск после их высадки на сушу будут далеко не одинаковы.

Если после высадки потребуется высокая подвижность высаженных войск, то необходимо иметь в составе десанта самокатные части, но отнюдь не конные, так как высадка конского состава занимает слишком много времени. Между прочим, до прибытия верховых лошадей целесообразно обеспечить командный состав самокатами.

Большие неудобства вызывает дробление штатных подразделений, во-первых, ввиду трудности наблюдения за ними в период их нахождения на судах и, во-вторых, с точки зрения их быстрого сосредоточения после высадки. В разбираемой операции пришлось дробить штатные подразделения вследствие того, что фактическая их численность оказалась в момент посадки ниже той, которая была раньше заявлена.

Затем, при распределении по транспортам боевых припасов и продовольственных грузов нельзя исходить только из тоннажа и

грузить их на ограниченное количество пароходов. Эти оба вида снабжения могут очень быстро потребоваться войскам на берегу. К тому же сосредоточение слишком большого количества боевых припасов на одном пароходе связано с риском для перевозимых на нем подразделений, особенно имея в виду далеко недостаточную обеспеченность пароходов от мин и попадания торпед.

Большое количество захваченных на о. Эзель пленных и невозможность их быстрого вывоза вызвали ряд серьезных затруднений продовольственного порядка; если бы продовольствие было погружено на небольшие пароходы, то его можно было бы использовать гораздо удачнее. Следует также указать на необходимость иметь на транспортах, перевозящих войска, достаточное количество суточных дач продовольствия на случай затяжки высадки из-за волнения.

Наконец, нужно указать на необходимость высадки в первый же день *санитарных учреждений* или хотя бы их подразделений. Несмотря на то, что при совершении походного движения санитарная часть обычно следует вслед за боевыми частями, она может развернуться на поле боя не скорее, чем в 3—4 часа. При десантной же операции санитарные части должны высаживаться возможно раньше, так как если их высаживать вслед за боевыми частями, то они окажутся на суше лишь через несколько дней и не смогут обслужить ведущие бой войска.

Конский состав хорошо перенес морской переход; несмотря на то, что некоторые лошади пробыли в тесных боксах на судах по 12 суток, они против всяких ожиданий совершенно от этого не пострадали; были случаи, что непосредственно после высадки пришлось совершить сразу же два перехода продолжительностью по 40 *км* каждый. Рекомендуется только обеспечить для конского состава достаточный запас пресной воды. Между прочим, для лошадей тяжелого типа боксы оказались слишком короткими, выгрузочные же боксы имели слишком непрочную конструкцию.

Ввиду большой поспешности, присущей обычно любой высадке, к тому же нередко выполняемой под отнем противника, должны быть созданы вполне отчетливые условия подчинения, не исключая и дисциплинарных прав, имея в виду: руководство высадкой, «гарнизон» судна (коменданты), личный состав, руководящий выгрузкой, личный состав по обслуживанию мелких судов и баркасов, офицера, руководящего высадкой, и, наконец, высаживающиеся войска. Из-за отсутствия строго установленной системы подчинения высадка не только может затянуться, но и вообще сорваться. Кроме того, могут быть напрасные потери.

Для планомерного выполнения посадки и высадки существенно важно, чтобы выделяемые военно-морским и транспортным флотами в довольно значительном числе морские офицеры связи были основательно ознакомлены с оборудованием пароходов.

Для войскового командования чрезвычайно важно, чтобы при производстве десанта возможно скорее была установлена *связь между берегом и судами*, притом независимо от флота. Для этой

цели могут быть использованы оптические, телефонные[1] и радиотелефонные средства связи, а также быстроходные катера. Недопустимо, чтобы сухопутное командование во время своего нахождения на борту вовсе устранялось от руководства; наоборот, в этот критический период ему должна быть обеспечена возможность проявить свою инициативу.

Кроме того, рекомендуется дублировать средства связи, дабы более надежно обеспечить работу службы связи. Затем необходимо обеспечить связь между теми судами, на которых находятся высшие начальники и их штабы.

Нецелесообразно использовать части связи целиком; наоборот, рекомендуется распределять их подразделения по нескольким пароходам, в соответствии с последовательностью высадки и их предполагаемым использованием после высадки. При такой системе, естественно, неизбежно дробление подразделений связи.

Затем нельзя упускать из виду необходимость последующей своевременной замены, в соответствии с намеченным планом операции, ранее высадившихся подразделений связи высаживающимися позднее, дабы освободить первые для выполнения своих прямых задач. Например, на о. Эзель установленная от бухты Тагалахт средствами 42-й пех. дивизии связь была слишком поздно принята в эксплоатацию корпусным телефонным отделением.

Само собою понятно, что большее количество *пунктов высадки* имеет преимущество. Однако, неправильно было бы обозначать пункты высадки с пароходов дощечками больших размеров с нанесенными на них номерами. Кроме того, необходимо стремиться, чтобы командование смогло распоряжаться своими подразделениями тотчас же после их высадки. Поэтому для роты не должно назначаться более *одного* пункта высадки. Рекомендуется, в частности, иметь на всех пунктах таблички с номерами, причем командующий транспортным флотом сообщает пароходам, какие именно пункты высадки предназначаются для определенных войсковых частей подразделений.

Для *выгрузки* конского состава и повозок не рекомендуется создавать караваны плавучих средств на буксирах. Выгрузка может быть выполнена быстрее всего, если катера, баркасы и буксиры будут двигаться вдоль боксов с лошадьми, забирая на борт по одному боксу. На каждом транспорте, особенно в ночное время, должны обязательно находиться флотские командиры.

Высаженные части должны быть немедленно удалены от пунктов высадки и выдвигаться вперед. Создаваемая предмостная позиция расширяется по мере удаления войск от берега и прибытия новых частей. Предмостная позиция должна иметь известную глубину, дабы в случае какой-либо неустойки продолжение высадки не нарушалось. Поэтому, повторяем, высадившиеся части должны немедленно же продвигаться вперед. Но тут выдвигается на сцену другой момент: для своей полной боеспособности части нуждают-

[1] При условии применения подводного кабеля.

ся в различного рода средствах (пулеметы, боевые припасы, продовольствие). На о. Эзель противник оказал слабое сопротивление, которое и было быстро сломлено. Находившийся в значительном удалении от места высадки фронт будущей предмостной позиции был достигнут войсками в первый же день высадки. В последующие двое суток войска совершали форсированные марши. Поэтому занесенные в журналы военных действий войсковых частей записи боевых действий содержат выводы, исключительно вытекающие из данной своеобразной обстановки. Они были бы совершенно иными, если бы пришлось вести упорные бои и если бы наступление развивалось значительно медленнее. Ввиду сказанного требуется критический подход к изучению этой операции.

Затем нужно обязательно требовать, чтобы с первым же высаживающимся подразделением от каждой войсковой части (полк и т. п.) высылался на берег офицер связи. Оставаясь в пункте высадки, он будет соответственно направлять все подразделения, принадлежащие к составу своей части. Указания о пунктах назначения войсковых частей он должен получать от офицера связи, высланного штабом дивизии.

Далее, сами высаживающиеся подразделения обязаны позаботиться о том, чтобы пулеметы были при них. При этом, если пулеметные повозки еще не выгружены, целесообразно заменять их реквизируемыми обывательскими подводами. Лучше всего поручать это дело одному из наиболее энергичных офицеров, принадлежащих к составу подразделений. Что касается минометов, то их нельзя ни переносить, ни грузить на крестьянские повозки.

Последовательность выгрузки повозок может быть различна. При ожидаемом незначительном сопротивлении противника, но при предстоящих больших маршах можно скорее отказаться от патронных повозок, чем от полевых кухонь, ввиду того, что войска теперь уже отвыкли от самостоятельной варки пищи и вдобавок они будут слишком утомлены. Между тем, сытная кормежка важнее, чем отдых. В этом случае необходимые патроны можно иметь в нагрудных патронташах, а затем перевозить их на реквизируемых обывательских подводах. В интересах немедленного наступления, запрещается ожидать выгрузки лошадей и повозок. Однако, это сопряжено с серьезными неудобствами для войск, и, кроме того, налагает на них новые обязанности, связанные с реквизицией подвод, что в свою очередь будет отрывать бойцов от их прямых обязанностей и отрицательно влиять на дисциплину.

Различные побочные задания, возлагаемые на войска (получение, окарауливание и доставка боевых припасов, продовольствия и прочего войскового имущества, окарауливание и отправка пленных, сбор и окарауливание трофейного имущества), приводят к необходимости скорейшего освобождения от них боевых частей. Поэтому командование обязано взвесить, когда следует высаживать ландштурменные части и не следует ли их иметь в составе первого эшелона.

В разрезе разбираемой нами операции является сомнительной целесообразность использования крупных транспортов.

На борту самого большого VII парохода «Батавия» (11 500 *т*) находились:

2 пех. батальона 2 пулеметных роты 1 кавалерийский эскадрон 1 полевая батарея прочие учреждения	74 офицера 2 100 солдат 350 лошадей 130 повозок

Получение минной пробоины угрожало бы весьма серьезными потерями. Несомненно большее количество пароходов с меньшим водоизмещением было бы выгоднее. Они могли бы ближе подходить к берегу и, при одновременности высадки, значительно сократить ее срок.

По опыту разбираемой операции, следует притти к выводу о желательности иметь возможно более продолжительный подготовительный период, дабы создать необходимые условия для полного успеха десантной операции.

В видах сохранения полнейшей тайны, в том числе и от войск, рекомендуется заранее распространять слухи о совершенно ином объекте их действий. В настоящей операции, правда, с большим запозданием, таким ложным объектом был объявлен Петербург.

XXII. Оборона занятых островов

С занятием о. Даго задачи, поставленные перед десантным корпусом и «Особым отрядом», были выполнены. В первых числах ноября оба они были расформированы.

Вместо управления 23-го рез. корпуса было создано *Эзельское губернаторство*, в состав которого вошли три острова. Во главе губернаторства был поставлен ген.-лейт. фон Зекендорф.

Состав гарнизона и его дислокация приведены в приложении III.

Командование морскими силами было вновь сосредоточено в руках командующего разведывательными силами восточной части Балтийского моря адм. Хопмана, штаб находился в Либаве.

Приближалась зима. Рижский залив покрывается льдом с конца декабря до начала апреля. Плавание из Виндавы в Ригу вдоль Курляндского берега может совершаться дольше. Моон-Зунд и Малый Зунд покрываются сплошным льдом с середины января до середины апреля, притом лед настолько толст, что по нему можно переправляться на лошадях. В периоды замерзания и таяния острова ежегодно бывают совершенно отрезаны от материка.

В предвидении скорого замерзания восточные берега всех трех островов поспешно приводились в оборонительное состояние и снабжались на зимний период боевыми припасами и продовольствием.

На флот была возложена задача по обеспечению транспортных морских перевозок, а кроме того, флот должен был не дать противнику возможности ставить мины на фарватере между Либавой (или Виндавой) и Аренсбургом. Для подвоза на о. Даго должен

был быть проложен фарватер через Моон-Зунд и Кассарский плес, так как подвоз из Аренсбурга по сухому пути был невозможен из-за непроходимости дорог и недостатка транспортных средств. Сообщение водой поддерживалось миноносцами и небольшими судами. Кроме того, был проложен фарватер от Аренсбурга через Рижский залив до Риги.

Бросается в глаза, что, хотя занятие островов не устранило опасности перевозки войск морем, все же была произведена смена войск, и притом в довольно значительном масштабе. Смена была вызвана тем соображением, что высшее командование ни в каком случае не хотело отказаться от дальнейшего использования на материке 42-й пех. дивизии, ввиду ее высокой боевой ценности.

Обратная перевозка дивизии не обошлась без несчастных случаев. Из-за непринятия всех необходимых мер предосторожности один из пароходов, на борту которого находилась тяжелая батарея, наскочил на мину и затонул. Гарнизон наиболее угрожаемого о. Моон состоял из двух пехотных полков; на о. Даго, с его длинной береговой линией, была расположена большая часть подвижной самокатной бригады (3 батальона).

В качестве артиллерийских средств было признано достаточным иметь при всех обстоятельствах на обоих островах по одному дивизиону полевой артиллерии и по одной пушечной 10-*см* батарее.

Остров Шильдау был занят только 20 октября десантным отрядом с линейного корабля «Кёниг», который был в тот же день сменен пехотой. Однако, десантный отряд оставался на острове до 25 октября.

От занятия о. Вормс отказались совершенно, ввиду его маловажного военного значения. Он был слишком удален от о. Даго, чтобы служить мостом к нему.

Необходимо было везде экономить боевые средства; поэтому через несколько времени стоявший у Аренсбурга крейсер, принадлежавший к составу разведывательных сил восточной части Балтийского моря, был заменен миноносцем.

XXIII. Организационный и прочие вопросы

Основной вопрос — кто должен *руководить* совместной операцией армии и флота: высшее армейское командование или морское командование? Затем — кем должно возглавляться непосредственное руководство: сухопутным или военно-морским начальником?

На этот вопрос нельзя дать прямого и точного ответа, поскольку обстановка бывает весьма разнообразной. Вполне естественно, что при действии в одном районе сухопутных войск и армии обязательно будет иметь место своего рода соревнование. Это вполне здоровое явление, и армия и флот будут стремиться сделать все от них зависящее для блага родины и для достижения максимального успеха. Можно было бы только пожалеть, если бы это было иначе. Однако, для ответа на поставленный выше вопрос мотивы психологического порядка не должны играть пер-

венствующую роль. Правильное решение может быть принято лишь на основе холодного размышления и всесторонней оценки всех данных обстановки в целом.

Большая редкость найти лицо, которое, обладая качествами полководца, было бы вполне авторитетно в военных вопросах на суше и на море. Английский военно-морской историк Корбетт в своем труде о принципах войны на море проводит мысль, что, основываясь на опыте англичан, нецелесообразно объединять руководство «комбинированной» операцией в одних руках. По его мнению, «разногласий» будет меньше при координированном взаимодействии армии и флота.

Англичане применили подобную систему и в Дарданельской операции. Однако, неудачный исход последней не говорит в пользу принципа, выдвинутого Корбеттом. Кроме того, этот принцип находится в противоречии с заповедью военного искусства, имеющей тысячелетнюю давность, — о едином руководстве, будь то на суше или на море.

Лично я считаю, что и в «комбинированной» операции единое руководство является почти обязательной предпосылкой для успешного ее выполнения, при том условии, что будут по возможности устранены упомянутые выше «разногласия».

Адм. Гроос в своем труде «Уроки войны на море» говорит, что единый начальник должен обладать способностью «предвидеть пределы возможности использования армии и флота».

В разбираемой нами операции верховное руководство было объединено в руках сухопутного командования. Приказ об операции был отдан верховным командованием после предварительного сотласования с морским генеральным штабом. Самое же руководство операцией «Альбион» было возложено на командующего 8-й армией.

Операция увенчалась полнейшим успехом. Не встретилось никаких затруднений в осуществлении взаимодействия армии и флота. Командующий 8-й армией смог проявить полностью свое влияние перед операцией. Иначе обстояло дело в первые дни операции: влияние высшего командования было, к большому сожалению, ограничено вследствие того, что оно было отделено морем от района боевых действий,— это, во-первых, а во-вторых, бездействовала радиосвязь. Неблагоприятных последствий это не имело, но самый факт заслуживает исследования.

Ген. Гутье находился в своей главной квартире в Риге, а не при десантном корпусе, т. е. ни на корабле, ни в районе боевых действий на суше.

Это обстоятельство не может быть подвергнуто критике, так как, являясь высшим начальником, он имел право находиться или там, где расположена главная масса его сил, или же там, где наносился решительный удар. Основные его силы, т. е. 8-я армия, находились на сухопутном фронте. Занятие Балтийских островов отнюдь не являлось решающим фактором с точки зрения операции 8-й армии в целом, поскольку последняя в тот период вообще никакой операции не вела. «Альбион» являлась

самостоятельной операцией, которая, правда, создавала надежное обеспечение для 8-й армии со стороны моря, но в общем, по крайней мере вначале, она имела для нее второстепенное значение.

Из сказанного логически вытекает, что руководство с одинаковым успехом могло быть возложено и на другого генерала или адмирала соответствующего ранга, но обязательно при том условии, что верховное командование и морской генеральный штаб выделяли равные силы. Бесспорное преимущество такого решения состоит в том, что генерал, фактически руководивший боевыми действиями, не был прикован к берегу, но, по аналогии с командующим флотом адмиралом, имел возможность находиться, при своих войсках и в любой момент проявить свою инициативу.

Нет решительно никаких оснований предполагать, что под руководством другого лица,— скажем, главнокомандующего военно-морскими силами Балтийского моря, принца Генриха Прусского,— операция проводилась бы иначе и закончилась с иными результатами.

Иное дело, если бы операция «Альбион» преследовала более широкую задачу, например, если бы предполагалось после занятия островов переправиться на материк или непосредственно вслед за высадкой, сосредоточив на материке крупные силы, предпринять наступление во взаимодействии с 8-й армией. В последнем случае следовало бы возложить руководство операцией на командующего 8-й армией или командующего армейской группой, так как при таком варианте основное значение имел бы не десант при содействии флота, а последующая операция армии на материке.

Достаточно хотя бы только что упомянутого, притом вполне правдоподобного варианта операции «Альбион», чтобы понять, насколько разнообразной может быть обстановка.

Условия для десантной операции будут совершенно иными при более значительных расстояниях, что и имело место в Галлипольской операции. Если экспедиционный корпус находится в полной зависимости от флота, то последний должен рассматриваться как главное действующее лицо, и тогда, естественно, руководство должно быть возложено на адмирала. Картина резко меняется, если после удавшейся высадки подвоз войск продолжается: экспедиционный корпус значительно усиливается и приобретает способность к самостоятельным действиям. В этом случае центр тяжести операции перемещается на сушу, т. е. к армии, почему целесообразно передать дальнейшее руководство генералу; что же касается флота, то он будет выполнять весьма ответственную роль по подвозу армии всего необходимого.

В общем же, независимо от того, кому вверит верховное командование руководство операцией, генералу или адмиралу, успех операции зависит существенно от соблюдения следующих двух условий:

— лицо, которому вверено руководство операцией, должно обладать полководческими способностями; таким образом, это вопрос персонального подбора;

— должна существовать полнейшая ясность как в отношении самой задачи, так и способа ее выполнения, потребных сил и средств; кроме того, должно быть обеспечено теснейшее взаимодействие всех ответственных инстанций и направление их усилий к выполнению поставленной задачи.

Дарданельская операция является разительным примером того, как не следовало действовать.

Кабинет министров поставил задачу, не осведомившись предварительно о возможностях ее выполнения у специалистов, т. е. у сухопутного и морского генеральных штабов. Притом было решено захватить участок суши, т. е. Галлиполи, средствами только одного флота. И уже после того, как последовало распоряжение, обнаружилось, что генеральный штаб еще в 1906 г. разработал доклад о десантной операции.

Далее было приказано предпринять наступление на суше, необходимых же для этого войск не оказалось.

Трудно сказать, что целесообразнее — везти ли все войска сразу или же организовать подвоз основной массы войск после того, как состоится высадка головного эшелона. Так или иначе, но нужно помнить, что различного рода компромиссы всегда влекут за собою неудачу.

Но замечательно то, что именно такая ошибка была допущена в Англии, где, помимо богатого опыта в организации десантных операций, к участию в разработке мобилизационных планов привлекались *все* без исключения министерства.

Независимо от того, кем именно задумана такая «комбинированная» операция сухопутных и военно-морских сил,— будь то правительство, высший военный совет или какая-либо коллегия незнакомых с вопросами сухопутной и морской войны государственных деятелей,— а также поручается ли руководство самой операцией генералу или адмиралу, необходимо обязательно посоветоваться с соответствующими специалистами, каковыми являются: генеральный штаб и морской генеральный штаб, военное и морское министерства и штаб того начальника, которому вверено руководство операцией.

Когда осенью 1917 г. плохая погода чрезвычайно затянула начало операции «Альбион», верховное командование отдало распоряжение приступить к посадке ранее предположенного планом операции срока.

Будем надеяться, что официальная история мировой войны установит, согласовала ли ставка предварительно свое решение с морским генеральным штабом. Требование ставки оказалось невыполнимым, так как это грозило сорвать успешное выполнение операции.

По представлению командира корпуса и штаба флота это распоряжение впоследствии было отменено.

Руководящий операцией начальник, находясь во время плавания десанта к месту высадки на борту флагманского корабля и принимая решения, обязан, во избежание повторения случаев, по-

добных описанному, прислушиваться к пожеланиям как войскового штаба, так и штаба флота.

В тех случаях, когда личное общение руководящих инстанций отсутствует, примером чего может служить операция «Альбион», во время которой командующий 8-й армией осуществлял общее руководство, продолжая оставаться на суше, необходимо обеспечить компетентную консультацию со стороны соответствующих специалистов. При этом нельзя ограничиваться только прикомандированием офицеров связи, принимая во внимание, что, в силу установившейся традиции, для этой цели обычно выделяются молодые офицеры. В этом случае нельзя удовольствоваться одной лишь голой информацией о боевых действиях другого рода войск и передачей донесений, а требуется серьезная консультация специалистов, которую в состоянии дать лишь офицеры, обладающие солидным опытом. Иными словами, для связи должны назначаться офицеры с соответствующим солидным стажем и обладающие гражданским мужеством принять на себя ответственность за свои предложения.

Поэтому мне кажется целесообразным иметь в распоряжении старшего начальника, в случае его пребывания на берегу, специального представителя от штаба флота; желательно, чтобы это лицо было в чине не ниже адмирала. В его личном распоряжении должны иметься, кроме того, уже более молодые офицеры флота.

Разбирая вопрос об организации управления, следует обратить еще внимание на следующую особенность. И главнокомандующий восточным фронтом, и командующий группой армий были вовсе устранены от руководства. Во всех вопросах, относящихся к операции «Альбион», командующий 8-й армией был непосредственно подчинен верховному командованию. Поэтому-то ни главнокомандующему восточным фронтом, ни командующему группой армий морские штабы приданы не были. Командующий «Особым отрядом» в свою очередь был подчинен непосредственно морскому генеральному штабу, а не главнокомандующему морскими силами Открытого моря или командующему морскими силами Балтийского моря.

Такая система подчинения содействовала тому, что не было никаких нежелательных «разногласий».

Подобная же система вполне может быть применена и для организации руководства боевой подготовкой в мирное время. По соображениям бюджетного порядка, обычно подходят к разрешению вопроса о руководстве подобными «комбинированными» операциями чрезвычайно односторонне, что только приносит ущерб делу. Само собой понятно, что руководить такими совместными занятиями должен один начальник, будь то генерал или адмирал. Но ему, конечно, должна быть обеспечена возможность опираться в своих решениях на компетентных советчиков из состава *обоих* видов вооруженных сил. Имея в виду ту большую ответственность, которая ложится в данном случае на представителей другого вида вооруженных сил, эти представители должны по воз-

можности назначаться из лиц, примерно, равных по чину с руководителем учения.

Я лично считаю еще полезным создавать своего рода двойные штабы из представителей обоих видов вооруженных сил с ответственным начальником во главе. Могущее всегда возникнуть соперничество должно пресекаться во имя общей заинтересованности. Если учение организовано толково, то легко избежать различного рода «разногласий».

К участию в совместных учениях армии и флота следует также привлекать и третий вид вооруженных сил, а именно воздушный флот. Правда, в Германии это пока еще неосуществимо [1].

* * *

Разберем теперь влияние, которое оказали военно-воздушные силы в 1917 г. на выполнение операции «Альбион».

Наряду с армией и флотом, притом оказывая им действительную поддержку, принимали участие и *военно-воздушные силы.* Роль их к этому времени уже была весьма значительна. Во время операции по захвату Балтийских островов военно-воздушные силы были использованы довольно широко и действовали весьма успешно. Всего на германской стороне было до 100 самолетов, из них 75 действующих (68 морских и 7 сухопутных).

Они базировались на аэродромы в Либаве, Виндаве, в устье р. Ирбе, на оз. Ангерн, в Донданге (схема 1) и на авиаматку «Санта Елена».

Авиация находилась в подчинении кап.-лейт. Бертхольда, командовавшего авиацией. Сам он состоял при командующем «Особым отрядом».

Десантный корпус имел в своем распоряжении 15 самолетов, а именно:

а) 16-й полевой авиационный отряд на аэродроме в Донданге, в составе 7 самолетов; он был придан в распоряжение командира 23-го рез. корпуса;

б) 8 самолетов на аэродроме в Виндаве; они были приданы 42-й пех. дивизии (4 боевых самолета и 4 самолета с летчиками-наблюдателями из состава сухопутных войск, в качестве пехотных и артиллерийских самолетов).

Эти гидросамолеты, несмотря на то, что на их долю выпало выполнение несвойственных им задач, действовали прекрасно. Однако, их летные возможности, благодаря базированию на Виндаву, были ограничены; авиаматки для них не имелось.

Полевому авиационному отряду, благодаря недостаточному количеству посадочных площадок, приходилось вначале ограничиться разведкой юго-западной части о. Эзель. На остальных участках района боевых действий гидросамолетам пришлось выполнять также и свои специальные задачи, в связи с чем их использование было весьма разностороннее.

---

[1] Книга вышла в 1931 г. — *Прим. перев.*

Перечислим их задачи.

1. Дальняя разведка неприятельских морских сил.

2. Обеспечение транспортного флота от неприятельских подводных лодок во время его плавания в бухту Тагалахт и в процессе операции.

3. Работа в качестве боевых самолетов (в день высадки было сбито 3 неприятельских самолета).

4. Бомбардировочные налеты.

5. Корректировка стрельбы судовой артиллерии.

Далее следуют задачи, имевшие целью содействие десантному корпусу.

6. Дальняя и ближняя разведка.

7. Работа в качестве пехотных самолетов (бой за Оррисарское предмостное укрепление).

8. Работа в качестве артиллерийских самолетов (для облегчения пристрелки сухопутной и судовой артиллерии).

9. Работа в качестве боевых самолетов.

Из приведенного перечня видно, что морские самолеты весьма широко использовались для выполнения задач, им несвойственных, для которых, между прочим, тяжелые гидросамолеты были мало подходящи.

Летный состав работал с большим подъемом и неутомимостью и оказал командованию и войскам неоценимую помощь. Особенно отличались морские летчики, стараясь, несмотря на весьма неблагоприятные условия погоды в первые дни операции, поддерживать связь между штабом дивизии и отрядом Винтерфельда, а также между сухопутными войсками и судами флота в Малом Зунде и у Сворбе.

Морские летчики, благодаря конструкции гидросамолетов, а также ввиду разнообразия стоящих перед ними задач в объеме чисто морской авиационной службы, не могут быть вовсе подготовлены или в крайнем случае могут получить лишь ограниченную подготовку к выполнению чисто сухопутных заданий. Поэтому рекомендуется в виде вспомогательного средства обеспечивать морскую авиацию наблюдателями из состава сухопутных войск; подобный способ применялся во время операции «Альбион».

С 13 октября расположенный у Папенсхольм аэродром после его занятия германскими войсками был готов для эксплоатации, и 14 октября на него было перенесено базирование 8 морских самолетов, обслуживающих 42-ю пех. дивизию. 16 октября 16-й полевой авиационный отряд был переброшен в Аренсбург; имевшийся около последнего русский аэродром был занят 14 октября. Этим самым были устранены все препятствия, мешавшие использованию сухопутных самолетов.

Между прочим, нужно заметить, что во время операции «Альбион» находившаяся на материке авиационная база была расположена довольно близко к району боевых действий. При более же значительных расстояниях выполнение всех без исключения задач неминуемо придется возлагать на морскую авиацию.

Использование столь значительного количества самолетов требует для их базирования и снабжения солидной и четкой организации, которая может быть создана только при условии наличия достаточного для этого времени. При этом следует позаботиться о том, чтобы все интересы как морской, так и армейской авиации были удовлетворены по возможности полностью.

Что касается передачи донесений с самолетов, то по этому серьезному вопросу будет сделано несколько замечаний ниже, в разделе о службе связи.

Считаем уместным остановиться на вопросе корректирования стрельбы с самолета. Армия в этом отношении уже имела некоторый опыт, но искания в этой области продолжались, причем они не всегда давали успешные результаты. Во флоте это дело значительно сложнее, так как бывает чрезвычайно трудно осуществить перед стрельбой личную договоренность между артиллерийским офицером судна и летчиком. Вследствие этого во флоте связь с самолетом приходится базировать по преимуществу на технические средства связи (оптическая сигнализация и сбрасывание вымпелов).

Судя по содержанию доклада о задачах, работе и полученном опыте военно-воздушных сил в период операции «Альбион», летчики приписывают себе заслугу в том, что во время высадки в бухте Тагалахт огнем 2-й флотилии миноносцев [1], корректировавшимся наблюдением с воздуха, была приведена к молчанию русская полевая батарея и что огонь 4-й эскадры 15 октября вызвал на пятом залпе пожар на Церельском маяке.

По данным журнала военных действий 3-й эскадры, обстрел береговых батарей Вой и Вердер во время вторжения 17 октября в Моон-Зунд, который предполагалось вести при помощи наблюдения с воздуха, не удался. В указанном выше докладе в качестве причин, приведших к неудаче, выдвигаются отсутствие предварительной договоренности и отступление от выработанного плана. Судовая артиллерия по преимуществу — я бы сказал на 99% — приспособлена к ведению огня по судам, т. е. по видимым целям прямой наводкой. Стрельба судовой артиллерии по невидимым или трудно обнаруживаемым сухопутным целям, при отсутствии хорошо видимой вспомогательной цели, является безрезультатной и может быть приравнена к стрельбе по площадям с рассеиванием, притом со случайными результатами. Трудно сказать, могла ли бы 3-я эскадра иметь 17 октября столь быстрый успех и был ли бы последний вообще возможен, если бы батареи Вой и Вердер не прекратили столь быстро сопротивление без всякой к тому необходимости. Не будь этого, пришлось бы их привести к молчанию, что может быть быстро выполнено только при содействии артиллерийских самолетов.

Этот характерный пример приводит к необходимости уделять во флоте больше внимания наблюдению с воздуха, что указывает

---

[1] При стрельбе непрямой наводкой по закрытым целям можно было вести огонь только одним миноносцем.

на необходимость для флота иметь самолеты для своих собственных нужд.

События на Сворбе также служат примером, из которого можно сделать выводы для взаимодействия армии и флота. В этом случае действовавшие на суше войска хотели получить поддержку судовой артиллерии. Радиосвязь между 131-м пех. полком и 4-й эскадрой не могла быть налажена из-за неисправности морской десантной радиостанций; кроме того, офицер, командированный с эскадры на берег, не нашел полка. Командир полка передал свои пожелания двум морским летчикам, прилетевшим в полдень из Виндавы. 4-я эскадра должна была произвести обстрел стрелявшей русской полевой батареи и русского флота, действовавшего в Рижском заливе. На летчиков была возложена задача отогнать русские миноносцы, появившиеся у о. Абро. В упомянутом выше докладе говорится, что связь с кораблями была установлена при посредстве самолетов. Но эта связь, видимо, ограничилась передачей одного лишь пожелания командира полка. Постоянной связи не было, а вдобавок эскадра так и не обстреляла берега, о чем просил командир полка. Между тем, в тот момент этот обстрел мог иметь не только чисто тактические результаты, но и произвести сильное моральное впечатление.

Итак, приходим к выводу, что поддержка судовой артиллерией войск, наступающих на берегу, и, в частности, передача требований последних об обстреле противника при бездействии радио и оптической сигнализации, а также корректирование огня наблюдением с воздуха являются для авиации весьма важной задачей.

Решая вопрос об организации вооруженных сил, в частности, вопрос об организации авиации, необходимо будет обеспечить самый тесный контакт между армейской и морской авиацией. Только при соблюдении этого оба типа авиации будут в состоянии справиться со всеми выпадающими на их долю задачами.

Операция по занятию Балтийских островов служит ярким подтверждением этого требования. В данной операции авиация выполнила, между прочим, еще одну блестящую задачу, заняв 13 октября 8 самолетами о. Абро и 15 октября 6 самолетами о. Руно. Помимо того, что летчики установили на них сигнальные огни, необходимые для безопасного плавания флота, занятие этих островков имеет еще и чисто историческое значение.

Авиация успешно выполняла свои разносторонние задачи большею частью в ненастную погоду, при недостаточных условиях видимости и в дождь. Получение горючего с авиаматки «Санта Елена» при волнении на море было связано с большими трудностями. Несмотря на это, нашей авиации удалось с первых же дней обеспечить себе господство над русской авиацией. Все вместе взятое служит доказательством, насколько велика была доля участия авиации в общем успехе операции.

* * *

Для руководства столь огромным аппаратом морского флота и десантного корпуса и для организации связи берега с командными

инстанциями потребовалась тщательная и разносторонняя организация службы связи. Последняя базировалась в основном на радиосвязь.

Для организации *радиосвязи* были даны весьма подробные указания как по линии штаба корпуса, так и по линии «Особого отряда».

Руководство всей сетью радиосвязи флота было сосредоточено на флагманском корабле «Особого отряда», причем работа велась на двух основных волнах. Прямую связь с центральным узлом имели линейные корабли, крейсеры, миноносцы, воздушные суда, некоторые флагманские суда, флагманское судно транспортного флота и морские десантные радиостанции I — IV.

Для более надежной связи с флотилиями миноносцев, а также в качестве резерва на случай отказа центральной радиостанции последней был придан дополнительный радиопередатчик.

Для радиосвязи внутри самих соединений и для специальных родов войск были точно установлены волны определенной длины, а именно:

— для самолетов, авиаматки и для корреспондирующей радиостанции в Виндаве;

— для транспортного флота;

— для артиллерийского самолета и стреляющего корабля;

— для подводных лодок и для разнообразных соединений мелких судов.

Кроме того, были выработаны специальные правила для связи:

— воздушных сил с радиостанцией в Виндаве;

— подводных лодок с радиостанцией в Либаве, с учетом времени передачи последней на большие расстояния, а также сроков радиомолчания.

В масштабе флота была обеспечена связь с материком, Либавской гаванью и штабом 8-й армии, с морским генеральным штабом, с флотом Открытого моря и с командованием военно-морских сил Балтийского моря. Кроме того, была организована радиосвязь между «Особым отрядом» и десантным корпусом, с военно-воздушными силами (6 воздушных кораблей и до 75 самолетов). К этому следует добавить довольно значительное количество донесений о противнике. По мнению командира одного из высших соединений, сильная перегрузка радиосвязи проистекала не только из-за большого количества радиостанций, но и благодаря отсутствию необходимой подготовки по использованию радиосвязи. Пользование радиосвязью приняло столь громадные размеры, что командующий «Особым отрядом» был вынужден объявить 15 октября по радио, обращенному ко «всем»:

> «Использование радиостанций недопустимо растет, требуется максимальное ограничение».

Возраставший объем использования радиосвязи объясняется еще тем, что все переговоры берега с флотом, а в продолжение трех дней после высадки и переговоры между штабом десантного корпуса, который еще находился на борту флагманского корабля,

и войсковым командованием на берегу пришлось вести через морские десантные радиостанции, т. е. через центральный узел, находившийся на «Мольтке».

В результате сухопутные войска были слишком ограничены в использовании радиосвязи, а временами и вовсе ее не имели. Командование десантного корпуса было лишено подчас возможности передавать безусловно необходимые донесения командованию 8-й армии. Собственной станции на борту флагманского корабля оно не имело, а переговоры флота занимали полностью центральную радиостанцию. Радиосвязь со штабом 8-й армии поддерживалась через центральную радиостанцию (на борту «Мольтке») и через береговую радиостанцию в Либаве. Командование 8-й армии вполне законно обращало внимание на отсутствие донесений от штаба десантного корпуса, но поставить ему это в упрек все же нельзя.

Штаб корпуса был также сильно стеснен и в получении донесений от авиации. Передача донесений с самолетов базируется, за редкими исключениями, на радиосвязь и потому испытывает все невыгоды этого вида связи. Включение самолетов в сеть радиосвязи при совместной операции армии и флота вызывает еще большую ее перегрузку.

Во время операции «Альбион» командующий военно-воздушными силами находился на борту «Мольтке». Все переговоры по радио с самолетов велись через радиостанцию на авиаматке, которая стояла в бухте Тагалахт, и через морскую радиостанцию в Виндаве, являвшуюся корреспондирующей радиостанцией. В Виндаве находился офицер связи командующего военно-воздушными силами. И хотя эта мера разгружала центральную радиостанцию на «Мольтке», летчикам все же приходилось передавать свои донесения о противнике только в Виндаву. Там находилась их единственная корреспондирующая радиостанция, и уже оттуда офицер связи передавал донесения от авиации на центральную радиостанцию, т. е. на «Мольтке». Вследствие столь сложной системы донесения поступали в штаб корпуса кружным путем, а именно через Виндаву и центральную радиостанцию, почему они обычно и запаздывали. Само собою напрашивается необходимость иметь более целесообразную организацию радиосвязи. Это тем более необходимо, что по мере выдвижения вперед или создания новых пунктов высадки, разливочных пунктов для горючего, создания опорных пунктов и т. п. перед службой связи будут возникать все новые и новые задачи.

Современные усовершенствования радиосвязи допускают возможность работать одновременно на столь большом количестве волн различной длины, что едва ли могут возникнуть перечисленные выше затруднения. И все же напрашивается вопрос, не следует ли предоставлять в распоряжение командования корпуса (командующего десантным корпусом), не исключая и того случая, когда оно находится на борту флагманского корабля, *одно из находящихся поблизости судов* (например миноносец) *в качестве радиоузла для сухопутных войск*, причем это судно ни в коем

случае не должно пользоваться находящейся на нем радиостанцией для своих собственных нужд. В данном случае положение с радиосвязью улучшилось после того, как на берег была высажена достаточно сильная радиостанция (тяжелая радиостанция) и приступила к работе напрямую с радиостанциями 8-й армии в Риге и Либаве. В самый период высадки и после нее радиосвязь в масштабе сухопутных войск постепенно все более и более расширялась по мере прибытия на берег новых радиостанций, сначала самых малых, затем средних и больших переносных радиостанций и кончая легкими и тяжелыми радиостанциями.

Особые затруднения все время испытывало функционирование связи между армией и флотом, а в начале боевых действий, кроме того, и связь между штабами корпуса и 42-й пех. дивизии во время их нахождения на борту. Трудно было также поддержание связи между упомянутыми штабами и уже высадившимися на берег войсковыми частями. Эта трудность проистекала, главным образом, из-за различных систем шифров. И хотя прямая связь по радио между сухопутными и морскими радиостанциями, т. е. между штабами (корпуса и дивизии), расположенными на берегу, и со штабом флота (или со штабом корпуса во время его нахождения на борту корабля), не исключалась совершенно, но осуществить ее было трудно. Поэтому потребовалось создание промежуточного звена в виде нескольких морских десантных радиостанций. Одна из них находилась в бухте Тагалахт, другая — сначала при штабе дивизии, а впоследствии при штабе корпуса. Обе эти радиостанции были расположены в непосредственной близости с войсковыми радиостанциями. На этих-то промежуточных радиоузлах и совершался переход с одной системы шифрования на другую (расшифрование, передача радиограмм на другую радиостанцию и зашифрование). Чтобы избежать столь серьезного неудобства, проще всего иметь для армии и морского флота единую систему шифров. Но пока этого нет, можно добиться упрощения путем прикомандирования войсковых шифровальщиков к радиоузлу на борту флагманского корабля, снабжая их принятыми в армии шифрами.

Дальнейшее затруднение состояло в том, что морские десантные радиостанции имели очень хрупкую конструкцию; поэтому они во время передвижения портились, что и случилось, например, с радиостанцией, приданной на Сворбе 131-му пех. полку. В настоящее время армия снабжена более легкими переносными и более прочными по своей конструкции радиостанциями. Имея в виду современные усовершенствования в области радиосвязи, в частности в отношении малых войсковых радиостанций, считаем лишним делать здесь какие-либо конкретные предложения. Со временем вопросы радиосвязи значительно упростятся, тем более что в Германии имеются для этого все необходимые предпосылки.

Для разгрузки радиосвязи необходимо соблюдать строгую дисциплину при составлении текста радиограмм. В архивах имеется большое количество радиограмм и среди них многочисленные сводки, страдающие именно отсутствием краткости изложения.

Когда 30 лет тому назад основным средством связи служил телеграф, граф Шлиффен, бывший в то время начальником генерального штаба, заставлял нас, прикомандированных лейтенантов, практиковаться в составлении телеграмм, отличавшихся краткостью и в то же время ясностью содержания. В наше время, при стремлении к широкому размаху, этому обстоятельству придается, пожалуй, слишком мало значения.

В своей докладной записке от 23 ноября 1917 г. обер-лейт. морской службы Христ, заведывавший радиосвязью в штабе «Особого отряда», говоря о морских радиостанциях, совершенно справедливо отмечает, что:

> «Чрезвычайно желательно, чтобы имеющийся в армии в этом отношении опыт немедленно становился достоянием флота»... «Было бы желательно, чтобы по мере накопления соответствующего материала по этим вопросам, имеющим весьма существенное значение для совместных действий армии и флота, устраивались периодически совещания с участием представителей армии и флота».

Будет ли учтен описанный боевой опыт и возьмутся ли в армии и флоте, отбросив в сторону всякую конкуренцию, за разработку этого близко касающегося их обоих вопроса и не попадет ли этот вопрос под сукно в канцеляриях?

В заключение раздела о связи считаем необходимым подчеркнуть, что наряду с радиосвязью обязательно использование и всех прочих средств связи. Это нужно, во-первых, на случай перерыва радиосвязи и, во-вторых, для ее разгрузки. Особенно это будет необходимо в период высадки для обеспечения надлежащей связи между судами, на борту которых находится сухопутное командование, и войсками, уже высадившимися на берег (см. выше, раздел XXI).

Возвращаясь к вопросу об организации управления, следует признать вполне резонным создание во главе десантного отряда корпусного управления. Выполняя роль координирующего органа, штаб корпуса мог лучше отстаивать интересы сухопутных войск, чем штаб дивизии, и, кроме того, благодаря этому командир дивизии в значительной степени разгружался от лишних забот и имел возможность всецело посвятить себя руководству войсками.

Управление войсками на берегу — на о. Эзель — в первые дни боевых действий было целиком сосредоточено в руках командира дивизии. Он был независим от штаба флота, ничем с ним не связан и освобожден от непосредственного руководства высадкой и снабженческими вопросами. Благодаря этому с него был снят целый ряд ответственных обязанностей, которые только напрасно перегружали бы его и отвлекали его внимание от управления войсками.

Что касается командования корпуса, то оно, наоборот, было связано со штабом флота и должно было иметь свое пребывание на борту флагманского корабля, — во всяком случае до тех пор, пока не будут разрешены все принципиальные вопросы, в том

числе и оперативные. Сообщение берега с флагманским кораблем и обратно было чрезвычайно сложно и отнимало много времени. Уже по одной этой причине более ранний съезд командования корпуса на берег был немыслим. Да и вообще в тот период непосредственного руководства командования корпуса боевыми действиями на берегу не требовалось; достаточно указать на тот факт, что прошло несколько суток, пока командиру дивизии удалось сосредоточить полностью свою дивизию на берегу. Таким образом, командиру корпуса на берегу делать было нечего. Ввиду всего сказанного лишняя организационная надстройка над штабом дивизии в лице командования корпуса оказалась вполне уместной.

Командование на берегу было поставлено в довольно трудные условия благодаря бездействию связи. При значительном взаимном удалении отдельных войсковых групп *телефонная связь* была немыслима. Кроме того, при быстром темпе развития операций средства телефонной связи не поспевали за войсками.

Высадка телефонного отряда занимает много времени. Считаем поэтому необходимым в предвидении десантной операции широко обеспечивать войска телефонным имуществом.

Перевозить его лучше всего на легких повозках, всячески сокращая притом количество конского состава, или же на ручных тележках. Мы рекомендуем заранее придавать всем частям, намеченным к участию в десантных действиях, телефонные подразделения, организованные по предложенному выше типу.

Несмотря на быстрое развитие радиосвязи, пока еще позволительно сомневаться, можно ли в современных условиях вовсе отказаться от широкого обеспечения войск телефонными средствами связи, особенно имея в виду слишком большой объем работы радиосвязи при совместных действиях армии и флота. Наряду с этим чрезвычайно важно не разрушать неприятельскую телефонную сеть противника, а производить такие повреждения, которые бы только затрудняли противнику пользование ею.

Кроме того, необходимо немедленно приступать к интенсивной эксплоатации телефонной сети, имеющейся на территории противника.

В общем следует признать, что для обеспечения *связи* между армией и флотом годятся все без исключения средства, и чтобы добиться теснейшего *взаимодействия* армии и флота, нельзя пренебрегать ни одним из них. Одним же из главных условий будет возможно более продолжительное совместное расположение штабов сухопутного и морского командования, создающее наиболее благоприятные условия для тесного контакта между ними и для их напряженной совместной работы.

При совместных действиях армии и флота взаимный обмен *офицерами связи* имеет гораздо большее значение, чем в пределах одной только армии или только флота. Вот почему при персональном подборе офицеров связи следует принимать во внимание старшинство в чине, служебный опыт и масштаб соединений, к которым прикомандировываются офицеры связи. Офицер связи не должен ограничиваться одним лишь сообщением о том, что

делает или что предполагает делать командировавшее его войсковое соединение или часть. Он должен быть в состоянии объяснить также, почему это делается, и того же требовать от штаба, к которому он прикомандирован.

Для этого необходима еще в мирное время соответствующая систематическая подготовка как офицеров сухопутной армии, так и морского флота, проводимая под непосредственным руководством сухопутного и морского командования. Имея в виду, что поверхностное взаимное ознакомление совершенно бесполезно, мы предпочитаем специальную подготовку небольшого кадра офицеров связи.

Для обеспечения взаимодействия и в целях взаимного понимания всех составных элементов, принимающих участие в десантной операции, необходимо, кроме радио, телефонных средств связи и самолетов связи, использовать *все* без исключения существующие средства связи, в том числе и вспомогательные, как-то: световые сигналы, римские свечи, вспышки из огнеметов, сирены, гудки, холостые выстрелы, вымпелы, флажки, моторные катера, автомобили и мотоциклы, снабженные специально обработанными цветными карандашами картами для быстрого ориентирования своего местонахождения, и т. п. Кстати, далеко не всегда можно будет рассчитывать на применение световой сигнализации. Помимо ее зависимости от состояния погоды, сосредоточение весьма значительного количества различных типов судов, притом на небольшой площади, создает такую путаницу в работе оптических средств связи, что подчас весьма трудно бывает выбрать подходящую систему сигнализации и обеспечить ее работу.

Ход операции показал, что только бесперебойная связь с командованием и быстрая передача донесений могут до известной степени гарантировать взаимную поддержку сухопутных войск и флота в тот момент, когда этого потребует тактическая обстановка.

Не может быть такого положения, чтобы взаимная поддержка сухопутных войск и флота прекращалась. Далеко недостаточно, чтобы войсковые части ограничивались по отношению к флоту одной лишь благодарностью за свою удачную высадку. Существует много возможностей доказать это на деле. На островах такие случаи были, и во всяком случае войска стремились к этому; такие возможности будут и впредь. Достаточно хотя бы указать на то, насколько важно узнать от местных жителей, где расположены минные и сетевые заграждения.

* * *

Если, невзирая на частые перерывы в работе связи, боевые действия все же увенчались крупным успехом, то это следует приписать разумному взаимодействию частных начальников.

Все частные начальники, до командиров полков и других отдельных частей, а также до командиров боевых кораблей и мелких судов включительно, были заблаговременно лично подробно ознакомлены штабом корпуса и штабом флота с планом предстоящих боевых действий. Необычный способ передачи «плана» в этом слу-

чае был весьма уместен. Однако, это, как справедливо пишет в своем дневнике один из командиров полков, не должно служить обязательным рецептом для будущего. Аэрофотоснимки берегов бухты Тагалахт и будущего района действий, разборы, проводившиеся методом военной игры, письменные и устные указания для предстоящих боевых действий настолько дополнили предыдущую теоретическую подготовку, что все начальники и подчиненные прекрасно знали, что нужно делать, и решительно атаковали противника при первом же с ним соприкосновении. Не будь такого подъема, не помогла бы и самая точная ориентировка в обстановке. Безудержное стремление вперед было одинаково необходимо как при высадке, так и в процессе боевых действий на островах и на море. Смелый наступательный дух и железная воля, направленная к достижению единой цели, а именно — к пленению противника, привели к успешному завершению операции, несмотря на эксцентричное наступление на о. Эзель и к тому же без достаточной артиллерии, невзирая на значительное удаление от своей базы, при необеспеченном подвозе и, в довершение всего, при наличии неприятельских минных заграждений и минных полей.

XXIV. Заключение

В начале книги мы дали оценку стратегического значения островов. Однако, неправильно было бы думать, что тогдашняя общая обстановка вызвала необходимость их занятия. Это не совсем так. Вопрос занятия Балтийских островов в тот момент потерял уже свою остроту.

Ранее существовавшая угроза северному флангу германского восточного фронта с моря значительно уменьшилась вследствие пассивного образа действий противника как в районе Рижского залива, так и в самом заливе, притом и на сухопутном фронте и на море. Следовательно, настоятельной необходимости занятия островов не было, и роль их для последующих операций также была почти ничтожной. Но, начиная с 1915 г., было стремление обеспечить себя от угрозы с моря и вместе с тем захватить обратно исконные немецкие земли. Далеко немаловажное значение имели также и чисто психологические результаты такого удара по русскому фронту: «удар нацелен на Петербург».

Таковы в общем причины, повлиявшие на решение верховного командования. К тому же верховное командование и морской генеральный штаб смогли как раз в подходящий момент предоставить для задуманной операции необходимые силы. Столь серьезная операция, в которой приняли участие 25 000 сухопутных войск и значительная часть военно-морских сил с выделенными для этой цели лучшими боевыми кораблями, была немыслима без предварительного серьезного обсуждения и тщательной подготовки. Последнее было тем более необходимо, что никакого опыта в этом отношении не имелось. Прежде всего нужно было основательно разработать план предстоявшей операции и серьезно проанализи-

ровать всю сумму разнообразных факторов в их взаимной связи.

Необходимо при этом подчеркнуть ту роль, которую сыграло самое тесное взаимодействие армии и флота, буквально во всех инстанциях, начиная от штаба флота и штаба корпуса и кончая командирами судов и командирами батальонов. В этой гармоничной работе не было и тени соперничества: все были преисполнены единым желанием добиться полного успеха операции. Взаимное понимание и стремление к нему, а равно и желание во что бы то ни стало оказать друг другу взаимную помощь и поддержку создали необходимые предпосылки для успешного выполнения серьезной задачи, стоявшей перед сухопутными войсками и флотом, призванными впервые действовать совместно.

Разработка плана операции осложнялась тем обстоятельством, что операции приходилось вести в позднюю осеннюю пору, причем энергично проводившаяся в это время подводная война сильно затрудняла выполнение задуманной операции.

«Дерзанию» должно было предшествовать серьезное «обдумывание».

По счастливой случайности, намеченный ранее 6-дневный подготовительный период из-за плохой погоды фактически оказался в три раза продолжительнее. Такое удлинение подготовительного периода весьма благоприятствовало успешному завершению операции. Только в дни, предшествовавшие морскому переходу, выяснилось, насколько медленно привыкают и осваиваются войска с совершенно незнакомыми для них условиями и задачами.

В предыдущих главах указывался ряд недочетов, обнаружившихся уже в процессе самой операции.

Считаем нужным остановиться еще на следующем вопросе.

Бросается в глаза, что сухопутные и морские офицеры одинаково незнакомы с организацией, вооружением и тактикой другого вида вооруженных сил. Несмотря на то, что лично я, благодаря моей предшествовавшей связи с флотом, не считал себя уже совершенно ему чуждым, все же, попав в роль начальника штаба десантного корпуса, я чувствовал себя довольно часто в *неприятном положении профана.* Затем мне довольно часто приходилось наблюдать, какие долгие предварительные переговоры приходилось вести сухопутным и морским офицерам, чтобы понимать друг друга.

Обязанность предусмотрительно работающего министерства обороны — добиться взаимного понимания командного состава армии и флота. При этом нельзя ограничиваться только командированием нескольких офицеров на 3 дня на миноносец или на стрельбу. По моему мнению, *безусловно необходимо организовать специальную подготовку к «комбинированным операциям»* определенного кадра и в армии и во флоте. Это, конечно, вовсе не исключает необходимости использования сухопутных и морских офицеров связи.

* * *

Если проследить выполнение этой своеобразной и совершенно самостоятельной операции, то приходишь к выводу, что она была

основательно задумана и тщательно подготовлена, выполнялась под целеустремленным руководством, прошла планомерно и завершилась ожидаемым успехом.

В течение недели были заняты острова Эзель и Моон, а через 2 дня был занят о. Даго. Общие потери, считая и флот, исчисляются в 400 чел., что составляет каплю в море по сравнению с 20 000 русских, взятых в плен, 140 захваченными орудиями и гибелью линейного корабля «Слава» и эсминца «Гром».

Правда, потери кораблей русского флота были малы, точно так же как и число боевых потерь в личном составе. Вполне естественно поэтому утверждение русских, что мы-де сильно раздули свой успех.

Такой полный успех был возможен только потому, что, помимо имевшегося тщательно разработанного плана операции, отлично подготовленное и способное принимать на себя ответственность за свои решения командование смело руководило операцией. Перед лицом такого противника, каким были русские в то время, можно было многое себе позволить. Со времени революции их боевой дух заметно угас, хотя нужно отдать справедливость, что русские войска ожесточенно дрались в Орриссарском предмостном укреплении, а на Кассарском плесе и в Моон-Зунде они храбро защищались.

Следует остановиться на той трагедии, которая произошла с русской обороной. В 1917 г. были осуществлены серьезные оборонительные мероприятия. Пролив Моон-Зунд был настолько углублен, что он стал доступен для линейных кораблей. Минные заграждения были усовершенствованы и усилены; количество их было увеличено до небывалых размеров. Но главную гордость представляла Церельская батарея, имевшая на своем вооружении орудия дальнобойностью в 28,8 *км*, т. е. на 8,4 *км* больше, чем судовая артиллерия германских линейных кораблей, которые поэтому едва ли были в состоянии с ней состязаться.

Русские были уверены, что, обладая столь мощными оборонительными средствами, они будут в состоянии отразить атаки немцев, особенно после того, как германские суда после прорыва в 1915 г. через Ирбенский пролив снова были вынуждены уйти из Рижского залива и в 1916 г. ограничивались только демонстративными действиями.

Именно теперь русские чувствовали себя особенно сильными. И вот революция спутала все расчеты и разбила все надежды.

Начальник штаба 107-й пех. дивизии, полк. Георгиевич, выразил после своего пленения удивление, что германцы использовали столь крупные силы, во много раз превосходившие силы обороны. Раньше германцы обычно наступали с более слабыми или по крайней мере равными силами. Они могли бы легко захватить Петроград.

Ход событий показал правоту этого заявления. Однако, поставить это в упрек германскому сухопутному и морскому командованию нельзя. С одной стороны, необходимо было сосредоточить превосходные силы для безусловного обеспечения успеха, в этом

отношении Галлиполи послужили предостерегающим примером, а с другой — следует с удовлетворением констатировать, что в период операции «Альбион» ни на каком ином участке театра военных действий не было неудач.

Заслуга столь блестящего успеха принадлежит и армии и флоту, однако, не в равной степени. Со стороны флота в операции принимала участие значительная часть сил флота Открытого моря. Ему пришлось возобновить свои действия после продолжительного срока полного бездействия. Флот в этой операции обеспечил переброску десантного корпуса и его высадку на берег, кроме того, он переправлял войска на острова Моон и Даго. Флот своими действиями создал необходимые условия для занятия сухопутными войсками островов, захвата большого числа пленных и большого трофейного имущества. Затем, помимо тактической поддержки войск, действовавших на островах, флот одним только фактом своего появления оказал им сильную моральную поддержку. Таким образом, львиная доля заслуги в успехе операции принадлежит флоту.

После занятия Балтийских островов вообще коренным образом изменилась общая обстановка в восточной части Балтийского моря. Занятие Балтийских островов означало не только утверждение господства в Рижском заливе и обеспечение правого фланга восточного фронта. Владея о. Даго, мы оказывались у входа в Финский залив, в котором находился русский флот, прикованный к Ревелю и Гельсингфорсу и значительно ограниченный теперь в свободе своих действий. Морская война в Балтийском море могла считаться законченной. Доставка из Швеции руды, необходимой для нашего народного хозяйства, в частности для военной промышленности, была теперь в значительной степени обеспечена.

Престиж Англии тоже был задет. По мере того, как закатывалась русская звезда, повышалась заинтересованность англичан в Балтийском море. Дело не ограничивалось одним лишь усилением подводными лодками русского Балтийского флота. Англия активно влияла также и на способ ведения морской войны своими союзниками и на их мероприятия по обороне островов. Обстановка благоприятствовала созданию Англией опорных пунктов на будущие времена в этой части морей, омывающих берега Европы, и распространению на них своего могущества. Но все эти планы сразу же рухнули, как только немецкие солдаты 12 октября твердо ступили своей ногой на о. Эзель. Престиж Англии был сильно подорван, и ее интересы заметно пострадали. Столь благоприятные условия для расширения английского могущества вновь сложатся не скоро. К этому следует добавить то недовольство, которое было вызвано занятием англичанами Мурманского побережья. В качестве залога за урегулирование русских финансов англичане хотели присоединить к своей территории не только Мурманское побережье, но и бывший Прибалтийский край. Кроме того, они претендовали на получение в течение 40 лет почтовых и таможенных доходов. Через год, в результате печально закончившейся войны, мы снова потеряли острова. Все, что было достигнуто

немецким умом, умением и храбростью, проявленными в операции «Альбион», пошло насмарку.

Выходит, что не осталось ничего, кроме воспоминания и обогащения нашей военной истории еще одной блестяще выполненной операцией.

Однако, неправильно было бы так думать.

Превратности судьбы и ход мировой истории неизвестны.

Неизвестно, какие задачи предстанут перед нами в будущем. Но эти цели не должны лежать в других частях света. Нам выгоднее получить обратно в свое владение наши исконные земли на востоке.

И если тогда будет использован богатый опыт операции «Альбион», то занятие Балтийских островов в октябре 1917 г., несмотря на их потерю, окажется не напрасным.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

БОЕВОЙ СОСТАВ ДЕСАНТНОГО КОРПУСА

Командующий: ген.-от-инф. фон Катен } Командование и штаб
Начальник штаба: полк. фон Чишвиц } 23-го рез. корпуса

42-я пех. дивизия

Командир дивизии: ген.-лейт. фон Эсторф
1-й офицер генерального штаба: кап. Фолькман

65-я пех. бригада: полк. Маттиас
17-й пех. полк: подполк. Кавечинский
131-й „ „ „ Фишер
138-й „ „ майор Фальк

Штаб и 1-й эскадрон 7-го драгунского полка
Начальник артиллерии: полк. фон Ерцен
8-й пол. арт. полк: майор Боде.

Саперные, минометные, телефонные, автомобильные и санитарные части по установленному штату.

Приданные части

Штаб 77-й пех. дивизии [1], 365-й пех. полк [2], 255-й рез. пех. полк [3]: полк. Берринг, 2-я пех. самокатная бригада: ген.-майор Фрейх. Квадт,

1-й, 2-й, 4-й, 5-й, 6-й батальоны (31 рота), 203-я самокатная рота, 77-я рез. самокатная рота, 10-й штурм. батальон: майор Слуйтер.

Штаб и 1-я рота, 18-я штурм. рота: кап. фон Винтерфельд, 2-й пулеметный отряд специального назначения [4], 5 тяжелых батарей (одна — 10-*см*, 3 — тяж. пох. гаубичн. и 1 — мортирная), 16-й авиационный отряд, 8 гидросамолетов.

Кроме того, различные саперные, минометные, радио- и прочие части и колонны.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

БОЕВОЙ СОСТАВ МОРСКИХ СИЛ

(Морской отряд особого назначения)

Командующий: вице-адм. Эргард Шмидт. Начальник штаба: кап. мор. сл. фон Левецов. Флагманский корабль: линейный крейсер „Мольтке“, при нем тендер „Блиц“ и миноносец „Т 132“.

---

[1] При руководстве посадкой в Либаве.

[2] Прибыл после завершения операции.

[3] 1-й батальон прибыл только в составе второго эшелона.

[4] Прибыл по окончании операции.

а) Линейные корабли

3-я эскадра

Командующий: вице-адм. Бенке
II адм.— контр.-адм. Зейферлинг
„Кёниг“
„Байерн“
„Гроссер Курфюрст“
„Кронпринц“
„Маркграф“

4-я эскадра

Командующий: вице-адм. Сушон
II адм. — коммодор Мейрер
„Фридрих дер Гроссе“
„Кёниг Альберт“
„Кайзерин“
„Принц-регент Луитпольд“
„Кайзер“.

б) Крейсеры

2-я разведывательная группа

Командующий: контр-адм. фон Рейтер
„Кёнигсберг“
„Карлсруэ“
„Нюрнберг“
„Франкфурт“
„Данциг“

6-я разведывательная группа

Командующий: контр-адм. Хопман (командующий разведывательными силами восточной части Балтийского моря)
„Кольберг“
„Аугсбург“
„Страсбург“

в) Миноносцы

Командующий: коммодор Гейнрих (первый командующий соединениями миноносцев)

Крейсер „Эмден“

2-я флотилия миноносцев

в составе 3-й и 4-й полуфлотилий (11 миноносцев)

8-я флотилия миноносцев

в составе 15-й и 16-й полуфлотилий (11 миноносцев)

6-я флотилия миноносцев

в составе 12-й и 13-й полуфлотилий (11 миноносцев)

10-я флотилия миноносцев

в составе 19-й и 20-й полуфлотилий (11 миноносцев)

7-я полуфлотилия миноносцев (12 миноносцев)

г) Подводные лодки

Флотилия подводных лодок „Курлянд“, командующий: кап.-лейт. Шётт.
Подводные лодки С 56, 57, 58, 59, 60, 78.

д) Суда минной службы

Минное судно „Наутилус“

е) Суда службы тралення

2-я флотилия искателей мин, командующий: кап.-лейт. Дофлейн
3-я полуфлотилия в составе 10 судов
4-я „ „ „ 10 „
8-я „ „ „ 6 „

1-й дивизион тральщиков

„Индианола“ с 11 моторными катерами

3-й дивизион тральщиков

„Инкула“ с 9 моторными катерами

2-й дивизион тральщиков

„Аммон“ с 12 моторными катерами

4-й дивизион тральщиков

„Гохкампф“ с 9 моторными катерами

3-я полуфлотилия искателей мин

1-я группа — 10 моторных катеров
2-я „ — 7 „ „
3-я „ — 7 „ „

2-я группа прорывателей заграждений

„Рио Пардо“, „Швабен“, „Глад“, „Лотар“

ж) Флотилия искателей подводных лодок

Командующий: капитан 1-го ранга фон Розенберг
Миноносцы № 144 и 141

1-я полуфлотилия

Миноносец № 142

1-я группа миноносцев А 32 с 8 судами
2-я „ „ А 28 с 8 „
3-я „ „ А 30 с 8 „
4-я „ „Глюксбург“ с 8 „

2-я полуфлотилия

Миноносец № 130

1-я группа миноносцев А 31 с 8 судами
2-я „ „ А 27 с 8 „
3-я „ „ А 31 с 8 „

Транспорты: „Кастор“, „Кобург“
Судно-мастерская „Донау“, 1 угольщик, 3 моторных катера
5 сторожевых судов (рыболовные пароходы сторожевой полуфлотилии „Ост“)
5 брандеров (рыболовные пароходы 2-й полуфлотилии торговой охраны)

з) Сетевые заградители

Отряд сетевых заградителей Балтийского моря, командующий: капитан 2-го ранга Кауль-гаузен

„Эскимо“
„Бургфрид“ } с 6 буксирами и 5 лихтерами
„Россаль“

и) Транспортный флот

Командующий: капитан 1-го ранга фон Шлик
19 пароходов с приспособлениями для высадки

к) Караван

Угольщики, нефтяники, водоналивные суда;
суда с боеприпасами и продовольствием, госпитальные суда;
пароходы связи, суда для установки навигационных сигналов, блокшивы (всего 21 пароход)

л) Воздушные корабли

Командующий: капитан 2-го ранга Вендт (Ганс)
Дирижабли S. L. 8 и 20 — Суддин (около Штольп)
„ L. 30 и 37 — около Пиллау
„ L. Z. 113 и 120 — Вайнаден (около Либавы)

м) Авиация

Начальник авиации: кап.-лейт. Бертхольд

1-й морской аэродром Виндава — около 39 самолетов
2-й „ „ Либава „ 17 „
3-й „ „ оз. Ангерн „ 25 „
4-я посадочная площадка Ирбе „ 9 „
5-е судно-авиаматка „Санта Елена“ „ 4 „

ПРИЛОЖЕНИЕ III

БОЕВОЙ СОСТАВ ГАРНИЗОНА ОСТРОВОВ
(С ноября)

Губернаторство Эзель

Губернатор: ген.-лейт. барон фон Зекендорф
Начальник штаба: майор Кёппен
Полевой авиационный отряд № 16

Участок Эзель

Комендант острова: командир 8-го уланского полка
1-й батальон 16 ландшт. полка
1-й „ 22 „ „
1-й самокатный батальон
5-й „ „

Участок Моон

Комендант острова: командир 255-го рез. пех. полка
255-й рез. пех. полк
365-й пех. полк
27-й пулеметный отряд
1/4 2-го эскадрона 2-го лейб-гусарского полка

3/4 4-го эскадрона 2-го лейб-гусарского полка
3-я, 5-я и 6-я батареи 8-го пол. арт. полка
1-я ландшт. саперная рота XVII
1-я, 4-я и 9-я батареи 8-го пол. арт. полка
2-я батарея 99-го полка пешей артиллерии (10-*см* пушки)

Участок Дазо

Комендант острова: командир 2-й пех. самокатной бригады
Штаб 2-й пех. самокатной бригады
2-й самокатный батальон
4-й „ „
6-й „ „
61-й пулеметный отряд
3-й эскадрон 2-го лейб-гусарского полка
2-я, 7-я и 8-я батареи 8-го пол. арт. полка
9-я батарея рез. полка пешей артиллерии (10-*см* пушки)
3-я рота 27-го саперного батальона

Кроме того, на островах содержались части связи, санитарные и обозные части.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

ТРОФЕИ

20 130 пленных,
141 орудие (в том числе 47 тяжелых),
130 пулеметов,
15 минометов,
свыше 2 000 лошадей,
1 200 повозок,
2 бронированных автомобиля,
28 легковых и грузовых машин,
10 самолетов,
6 ангар,
3 денежных ящика с 365 000 руб.

Кроме того, большое количество ручного оружия, патронов, бомб, мин, инженерного имущества, значительные запасы продовольствия, сукна, бензина, нефти, цемента и пр.

Потери

В сухопутной армии

Убитыми	3	офицера и 51 солдат
Ранеными	6	„ 135 „
Итого	9	офицеров и 186 солдат

Во флоте

Убитыми и без вести пропавшими	130	офицеров и солдат
Ранеными	61	„ „
Итого	191	офицер и солдат

Всего: 386 офицеров и солдат.

ПОТЕРИ В КОРАБЕЛЬНОМ СОСТАВЕ

(с 1 по 31 октября)

а) Боевые корабли

12 октября (день высадки) наткнулись на мины и получили повреждения:
линейный корабль „Байерн“ } Выполнив возложенные на них задачи,
„ „ „Грос. Курфюрст“ } самостоятельно вошли в гавань
транспортный пароход „Корсика“ (в авангарде) — после перегрузки войск на миноносцы выбросился на берег, затем был отбуксирован.
16 октября. Матка тральщиков „Индианола“ — минная пробоина, отбуксирована.
26 октября. Транспортный пароход „Сангара“ — вышел из строя, отбуксирован.
29 октября. Линейный корабль „Маркграф“ — поврежден взрывом мины, самостоятельно вошел в гавань.
31 октября. Пароход „Марта“ — поврежден взрывом мины, самостоятельно вошел в гавань.

б) Миноносцы

15 октября. Миноносец „В 98“ — поврежден взрывом мины, отбуксирован.
17 октября. Миноносец „S 64“ — затонул, наткнувшись на мину.
18 октября. Миноносец „В 111“ — поврежден миной, отбуксирован

в) Мелкие суда

6 октября. Миноносец „Т 54“ — потонул, взорвавшись на мине.
7 октября. Искатель „М 31“ — то же.
8 октября. Искатель „М 75“ — получил минную пробоину, отбуксирован.
8 октября. Миноносец „Т 85“ — то же.
8 октября. Тральщик „Кладов“ — поврежден, отбуксирован.
10 октября. Глиссер взорвался (мина?).
14 октября. Миноносец типа „S“ „Дельфин“ — пропал без вести (мина?).
14 октября. Миноносец типа „S“ „Алтаир“ — потонул, взорвавшись на мине.
16 октября. Миноносец „Т 56“ — выбросился на берег.
18 октября. Миноносец „Т 66“ — потонул, взорвавшись на своей собственной мине.
21 октября. Тральщик „Роландт III“ — потонул, взорвавшись на мине.
22 октября. Миноносец типа „S“ „Гутгейль“ — потонул, взорвавшись на мине.
22 октября. Миноносец типа „S“ „Глюкштадт“ — выбросился на берег.
24 октября. Тральщик „F 3“ — затонул, взорвавшись на мине.
25 октября. Миноносец „А 32“ — вышел из строя, отбуксирован, тонул.
26 октября. Миноносец „Т 65“ — затонул, взорвавшись на мине.
29 октября. Искатель „М 68“ — поврежден миной, вытянут на берег.
29 октября. Тральщик „Тарасп“ — опрокинулся и затонул.
30 октября. Тральщик „Бине“ — расстрелян, затонул.
30 октября. Миноносец типа „S“ „Керевидер“ — выбросился на берег.

Кроме того, значительное количество боевых судов, миноносцев и мелких судов пострадало от задевания за дно и из-за столкновений.

г) Выгрузочные приспособления

Выгруженные на берег быстроходные катера, шлюпки, боксы для лошадей и т. п. удалось большею частью забрать на суда.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
1935 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие автора	5
I. Предшествовавшая обстановка на восточном фронте	7
II. Стратегическое значение Балтийских островов	9
III. Действия на море	10
IV. Острова и омывающие их воды	14
V. Противник и его оборонительные мероприятия	17
VI. План операции	21
VII. Десантный корпус. Военно-морские силы. Транспортный флот. Порядок подчиненности	28
VIII. Подготовка (с 21 сентября по 8 октября)	30
IX. Посадка на суда (9 и 10 октября)	34
X. Переход в бухту Тагалахт 11 октября	36
XI. Высадка и боевые действия 12 октября	39
XII. Занятие о. Эзель и боевые действия на Кассарском плесе с 13 по 16 октября	53
XIII. Разбор высадки и боевых действий на о. Эзель и на Кассарском плесе до 16 октября	76
XIV. Форсирование Ирбенского пролива	92
Выводы	101
XV. Прорыв вице-адм. Бенке в Моон-Зунд	112
XVI. Занятие о. Моон (17 и 18 октября)	121
XVII. Разбор операций на море и на суше (с 16 по 18 октября)	126
XVIII. Даго	134
XIX. Почему русский флот смог уйти в Финский залив?	137
XX. Оперативный момент	144
XXI. Перевозка войск, высадка и выводы	146
XXII. Оборона занятых островов	152
XXIII. Организационный и прочие вопросы	153
XXIV. Заключение	168
Приложения	173

★

К ПЕЧАТИ ПОДГОТОВИЛИ

Редактор комбриг *Н. М. Потапов*
Технические редакторы *В. Коркин* и *А. Михалюк*
Корректор *В. Высоцкая*
Выпускающий *Б. Астафьев*

Сдано в производство 13.10.36
Подписано к печати 13.II.37

Формат бумаги 62×94/16
Объем 11,25 печ. л., 13 авт. л.
В бумажном листе 176800 знаков.

Уполн. Главлита № Г — 3080. Издательский № 172.
Заказ № 779. Тираж 7.000 экз.

Цена книги 2 р. 60 к., переплета 1 р. 20 к.

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината
Переплетные материалы Щелковской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3

Отпечатано в 1-й типографии
Государственного военного изд-ва НКО СССР.
Москва, ул. Скворцова-Степанова, 3.

★